

Ольга Борисова

Убегать непросто

От себя или к себе?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Игоревна Борисова

Убегать непросто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42392134

SelfPub; 2019

Аннотация

Сонное спокойствие сибирского городка прервано невероятными событиями. Похищают девушку, и против китайца, что решил защитить честь народа таким способом, восстает весь город. Но спасти ее сможет только молодой дизайнер Денис, из-за поста которого и разгорелся скандал, и невесть откуда взявшийся призрак прошлого Илья. Гаджеты – спасают или губят? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Из дневника И.Б.	27
Глава 2	28
Из дневника И.Б.	43
Глава 3	45
Из дневника И.Б.	63
Глава 4	64
Из дневника И.Б.	79
Глава 5	81
Глава 6	94
Глава 7	111
Из дневника И. Б.	130
Глава 8	132
Глава 9	155
Из дневника И.Б.	172
Глава 10	174
Из дневника И.Б.	201
Глава 11	204
Из дневника И.Б.	213
Глава 12	216
Из дневника И.Б.	240
Глава 13	242

Из дневника И. Б.	252
Глава 14	254
Из дневника И.Б.	263
Глава 15	264
Из дневника И.Б.	272
Глава 16	273
Из дневника И. Б.	284
Глава 17. История первая	285
Глава 17. История вторая	296
Глава 17. История третья	305

Пролог

Приветствую тебя, мой дневник и тот, кто однажды это прочтет! Я надеюсь, это случится до того, как его уничтожит время. Как-то там у вас, в мире нового времени? Я все время пытаюсь представить и не получается – темнота только. Я решил иногда писать здесь кое-что о своей жизни, чтобы не исчезло из памяти нужное.

Че сказать о себе? Меня зовут Илья, и мне девятнадцать лет. Я работаю в банке, и недавно еще стал помощником секретаря в Союзе Трудящейся Молодежи! У меня скоро свадьба. Зина – удивительная. Если бы я мог ее описать... Но я не поэт. Мы с ней часто представляем, как будут жить люди через сто лет, и я надеюсь, что будущее будет светлым. Мы хотим много детей, и я уверен, что ты – один из потомков нашего рода.

Пацаном я жил в Овсянке, с бабушкой и отцом. Мать умерла в родах после меня. Колодец от нашего дома стоял очень далеко, через несколько домов. У меня немели плечи, и я часто наливал только половину ведер. Бабушка, посмотрев на меня, брала коромысло и говорила, «сильная рука – сама владыка». Однажды она сказала, будто через сто с гаком лет вода будет в доме бежать. В специальном месте каждый колодец, и ведер не надо. Чудно! Я представлял, как она бежит-бежит, разливается по полу, топит дом, да и думал:

а чем река не вода в доме? На нашей пичужке вон и построить избу. С тех пор, если видел, что таскают воду бабы, зубо-скалил про краны. После третьего класса меня отдали в торговый банк, который тогда только-только открылся, в Красноярск к дальнему дяде. Я поселился в каморке в его доме, а у него уже был водопровод. Удивительно было узнать, что у кого-то уже есть горячая и холодная вода в доме, можно в ней лежать, и смешивать ее до температуры, когда тело приятно щиплет.

Теперь-то уж я многое умею: и красиво писать, и складывать один к одному, не зря же стал проводить операции. Мы с Зиной снимаем каморку у одного торговца–кондитера, правда, совсем не развернуться, но зато уже купили стулья. Вчера приехал друг из Петрограда, говорит, у них там туго с едой и одежкой, а вместо алкоголя народ повально балуется кокаином. Хорошо, что мы далеко от всех этих событий! Но и у нас становится беспокойно. Белые никогда не дадут спокойно жить...

Глава 1

– Как всегда, облепиху, пожалуйста, – оторвавшись на секунду от ноутбука, сказал парень.

День был в самом сердце рабочего времени, и кофейня пустовала. На диванчике в конце зала сидела компания студентов с чайником чая на столе, официантка со вчерашними кудрями сонно ковырялась в соцсетях. Блаженно. Он работал с удовольствием, не отрывая пальцев от потертой мыши. Когда принесли чайник, вскрыл две упаковки сахара, всыпал их, перемешал длинным краем ложки и вернулся к работе. Официантка бросила взгляд на экран и едва заметно улыбнулась. Новый шедевр. Вот сейчас он закончит, позовет ее, как обычно, заказать тыквенный суп, и ненароком спросит: «Эни, как вам?» А она, едва поняв смысл написанного, ответит: «офигенски».

Только этот кареглазый знал, что Аня ненавидела свое имя. Он ворвался в кофейню вместе с очередным порывом ветра. По капюшону изумрудного цвета катились крупные капли, он явно промок, но глаза сияли победой. Она тогда еще подумала о том, что у тигра глаза того же оттенка. Губы вот только были слегка тонковаты и, как будто, он все время поджимал их. Будто бы она будет с ним целоваться! Она тряхнула головой и подошла к нему, предложив столик. Он, придиричиво оглядел столик, словно не веря, что он удобный,

все-таки сел и тут же достал из-под худи ноутбук, осмотрел его бережно, и положил перед собой. Схватив салфетки со стола, он яростно вытер пару мокрых разводов на нем и только после этого принялся за карту. Аня почувствовала к нему симпатию – ей вообще нравились люди, которые прикипают к вещам. Он едва поднял голову, а она уже стояла рядом.

– Здравствуйте. Меня зовут Анна, и я сегодня буду вашей официанткой.

– Денис. – сказал он. В первую секунду она не поняла, что он называет свое имя, и попыталась вспомнить, что у них в меню есть подобного. Он, тем временем, продолжил. – Как будет лучше вас называть?

Никто из клиентов не спрашивал Аню, как она хочет, чтоб он ее называл. Да она и сама не рвалась к беседам. Но этот парень.... Весь облик его дышал свежестью, хотелось сесть рядом и просто выпить кофе. Они подружились, как считала Аня, и недавно он даже добавил ее на фейсбуке. Иногда она немножко мечтала, чтобы он пригласил ее в парк. Он приходил обычно днем и подолгу работал. Со временем он стал показывать ей свои работы, и она всегда подбадривала его, хоть юмор был ей и не близок. Он всегда был сосредоточен, спокоен, собран как перед забегом на дистанцию, и, когда он однажды просидел полчаса, не прикасаясь к своей футбольной мышке, она забеспокоилась.

– Могу я чем-то помочь?

– Энни, – тут же откликнулся он, – что вы думаете о цветах?

Она подавила вздох радости – наконец он пригласит ее!

– Я... Я их очень люблю, – промямлила она.

– Все их любят. Но что можно о них пошутить?

Это был первый раз, когда Аня всерьез обиделась. Но, в общем и целом, она продолжала мечтать о том, как его пепельные вихры однажды расплзутся по ее подушке.

Сам же Денис ни на минуту не подозревал о мыслях девушки. В эту кофейню его манил облепиховый чай, напоминавший ему вечера у бабушки. Дома, как он ни старался, повторить такое удалось только раз. И то, облепихи пришлось купить столько, что дешевле вышло бы три чайника распить. В ту кофейню его действительно привел случай, именуемый дождем. Он предпочитал работать и обедать дома, чтобы не сталкиваться с лишним шумом, который не даст сосредоточиться. И в тот день, топя по длинной улице, полной магазинов и кафе, он лишь искал кратчайший путь к остановке. Он, конечно, надеялся успеть до того, как хмурое небо разрешится девичьими слезами, и не обращал внимания ни на кучку студентов у входа в институт, что дымила в неположном, ни на ежегодную смену бордюров, и, уж тем более, на то, как талантливо машет бедрами девушка чуть правее его. Чуть тронув каплями, дождь начал рушиться стеной и он, чертыхнувшись, рванул в самое ближайшее, что было.

Ноутбук не пострадал. Больше всего в эти секунды Денис

волновался за то, что наработки последних месяцев пропадут. Он все собирался скинуть их на флешку, но каждый раз она была занята то очередным фильмом на вечер, то папой, который досматривал фильмы за него. Информация лежала себе, конечно, в дроббоксе, но это как с банком – кто знает, что будет с ним завтра? Сегодня ты еще мысленно тратишь трудовые денежки, мирно собирающие проценты у банка, а уже завтра твоей карточкой можно только колбасу резать. Денис изнывал от необходимости двигаться вперед, но пока не был уверен в своих силах, и в миллионный раз в свободное время исправлял одни и те же черновики. Намочи он своего друга и... В общем, кофейня спасла его в тот день, и все вокруг стало радужным. Уютными показались коричневые круглые столы с такого же цвета узкими стульями, выцветшие от солнца когда-то бывшие модными плакаты, даже герань в окнах показалась ему приветливой, поэтому и с Аней он был предельно обаятелен.

Но, уж если быть честным, Денис не был душой компании. В универе о нем говорили: «норм пацан». Но, если спросить у них, с кем он дружил, с кем сближался, то в ответ можно было получить лишь недоуменное пожатие плечами. Являя собой довольно закрытое существо, он не получал приглашения на многочисленные тусовки, от чего и друзей у него после диплома не осталось. Так, пара приятелей, с которыми можно было выпить в баре, но один уже давно в Нью-Йорке, а второй женился и стал дважды папашей, что рав-

носивлю отъезду за рубеж. Впрочем, его это не смушало. Единственный человек, с которым у него возникла постоянная потребность пообщаться, был его школьный друг Веня. Но Веня выбрал пещерный образ жизни – вернее, походный. Стал инструктором по спелеологии и с тех пор регулярно не выходил на связь, отправляясь то на две недели, а то и на два месяца по сложным маршрутам. Денис от одиночества не страдал, успешно плавая по Интернету, скорее, он радовался тому, что у него есть много времени для творчества. Сколькo его однокурсников работает простыми недалекими маркетологами, не особо заморачиваясь на теме карьеры? У них у всех личная жизнь, дружеские отношения, какие-нибудь отдыхи на море. А у него, у Дениса, есть большая мечта! О том, что и он всего-навсего пишет мемы для десятитысячного паблика, он почему-то не задумывался.

Глянув в угол монитора, он подозвал Аню (как по-дурацки называть себя на иностранный манер!) и заказал чашку эспрессо. Спать хотелось адски. Обычно перед работой Денис не позволял себе поздно ложиться, но он так завис на последних сериях «Гинтамы»¹, что совсем забыл о времени. Клялся, конечно, что только одну посмотрит, но даже в туалет не выползал. Еще пятый сезон смотреть.... Чертов Веня! Подсадил его на аниме, теперь уж не отвертишься. Раньше Денис знал только Сейлор Мун да Кэнди – Кэнди, но Веня-

¹ «Гинтама» – японская комедийная манга, по которой был снят одноименный сериал, который и смотрит Денис.

ка заставил его посмотреть пару серий «Тетради смерти»², и, одолев историю Лайта, он жадно погрузился в мир рисованной жизни.

Расплатившись, он прошел мимо баристы с помощником и заметил, что они играют в детское домино. Бариста как раз обнаружил среди своих фишек утенка и победно положил рядом с другим желтым. И вправду, что еще делать в полупустой кофейне в такую рань? Он не спеша добрел до остановки, растягивая время, чтобы дослушать слотовского «ангела» и почти сразу прыгнул в автобус. Торопливо прошел к окну, сейчас будет самая приятная часть поездки – через мост. Он любил всматриваться в широкие воды реки, ловить себя на мысли о том, что было бы, рухни они сейчас всем автобусом в воду. Может, та светловолосая, с розовой безвкусной сумкой, выбралась бы первой, потому что сидит у аварийного окна? А, может, мужчина с тростью оказался бы превосходным пловцом? Успела бы толстушка достать ребенка из этой гробовой коляски? Вот уже впереди замажчило трамвайное кольцо, заставлявшее водителей нервничать из-за объездов. Ему нравились грохочущие металлом по рельсам, полупустые громады, в которых не трясет, но не так часто удавалось оказаться в них в тишине, как минимум, потому, что рельсы через мост разобрали уже лет как тридцать.

² «Тетрадь смерти» – наиболее известный в России аниме-сериал, крайне любимый японцами сюжет манги, по которому сняты и игровые фильмы, и видеоигры, и лайт – новеллы.

цать. Проехав три остановки после моста, он выбрался наружу. Поборолся с совестью, вспоминая, что в доме кончился даже кофе, он убедил себя, что лужа возле магазина, никогда не высыхающая то ли от тени, то ли потому, что дом стоял на болоте, непреодолима и забежал в ларек, где цены были на порядок выше.

У ларька резвились дети. Денис заметил, что дочка его соседки, Лола, тоже была тут и неизменно в босоножках. В любую погоду! Дети играли в мяч почти у дороги. Это, впрочем, неудивительно. В этом районе серых пятиэтажек, еще советского периода, выстроенных для молодых рабочих семей, детские площадки представляли из себя парочку качелей да невнятные железные конструкции, кажется, для лазания. Строители, словно бы забыв, что тоже когда-то были маленькими, настроили коробки одну за одной, отделив друг от друга лишь дорогами. В их доме последние года два активисты собирались потратить деньги капфонда на городок, но пока еще находились на стадии борьбы с автомобилистами, которые на эти же деньги хотели бы построить себе стоянку. Вот и приходится детям искать развлечения, где придется. Денис, например, прятался у мусорных бачков, изображая человека-паука, а Венька вечно гонялся за кошками с вилкой, крича, что он Альф.

Время поджимало и, вернувшись, он ушел с головой в работу. Это только кажется, что придумать мем и нарисовать – пара пустяков. Денис поначалу так и думал. Амбициозный

выпускник пиар-факультета, он верил, что реклама до него не имела талантов. Может, и были какие энтузиасты типа Селфриджа или Бачевского, но он, Денис Гольдман, устроит такие рекламы, каких свет не видывал! Он с энтузиазмом брался за любые подработки еще в институте и даже вел аккаунт одной звезды, поэтому к диплому уже ощущал себя опытным работником. Время, впрочем, быстро стерло с его самоуверенности налет. Он поработал на рекламе у нескольких компаний и везде свободу мысли подавляли желания клиента. Мечты устроить запредельную пиар-компанию где-нибудь в воздухе да со стрельбой тортами разбивались о суровые прайсы. В конце концов его доконало согласовывать официальную смету в миллионе инстанций у предприятий, и он решил сосредоточиться на соцсетях. Здесь было чуточку свободнее, да и работа попадалась разная: то фотки в мамский инстаграм красиво подписывать, то сочинять слоганы для спортивного питания, а то и целую статью со скрытой рекламой накропать.

Последний год он работал над мемами для юмористического паблика. Платили там очень и очень неплохо, и он быстро набил руку. У работы этой, как и у другой, были свои минусы. Например, повторяться было нельзя ни в одной шутке, и сортирного юмора его работодатель не терпел. Собственно, сам паблик был одной из пиар-ветвей радиостанции, так что Денис уже подумывал пойти на стажировку ведущим, но все-таки манило его совсем другое. Чем боль-

ше платили в этом паблике, тем реже он брал фриланс, придумывая для паблика все новые и новые инструменты для развития. У него, как и у любого человека, была мечта. А у него была мечта пиарщика. PROBA AWARDS. Крупнейшая премия для специалистов по связям с общественностью, которая сотрудничает с зарубежными премиями. Обычно в ней участвуют целыми компаниями, но есть там пара номинация, куда он может попретендовать. Для этого ему необходимо заслужить доверие начальства, а они-то имеют большие связи... Если удастся, то для него будут открыты все пути. Любая идея пиара без особых согласований. Кто же откажет специалисту года по версии PROBA AWARDS в полете фантазии? Это будет не тренд. Все бюджеты. И – как итог – переезд. Об этом Денис думал чаще всего. Открывал окно, вдыхал утренний выхлоп заводов с черного неба, и мечтал. Смотрел на квадрат кальянщиков на фоне быстрого течения реки на набережной, и мечтал. Верил, что однажды сядет в метро, а не в автобус, приедет на встречу вовремя, а не трижды прослушает «pendulum» в ожидании рассасывания машин впереди. Он родился и вырос в этом городе, но всегда считал его чем-то вроде вокзала, на котором ночует. Люди казались ему серыми, недалекими, бесцельными. То ли дело Москва, Питер! Он видел себя у фонтанов Петергофа с кружкой латте ранним промозглым утром... Спроси его кто-нибудь, что мешает взять билет на утренний рейс «Победы», и он пожмет плечами. Скажет: Еще не время. Нужно подго-

товить почву, не ехать же в никуда». Спросит его кто-нибудь, а что не нравится ему в этом городе, он ответит: «а какие тут возможности для работы? Для жизни? Захолустье!». При этом глаза его заблестят на секунду, на самое мгновение, в котором почудится, что город-то он любит больше всего на свете.

В кармане завибрировал телефон. Отец.

– Пап?

– Здоров, сын, чем занят?

– Работаю, папа.

Их разговор всегда начинался с этого вопроса, и, ответив обычным образом, Денис уже ожидал ответа. Он беззвучно повторял его, зная наизусть.

– Работаешь? А что делаешь? Картиночки для интернетов рисуешь? Разве это профессия... Вот пекарь – профессия. Бухгалтер – профессия.... А у тебя баловство одно.

– Ты по делу или соскучился? – решил пропустить обязательную часть спора Денис. В этом месте он должен был напомнить отцу, что сам оплачивает аренду квартиры, сам купил в нее мебель и стиралку, живет на самообеспечении и вообще недавно добавил им денег закрыть кредит. Отец же в ответ неодобрительно хмыкал и добавлял что-то насчет жены, которую стоило бы завести и вот с которой хрен ты прокормишься на свои картиночки. Денис отца любил и прощал ему нелюбовь к его выбору в жизни, но сегодня настроение было так себе.

– Хотел позвать шкаф собрать, – сказал отец.

– А сам?

– Да я, ты же знаешь..., – замялось в трубке.

Беззлобно посмеявшись, Денис согласился. Отец всю жизнь проработал строителем, что не помешало ему быть беспомощным в домашней работе. По правде сказать, он не столько не умел, сколько не хотел. Вот и сейчас небось не тот болт закрутил, разбираться лень, вот и собрать не может. Мамин помощник.

Захотелось кофе, и он потопал в кухню, как всегда, зацепив бедром стол, сделанный в виде барной стойки. Угораздило же хозяев сделать ремонт в стиле «лофта»! Не сказать, что он был совсем недоволен, но расстояние между холодильником и длинной доской было таким, что толстеть не полагалось ни Денису, ни его гостям, если они рассчитывают добраться до плиты. Больше всего в этой квартире ему нравилось трехстворчатое окно, выходящее во двор. Третий этаж позволял рассмотреть всех, кто сидел на площадке, а забор не давал возможности въезжать машинам. Ему нравилось слышать днем голоса детей, шумно спорящих о мировых проблемах, он любил и бабулек, что вечно кудахтали на лавке. Даже алкаши, спорившие вечерами о своих сердечных делах, не докучали ему. Гораздо хуже, думал он, если бы за окном мелькали бесконечные ряды машин.

Он задумчиво рассматривал себя в серебристую поверхность гейзерного кофейника, не обращая внимания на экран

ноутбука, где светилось уведомление о новом письме. Если бы он знал, как волновалась девушка, чье имя значилось в письме, наверное, он бы поторопился. Но он продолжал ждать кофе, рассматривая царапину на стекле плиты, заставляя ее рвать бахрому дыры в джинсах.

«Здравствуйте, den781!

Меня зовут Алиса, мне 19, и я студентка филологического факультета. Надеюсь, что Вы все-таки прочтете мое письмо и не отправите его в корзину, хотя я понимаю, что у вас мало свободного времени. Перейду к сути вопроса. Сейчас я работаю над курсовой, посвященной ошибкам в инстаграм – пабликах. Так как Ваше имя указано, как имя представителя «Шутки-фм», я обращаюсь к Вам. Возможно, у вас когда-то были посты, опубликованные с орфографическими или синтаксическими ошибками, и Вы сможете найти их для меня. В своей работе я хочу проанализировать реакцию читателей: замечают ли они ошибки, исправляют ли. Ну и, безусловно, хочу понять, какие в целом сейчас страдают части речи. Буду рада, если у Вас появится возможность ответить мне. С уважением, Алиса».

Она перечитала письмо еще раз и выдохнула. Кажется, получилось официально и ненавязчиво. Может, чересчур много «Вы»? Нет, вычеркивать не стоит. Должно зацепить столько личных обращений. Алисе очень нужно было, чтобы он ответил, потому что он был практически последней ее надеждой. Все, кому она уже отправила письмо, отказали ей,

либо не удостоили ответом. В самом деле, говорили ей девочки в группе, кому приятно сознаваться в своих лажах?

Она еще раз глянула на фотку в профиле, и подумала, что он немного похож на Макфэдена³, когда тот играл любимого ею Дарси.. Густые волосы, мягкий овал лица, беззащитно суженные глаза. Ну даже если и понравился – что с того? Это ведь для работы надо, не для игр... Алиса была молода и считала себя независимой от чувств девушкой. Так как филфак не предполагал наличия здоровых мужчин, представление о парнях у нее было весьма смутное. Она поделила их для себя на две категории. В первую попали ее бывшие одноклассники и друзья по лагерю. От них остались воспоминания в виде засосов на шее и нескольких совместно выкуренных сигарет. В группе же «мужчин» было двое. Один часами говорил о Толстом и карамазовской истине Достоевского, второй поступил по целевому и все время перепродавал через интернет шины и женское белье. Родители ее погибли, когда Алисе едва исполнилось тринадцать, и последние шесть лет она жила со старшей сестрой, Мариной. Той было уже около тридцати, однако она не рвалась замуж и с каждым годом, казалось, расцветала все ярче. Вместе сестры смотрелись как василек, симпатичный, но скромный и гиацинт, изысканный и самодовольный. Алиса не сомневалась в том, что Марина

³ Мэттью Макфэден – английский актер. Алиса имеет ввиду его роль в экранизации по книге Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где он сыграл главную мужскую роль, мистера Дарси.

красивее ее и не завидовала сестре. Не всем же блистать. К тому же, мужчины в книжках куда галантнее, чем нынешние. Чего стоит один Атос....

– Учишься? – услышала Алиса.

Марина стояла в коридоре, надевая туфли. На ней было вычурное платье малинового цвета с воланами и пучок, украшенный невидимками – жемчужинками. Надо же, она так задумалась, что не заметила, как сестра успела собраться! Алиса залюбовалась ею: строгие губы, сложенные в розовую рыбку, высокие скулы, об которые можно порезаться, стройная фигура и узкие лодыжки. От нее разило сексуальностью, мужчины сражались ею намертво, но ее саму покорить было невозможно. Она любила повторять: «давай, но не отдавайся». И Алиса, со всей своей девятнадцатилетней наивностью, пока еще не вполне понимала эту фразу.

Марина победно глянула в зеркало и поправила сбившую кисть-сережку персикового цвета. Алиса позади спросила, не ответив на риторический вопрос, ибо обе знали, что учебу Алиска обожает:

– Куда собралась? На свидание опять?

– Не всем же быть умными, кому-то и красивыми, – подмигнула ей сестра и с нежностью добавила, – готовься, готовься, если мозги есть, надо их использовать.

Марина слегка лукавила насчет себя. Она работала бухгалтером в типографской конторе с видом на институт Алисы. Ей нравилась работа и зарплатой, и тем, что оттуда мож-

но быстро сбегать в кафе, где подавали отменный черемуховый пирог. И она всегда чуточку преуменьшала свои достоинства, чтобы лишний раз услышать похвалу.

– Не жди меня, ложись и допоздна не засиживайся, – уже захлопывая дверь, крикнула она Алисе, вновь уставившейся в экран монитора. И в кого у нее такая серьезная сестрица?

– Нет, Рафаэль, ты понял, ей надо ошибки поискать! – повернулся к стенке Денис, скрипнув стулом.

От хозяина, человека не очень понимающего в искусстве, осталась репродукция «Дамы с единорогом»⁴, и Денис с удовольствием созерцал строгое женское лицо в обнимку с неким чепушилой, но обращался он обычно к автору, а не к даме. Рафаэль, как обычно, высокомерно промолчал, Денис продолжил:

– Я должен поднять архивы, разыскать там косяки, и все для того, чтобы она потом за это оценочку получила? Увольте. Нет, ну решила ты такую тему взять – без проблем, но сиди и ищи сама, а то еще и на чужой шее ездит. Что? Ты говоришь, она может быть красива? Да на филфаке одни страшилища учатся, и очкастые через одну. Это, может, еще в твое время не было уродин, а у нас-то еще как!

Денис отвернулся от портрета, выразив желание закончить ненужный спор. И в этот момент он услышал голос.

⁴ «Дама с единорогом» (итал. *Dama col liocorno*) – известный женский портрет кисти Рафаэля, написанный около 1505—1506 годов, произведение Высокого Ренессанса.

– И часто ты беседуешь сам с собой, товарищ?

Денис вздрогнул и машинально посмотрел на ноутбук. На экране все также светился вордовский документ. Лампа у люстры давно уже почила в небытие, но ему лень было покупать новую, и он довольствовался торшером, купленным по дешевке в леруа, о чем сейчас жалел. Светил он исключительно вокруг себя, поэтому приходилось таскать эту палку с лампочкой на конце за собой поверх квартиры. В данный момент торшер стоял у барной стойки, где он сидел, а комната, и коридор им были почти нетронуты.

Преодолев страх, он взял торшер и двинулся в середину комнаты. Гость обнаружился на диване. Он сидел, откинувшись на спинку, и закинув ногу на ногу, улыбался. Жидкая поросль бородачки в свете лампы отдавала золотом. Глаз было не разглядеть, зато прическа торчала высоко. Беспорядочные, давно отросшие кудряшки могли бы украсить голову писателя или художника, но в госте ощущалось нечто иное. Он с гордостью поглаживал чистую тельняшку. Денис с презрением рассмотрел холщовые брюки, слегка коротковатые в щиколотках и кургузый серый шарф с торчащими нитками. Выглядел он вполне натурально, разве что глаза по-прежнему ускользали в полутьме. Быстро перебрав все возможные варианты, Денис выбрал наиболее вероятный и спросил осипшим голосом:

– Здравствуйте. Вы, вероятно, родственник хозяина этой квартиры?

Засмеявшись простуженным хрипом, гость встал и прошел мимо Дениса в кухню. Того обдало ледяным ветерком. Гость явно чувствовал себя комфортно и прихлебывал из кружки кофе, которого дожидался Денис, с веселым любопытством разглядывая кофеварку.

– Илья, – сказал он, громко шваркнув, – живешь, что надо! Квартирка огромная, можно целый отдел заселить.

Выхлебав в два глотка кофе, он подтянул к себе кофеварку и стал сосредоточенно ее крутить. Судя по движениям, он видел впервые такой агрегат. Денис наконец отцепился от торшера и наблюдал за его руками. Странные какие-то руки. Вроде, и ухоженные, чистые, без порезов и все же что-то не так. Кажутся немного опухшими, будто в мороз он перегрел их без варежек, и они навсегда остались немного обиженными. Такие руки у... Но?

– Илья, вы что, от Ветрова, да? Он дал вам ключ? А сам он где?

Хлопнув крышкой кофейника, гость с сожалением поставил его обратно на плиту и поднял наконец глаза на Дениса. И вот теперь-то Денис увидел их: глубоко ушедшие в глазницу, испуганные, бездонной черноты. Они смотрели с затаенным превосходством, несмотря на беспомощность взгляда, словно он знал нечто такое, что Денису еще только предстояло пройти. Ему стало не по себе, и он опрокинулся на диван.

– Ни от какого я не от Ветрова. И не от хозяина. Я сам по

себе. Зовут меня Илья, – подал голос гость.

Денис молчал. Если это нарик или вор, то у него должны быть сообщники. Рыпаться не стоит. Тем временем Илья достал из холодильника кусок ливерной колбасы, валяющейся уже неделю, и начал жадно откусывать. Не выдержав издевательств над приличиями, Денис взял нож и подал его гостю. Тот мягко забрал нож, и тут Денис снова ощутил ледяной холод. Почти прозрачный, невесомый, холод. Как чье-то дыхание напоследок. Илья отмахнул большой кусок и довольно, как пес, зажмурился.

– Мясом пахнет!

– Она старая, – сказал Денис, – траванешься.

– Мне уже вряд ли что-то повредит, – пробурчал с набитым ртом Илья, и Денис его услышал.

Он сел на диван, нащупал правой рукой дырку, сунул туда руку и закрыл глаза, вспоминая, сколько кофе он выпил с утра. Потом вспомнил «битву экстрасенсов». Кажется, в одном из выпусков было что-то про нечисть, домовых. Или нет, вот, наверное, тот, кто умер, изредка возвращается в свою квартиру. Когда построен этот дом? В семидесятых? Чувак молодой, может, самоубился здесь? Или, может, ему это чудится? Да нет, вот же, патлатый выбрасывает в мусорку упаковку от колбасы.

– Ладно. Я, товарищ Денис, из 1920 года, – сжалился над ним Илья. Он сел на его компьютерный стул и продолжил, – прислан к тебе ненадолго службу послужить. Ты, конечно,

сейчас будешь думать, что таво... Отъехал. Если так легче, то думай. Но жить все равно пока буду у тебя.

– А зачем? – глупо спросил Денис. Глаза его оцепенели и смотрели теперь не на гостя, а на чепушилу у «Дамы».

– Я же сказал– службу послужить, – нетерпеливо повторил Илья. Он уже косился на экран ноутбука.

– Классный ответ. Сразу все стало понятно, – ответил с издевкой Денис. Понемногу он приходил в себя.

Леонид замялся, но коситься на экран не перестал.

– Ну... Там... это. Знаешь, карму надо отрабатывать. Я и отрабатываю.... За это самое.... За грехи. Пришлось. Маленько набедокурил я в семнадцатом... И вот тут теперь.

– Прям из семнадцатого и прислали? – насмешливо спросил Денис.

Ей-богу, пора звонить охотникам за привидениями! Интересно, сейчас деньгами дают за это?

– Из двадцатого, – поправил Леонид, – убили меня в том году. Бродил, бродил и сказали, чтоб наверх попасть, надо отслужить. Помочь, так сказать, последующим товарищам.

– И чем ты будешь заниматься? В чем заключается твоя помощь? – спросил Денис.

В животе крутило, хотелось выпить, но для этого нужно было подняться с дивана, а он не был уверен в своих ногах.

Илья изучающе смотрел на него. Высокий, с прямой спиной. По возрасту они могли быть одногодками, но гость выглядел взрослее, мужественнее Дениса. Казалось, на нем уже

лежала печать пережитого. Впрочем, у столетней тени явно есть, что вспомнить!

– Это уже от тебя зависит, чем я смогу помочь.

Заломило виски. Надо лечь спать, решил Денис. Просто лечь и все пройдет. А завтра он сходит к доктору. Или нет, он купит путевку в Тай и уедет на пару недель. Да, давно стоило отдохнуть, а то вон уже что мерещится.

– Да ты ложись, ложись, – сказал Илья, – я пока поизучаю, че у вас творится в мире.

И он снова покосился на бук. Не удивившись тому, что столетняя галлюцинация знает об Интернете, он принял горизонтальное положение и, вопреки ожиданиям, отключился в полную пустоту. Последнее, что мелькнуло в голове – не забыть утром отправить отказ девочке.

Из дневника И.Б.

Мой друг, читающий эти строки, мы с тобой уже немножко знакомы, а потом перейду непосредственно к событию, которое вызвало во мне гордость. Вчера около полудня мне удалось ликвидировать у купца Пригожаева одиннадцать пудов золота в пользу капитала банка. Нет, конечно, я немного мухлюю, был я не один, с бригадой, но все же чин комиссара торгового банка я подтвердил. И такой он мерзкий, этот Пригожаев! Все кричал мне, что Советская власть никого не уважает, что он еще с самим Пушкиным в одном доме квартировался. Я ему, конечно, не поверил – какой Пушкин в Сибири? Зине пришел, рассказал. Она-то меня и обрубилa. Лет двадцать назад был прокурором в Енисейской губернии племянник Пушкина, только застрелился он от хорошей жизни. Какое, с другой стороны, дело мне до него, если я Пригожаева обескулачил? Ни Советскую власть, ни банк в обиду не дам! Я служить начал еще когда у бабки на Воскресенской комнаты снимали. Сейчас-то банк преобразился: и в городе, и целый дом занимаем, и капиталoоборот сумасшедший, уж к миллиону идет! В общем, дорогой мой друг, растет наша Советская власть! Так и вижу, как отделения у банков появляются на каждой улице в городе, и у каждого, у каждого товарища есть свой вклад в одном большом банке для блага государства!

Глава 2

Дениса разбудил звонок в дверь. Настоячивая музыка то ли Баха, то ли Брамса, как сказал продавец в магазине, провалилась в блаженное состояние покоя. Он поплелся к двери. В глазке виднелась мама в своей любимой соболиной шапке. Она имела привычку, возвращаясь с ночных сестринских смен, забегать с пакетом свежего молока.

– Умеешь же ты долго спать, сынок, – обняла она его и поцеловала в макушку.

Их разнили примерно полголовы, причем, не в пользу Дениса. Мама всегда шутила, что родилась баскетболисткой, а стала нянькой. Денис же пошел в отца, и они оба смотрели на нее снизу вверх. Вот и сейчас он поднимался на цыпочки, чтобы дотянуться до щеки и внезапно отпрянул. Мама увидела в его глазах растерянность. Это все свитер, который она купила по совету Леки. Чувствовала же, что ткань синтетика, нет, уговорила подружка. Теперь потеет как слон, а ночь была не из легких. Небось запах почувствовал. И она инстинктивно отошла на шаг назад. Денис же постарался незаметно оглядеть комнату. Илья дремал, развалившись в кресле-мешке, будто бы не слышал душераздирающего звонка и голосов. Голова прижата к груди, руки заложены за голову, губы сложены в узкую полоску. Мечтатель, блин. Сейчас мама заметит... Но она прошла в кухню, бросив пакет на стол.

– Никогда не перестану удивляться идиотизму этой планировки, – сказала она, выкладывая продукты.

Была видна бутылка молока, явно деревенского, судя по пластиковой бутылке из –под кваса. У них на работе привозила иногда тетка одна, мама сразу же и брала Денису, который очень любил кофе с молоком. Что еще успела купить? Кусок сыра, хлеб, яблок пакет. Илья всхрапнул и выкинул руки перед собой. Мама не отреагировала. Она рассказывала про пациента с ножом в боку, которому жена еще и в челюсть двинула по приезду, за пьянство. Она выложила все продукты и теперь перемещала их по холодильнику, явно не замечая гостя. Денис с каждой секундой все острее ощущал нелепость ситуации. Как в «Привидении», чесслово! Только он видит Суэйзи⁵, а мама – нет. Значит, все-таки галлюцинация. Перестав слушать мамино воркование, Денис углубился в мрачные мысли. Надо записываться к неврологу, наверное. Это усталость. Да, усталость. Или сходить сразу к платному психиатру? Снова глянул на дремлющего Илью и стал вспоминать, где ближайшая больница. И в этот момент, доставая бананы с верхней полки, мама задела банку огурцов. С возмущенным хрустом рухнула банка на пол, распространяя терпкий запах.

– Опять революция, что ли? – подскочил Илья, – ого, какая мадама, мое почтение!

⁵ Денис вспомнил фильм «Привидение» с Деми Мур и Патриком Суэйзи, который покорила весь мир в 1990 году.

И он деловито расшаркался. Мама побледнела. Она внимательно смотрела на Илью, и лицо ее выражало обеспокоенность, близкую к отвращению.

– Денис, ты завел собаку? Ты с ума сошел! Что скажет хозяин! Собаки же такие грязные, вечно несут с улицы всякую инфекцию. Помнишь, как Лидия Ивановна слегла с кишечной? Это же Рыжик тогда ей принес, на помойке вечно рылся.

Денис ухмыльнулся, вспомнив, с какой радостью он узнал о болезни противной бабки, которая вечно обзывала его «шаромыжником» за джинсы. Он удержался и не добавил, что расстройство она вполне могла заработать тем, что не любила мыть продукты. Весь двор знал, что, купив на рынке любимый виноград, она отщипывала пару штук едва завернув за угол. Илья, тем временем, закипал.

– Нет, ну что вы за паскуды эдакие? Человек отсыпался, можно сказать, а вы тут шум устроили. Не товарищи ни разу. Я в ванную. И не вздумайте ко мне ломиться!

Мама то зеленела, то бледнела. Она никак не могла осознать, что у ее сына появилась другая.

– Где ты взял его? Лаает, что аж уши закладывает, – спросила мама.

Денис слышал доносившийся с улицы спор девчонок, игравших в классики. Мозг работал лихорадочно. Если она его тоже видит, значит, не галлюцинация. Но почему в виде собаки? И какой собаки? Как спросить? Мама чувствует лю-

бую ложь, она сразу поймет неладное.

Мама же внимательно глядела на него, сдувая со лба давно некрашенную желтую челку. Она вся немного сжалась, стараясь не смотреть на то место, где еще недавно была собака. Боже упаси завести такую! Если уж на то пошло, собака должна быть большой, чтобы в случае чего могла и защитить. Мерзкая пузатая мелочь, кой от нее толк, кроме грязи? Она, медсестра с тридцатилетним стажем и не подумала бы. Но дети... Они совсем другие. Дениска давно вырос и сам принимает решения. Нет, кот еще куда ни шло, но собака... А ведь он собирался поехать в отпуск. На кого оставит? Конечно же, на нее.

Был у ее родителей пес в свое время. Она, четырехлетка, всей безразмерной детской душой обожала волкодава, и он отвечал взаимностью. Иногда, глядя на кавказцев, она вспоминала пегий длинный хвост и шрам на правом боку от боя с дворовыми собаками. В квартире, выстроенной дурацким способом под названием «трамвай», она ездила на нем по целым дням. Бабушка качала головой, говорила, что такого пса надо держать на привязи. Но разве Грэй удержишь? Не пускали ее только, когда кормили его в кухне. Она стояла за дверью и слышала жестяной звук миски, которую вазюкало по полу. Ей хотелось заглянуть туда и насладиться чавкающим таинством. И, когда ее мама пошла открывать дверь почтальону, она вломилась в кухню, потянув руки к довольной морде. В мгновение ее дернули за шкуру назад, а пес

кинулся на то место, где она только что была, клацнув зубами. Глаза сверкнули желтым, и он обнажил красные десны, но под грозным «Нельзя!» -таки вернулся к миске. «Когда собака ест, не тронь!» – ругала ее испуганная мама. Больше Ирочка собакам не доверяла. Она так и не смогла понять, почему любовь Грэя не распространялась на еду.

– Мам, Веня собаку притащил, – жалко блеял Денис, зная, как неправдоподобно выглядит. – Нашел его у подъезда, видать, потерялся. Я объявления расклеил. Уверен, хозяин найдется. Конечно, я бы не завел собаку, не посоветовавшись, как ты вообще могла обо мне такое подумать!

– Ты не боишься, что он провода от машинки перегрызет? Зачем вообще разрешать собаке играть в ванной? – обеспокоенно наседала мама, слыша возню в ванной. Денис молил небо лишь о том, чтобы этому придурку не пришлось в голову кран открыть.

Расстроенная вконец, она начала собираться под предлогом усталости после дежурства. Она уже забыла, что пришла рассказать Денису о странном письме. За ночь она столько раз перечитывала его, заглядывая на почту в телефоне.

«from: krep-georgette@mail.ru

Where: chistotairina@inbox.ru

Привет, Иришка.

Думаешь, правильно организовала свою жизнь?

Уверена, что ты неправа.

Слишком наивная.

Пересмотри жизнь.»

В почту она заглядывала нечасто, раз в неделю примерно. Интернет благодаря Дениске она освоила давно, но кто может писать ей на почту? Обычный спам от «ленты» или новости о заказах в «avon». Двадцать пять новых писем. Ну, естественно, скидки от купон.ру и новости об акциях в s7, которыми она раз слетала на конференцию медсестер в Казани. И между ними письма от одного и того же отправителя с бесконечными Fwd: Fwd: общим количеством двадцать. По четыре на день. Первая мысль, которая пришла в голову: Володя. Изменил, нашел другую, которую жжет, что он не уходит насовсем. Несмотря на годы, брюшко и залысины на висках, он остался одурающе красивым. Седеющие усы в сочетании с хорошо подвешенным языком скрывали его домашнюю лень, и женщины, знакомясь с ним, попадали под обаяние. Но всерьез увлечься кем-то и пойти на связь? Это не в характере мужа. Ирина изучила его и знала, что на поступок он не способен. Купить женщине цветы и выбрать чистые носки – это уже поступок. Было еще несколько мыслей, но пережевывать их в одиночку она не могла. Нужно было обсудить их. Набрала телефон Леки, близкой подруги. Та была на ночной смене, но обещалась поболтать после смены, вот и решила скоротать время, забежав к сыну. А тут сюрприз не лучше....

«Бери чилийское в олее акция жду».

Лека знаки в переписках не воспринимала, Ирину коро-

било, но подругу не переделать, не любит она телефоны. Ладно, можно собираться к ней, оставить пока Дениса в покое. Не в ее правилах навязываться, особенно, если говорить не хочет. История про собаку ей совсем не понравилась. Что-то здесь было неправильное, он лгал так очевидно, что нос покраснел. Но в чем – она никак не могла понять. Сын был не из тех, то спонтанно заведет животное, в этом он уж точно посоветовался бы с ними. Почему же она не верит в сказку о друге, который оставил пса на пару недель? Здесь, наверное, замешана девушка, решила мама. Да, девушка. Отсюда и его смущенность, и красные пятна на лице, и нервозность. Что ж, доля матери – терпеливо ждать.

Проводив резко собравшуюся после сообщения в ватсапе маму, Денис забарабанил в дверь.

– Давай выбирайся, говнюк!

Им овладела ярость. Какого, простите, черта, какой-то неопрятный хрен, появляется в его квартире, разрушает к черту отлаженную его жизнь? Работа стоит, а он возится с этой недогаллюцинацией.

– Че орешь? – мирно спросил Илья, открыв дверь.

Он сбрил бороду, обнаружив под собой пухловатые губы с отсутствующими тремя нижними зубами, отмыл сальные кудри, похожие теперь на кудряшки младенца. Денис мог поклясться, что он не слышал шума воды и бритвы, тем не менее, гостю удалось привести себя в порядок. Он гордо расправлял на себе мятую, но чистую футболку с Linkin Park,

висевшую на бельевой веревке. На оголившихся руках виднелись мышцы, полученные явно не в спортзале. Илья гордо улыбнулся, явно довольный собой, и тут Денис со всей дури пнул его.

– Вали из моего дома, – заорал он.

Сморщившись, Илья потер ногу. Он ничего не ответил и не кинулся в ответную атаку, как того ожидал Денис. Всем своим видом он больше напоминал в эту минуту обиженного котенка, лицо сморщилось, а по подбородку, казалось, вот-вот потекут слезы. Почему-то враз расхотелось скандалить, и Денис устало присел на диван.

– Давай кофейку выпьем, я тут ночью разобрался, как работает, шас сварю мигом, – еще дрожа губами, сказал Илья. В голосе слышалась едва сдерживаемая обида, и Денис удивился, что тот игнорирует случившееся.

– В чем еще ты разобрался, пока я спал? – спросил он, еще не отойдя от вспышки.

Вообще-то он не был агрессивным и сторонился конфликтов, но стресс был слишком силен. Илья, тем временем, старался в кухне. Весьма ловко, словно бы делал это каждое утро, он включил огонь пьезозажигалкой, поставил кофеварку на огонь, открыл холодильник и толстыми шматами начал резать «дымовскую», принесенную мамой.

– Добротная штука, – кивнул он на холодильник, – правда, класть было бы нечего особо, разве что картошку хранить да траву морозить. Кстати. Первый совет на службе мо-

ей для тебя, – он махнул ножом в сторону ноутбука, – ответь девушке. Пригодится.

Денис глянул на часы и рванул включать бук – десять утра, он пропустил время выпуска нового поста! Он уже час как должен висеть, к началу утренней программы о сегодняшнем дне. Редактор его отпежит! И черт бы с ним, если отпежил, так еще и уволит! Вчера в кофейне он прозанимался разработкой эскиза к майскому проекту и решил, что пост сделает вечером. Ха-ха, вечером! Придется работать штампами. Денис этого не любил, ему нравилось придумывать что-то свое, собственно, за это и взял его главред. Тырить готовые копипасты – дело нехитрое и весьма распространенное. Давно уже забыты времена, когда за первую публикацию новости можно было заработать миллион долларов. Мириады новостных псевдопорталов настолько быстро подхватывают это к себе, что и думать нечего, чтоб разбираться – а кто. Разве что тебя застрелят на месте, и ты прославишься убитым журналистом. У рекламщиков также. Мало-мальские приличные идеи, шутки, картинки – все уже разобрано. Можешь работать и верить, что тебя заметят, можешь не морочиться. Так и поступает абсолютное большинство, предпочитая высвободить время за счет лениво потыренного. Денису претило это, но сегодня делать нечего, вотсап явно уже забит матами от редактора, читать не хочется. Так, сегодня по графику Китайский новый год. Погуглим.... О! «В Китае задержана секта, последователи которой верят, что

Иисус жил в теле китайской женщины.» Чудесно, сказал себе Денис.

– Кофе готов, – крикнул Илья. Он уже налил в две цветастые кружки кофе и шумно дул на ту, которую выбрал. При этом глаза его очень смешно съезжались к носу, создавая впечатление косоглазости.

– Там сливки в холодильнике, корова на упаковке, – в полузабытьи ответил Денис.

У него была такая особенность – когда он придумывал, то впадал в полудрему. И не дай Бог выйти из этого состояния – муза покидала его напрочь.

Илья поставил перед ним дымящуюся кружку. Как раз ту, что Дэну нравилась меньше всех – с котиком Китти, бывшая забыла. Отхлебнув, он поморщился, похоже, Илья бухнул туда все сливки, потому что пойло стало едва теплым и больше походило на детское какао.

Илья заинтересованно глянул на экран. Его вообще как магнитом тянуло к этой таинственной коробке, которая одним мановением руки открывала столько интересного. Показать бы Зине! Все, что хочешь, можно узнать. Интересно, а будущее она предсказывает?

– Посмотри, – попросил Денис, – как тебе?

На экране висела фотография с армией китайских женщин, а в середине был пририсован Иисус.

– Некоторые китайцы верят, что Иисус вернулся в этот мир в теле женщины, – Леня с подозрением посмотрел на

Дениса и продолжил, – Пожелаем в Новом китайском году каждому мужику найти своего Исууууса, а бабам, бабам рели... леригиозного фанатика! С новым китайским годом! Ваше Шутки радио.

Смахнув коричневую каплю с футболки, Илья посмотрел Денису в глаза и сказал:

– Бога нету.

Денису стало страшно. В этой просто фразе таилось нечто большее, чем простая уверенность агностика. Словно бы этот человек для себя решил что-то раз и навсегда.

– Ну, вам это вбивали в советской России. Сейчас каждый верит во что хочет. Хоть тарелке с макаронами поклоняйся. К тому же, это шутка.

– Плохая шутка. Если, как ты говоришь, люди верят, то не стоит обижать их. Глупость.

Денис вздохнул. Илья начинал ему нравиться, по крайней мере, у него был вкус.

– Мне тоже не очень нравится, но времени совсем нет. Редактор ввалит стопроц, если я не появлюсь с постом. Давай выложим и уже потом будем решать, глупость или нет. Меня на этой работе держат только потому, что я не торможу и все делаю вовремя.

Илья не спросил, что нужно куда выложить, зачем вообще этот странный текст нужен. Он чувствовал одно – с девушкой нужно пообщаться, а иностранцам писать не надо. Уже открыв было рот, он понял, что не стоит. Выбор сделан,

карты брошены. Он смотрел, как ловко, по одному щелчку этой полукруглой штуки, меняются картинки на экране. Денис вытянул губы трубочкой, что выглядело довольно забавно, и Илья подавил смешок, чтобы не отвлекать его. Он вообще был довольно озорным парнем при жизни, несмотря на работу. Наконец Дэн повернулся и заставил его прочесть: «ваша запись успешно опубликована».

– Готово, вроде?

– Что-то типа того, – улыбнулся Денис. – Так какого леса я должен ответить девочке?

– Как же это? Некультурно. Она помощи просит, разве можно отказать? – спросил Илья с убеждением человека, который всегда протянет руку.

В дверь позвонили. Чертыхаясь, Денис пошел открывать. Если опять мама, то он точно не сдаст. Но за дверью, сгорбившись от утреннего принятия на грудь, стоял сосед сбоку. Он был старше Дениса всего лет на десять, но уже заверил себя, что жизнь его разрушена, и с радостью предавался прелестям свободы. Официальной жены не имел никогда, но водился попеременно то с какой-то чернявой, то с бритой башкой девкой. Как они делили постель – никому неизвестно, но, судя по стабильным появлениям, всех все устраивало. Дениса Ветров боготворил за то, что тот однажды не поленился разбудить его вечером на лавке в метель и утащил домой, где положил в горячую ванну, что спасло того от обморожений. Это, правда, не мешало приходить к Денису то

за сигаретами, то за соточкой «до премии». Денис не мог не открыть, каждый раз ощущая тоску в сердце, глядя на беззубого, нечесанного парня в спортивных штанах с полосками.

В год, когда радостный первокурсник Гольдман таскал коробки с вещами в новую квартиру, Ветров обладал возможностью ежедневно взмывать в небо за штурвалом вертолета. Он летел вдоль макушек таежных деревьев, прямо к горе, забывая о пассажирах, изредка взвизгивавших от страха. Он спускался ближе к Енисею, чтобы разглядеть бурное течение и снова резко взмывал. Любил он летать и соответствовал своей фамилии абсолютно. Он и Дэна с тогдашней подружкой успел прокатить со скидкой. Увидев вблизи черную Сопку, которая всю жизнь виднелась из дома, но казалась такой недоступной, он услышал, как в нем рванула бомба, и полностью отдался благоговению перед этой таежной красоткой, так лихо прячущейся среди остальных гор. В тот момент даже поднадоевшая подружка казалась почти мадонной, и он поцеловал ее так, что оставил на губе шрам. Эти-то минуты и вспоминал Денис, подавляя в себе скуку, когда Ветров снова садился на любимого конька и рассуждал, что не та нынче погода для полетов. Он смотрел на красные, обветренные от постоянной пьянки на улице щеки, ощущал запах изо рта, видел синяки на костяшках и ремень с давно нечищенной бляхой и спрашивал себя, осталось ли человеческое в Ветрове. Как-то не удержался и, перебив излияния о коллекторах, что хотят отобрать диван, спросил:

– Саш, а ты в небо не хочешь?

Тот посмотрел на него отупело, помолчал, а потом сказал:

– Я щас и летаю, че ты. Это полеты, бро, попроче. Там каждое утро медосмотр, все че-то требуют, хотят. Не пей, не кури, спи много, ешь. Все контролируют, даже труссы и те чтоб чистые были. А летчик – это свобода! Свобода, слышишь! Чтоб встал, полетел, включил музыку громче и вперед. Сейчас я – летаю, а раньше так, телепался. Эта, сука, так и сказала мне тогда, мол, виноватый ты, Сашок, а чем я виноват? Что он не любит летать? Надо было не садиться вообще, если нервы слабые! И вообще, умирать надо красиво, а разве в воздухе некрасиво? Кто бы вспомнил, если бы у него сердце в туалете остановилось? А так – в полете!

Больше Денис не задавал вопросов, только, как сейчас, смотрел, сощурившись, словно бы пытался воскресить в памяти того, другого. Не дожидаясь приглашения, Ветров зашел в коридор, привнеся запах невымытого тела и чего-то приторного.

– День, я это.... За сигаретами пришел. Ларьки закрыты уже, – выдал он обычную легенду.

Закрыты, нно. В половину одиннадцатого утра. Денис сунул руку в этажерку с обувью, где у него была заныкана специальная пачка, и достал несколько штук. Сам он не курил, еще и «Альянс», но, если отказать в сигарете, тот просил денег. Целиком пачку тоже никогда не отдавал – Ветров обладал удивительной способностью расцыганить сигареты, едва

выйдя во двор.

– Какой добрый товарищ! Отличный бы коммунист из тебя получился, поживи ты в мои года. Только втолкуй мне, на хрена ты алкашу в руки даешь оружие? Сдай его, куда положено и дело с концом, – посоветовал Илья, до сей пор пристально изучавший незваного соседа.

Ветров вытаращил глаза, и отпрянул к двери. Выставив вперед руки, он забормотал:

– Так вот чья шавка все утро твякает, что уши заложило. Сосед, не ждал от тебя. Баба тебя, что ли, заставила эдакую шавку взять?

– Кто шавка? Кто шавка? – разъярился Илья, – да за такой базар я могу и....

– Стоп! Ну-ка успокойся! – рявкнул на него Дэн.

– Да он меня почти вором⁶ обозвал! А кого, а чего, есть доказать? Так пусть отвечает тогда! Нашел сявку! – бесновался Илья.

Ветров, все это время испуганно пятившийся от собачки, не выдержал и умотал на площадку, позабыв про сигареты.

– И не бухай с утра, а то сдам, куда положено! – добавил Илья и, гордо развернувшись, пошел в кухню.

Денис покачал головой – цирк цирком. То ли шарики за ролики едут, то ли ФСБшники за скорой гоняются....

⁶ В словаре русского аргю «шавка» значитя как «донощик», «мелкий вор». Так что Илья имеет полное право свернуть обидчику нос.

Из дневника И.Б.

Здравствуй, дорогой мой дневник.

Сегодня делать дела не очень получается, посему, прикрывшись сведением счетов, пишу тебе. Утром проводили на пароход одного из Зинаидиных учеников. Способный мальчик, везде с карандашом ходил, часто просил Зину еще задачек набросать. Семья только у него не из благополучных. Все, что зарабатывали, прятали, как могли. А когда пришли в колхоз собирать вещи, председатель мне сказал, у них в доме пусто, шаром покати. Даже корову и ту продали. Деньги будто бы сдали уже, тут уж не проверишь. Это пока наша большая беда – несогласованность. Одна рука хлеб сеет, вторая уже собрала семена. Так что у них остались деньги или унес кто – доподлинно неизвестно. Выслали же их вот по какой причине: отказались они картошку сажать. Отец семейства согласился, кажется, головой кивал, когда ему поясняли за благополучие новой России, в которой каждый должен заботиться о ближнем, а ни миллиметра земли не вскопал. Вскрылось вот, по рейдам, семей десять собрали в путь. То ли на севера, то ли в Бобруйск. Зина уж очень убивалась по нему, уговаривала продолжать учиться, но уперся. Говорит, семье он нужнее. Зина ему на прощанье переписала стихов Хлебникова, он очень любил их. Особенно про заклятие смехом:

«О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смеячей!»

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!»⁷

Поражаюсь я Зине, конечно. Где только берет этих писателей? В нашей-то Сибири хрен достанешь новых. Не зря петроградская, ясная моя..

⁷ Стихотворение Велимира Хлебникова «Заклятие смехом», 1908-1909 гг. Орфография, пунктуация и юксюмороны сохранены.

Глава 3

На берегу ледяной реки, спрятавшись за резной аркой от шумов центра города, много лет существует святая земля. На ней преклонил голову свою великий командор, утомленный битвами. Оплакана эта земля морем слез молодой испанки, так никогда и не познавшей своего счастья. Омолена молитвами собора Воскресенского да жизнями домов местных. Ныне разрушено все, на месте его рояль стоит.

Красив рояль, ничего не скажешь. Огромный, со всех концов города видать, со стеклянным коридором – куполом. Музыка в нем приятная звучит, как собору положенная. И памятник воткнули рядышком командору, ибо не найти среди припаркованных машин да кофейных лавок могилу его. Не стереть из нашей памяти время революционное, но революционеры потеряли память нашу успешнее некуда. Кто вспомнит сейчас про собор, кто даст согласие на раскопки на площади ради тридцати домов да захоронений? А сколько их по России, втоптаных в грязь людских вер, религий, традиций? Унесено все в пользу революции то красными, то белыми, сейчас уж и не скажешь, кем. Кто прав был? И это не суть, поиск виновных память не восстановит.

– Господин Шэнь, прикажете подавать чай?

– Принеси кипяток, я заварю сам.

– Закуски?

– Ты задаешь этот вопрос на протяжении шести лет. Если они не потребуются, я упомяну отдельно.

– Хорошо, Господин.

Он поклонился и ушел. Сколько ни учи – китайцем он не станет, без раздражения подумал Шэнь. Ни стрижка горшком, ни кольцо в левом ухе, ни миниатюрность не приближали его к идеалу слуги. Но Шэнь держал его, потому что он был хорошей нянькой сыну.

Иван появился в его доме во время печальных событий. Жена Шэня накануне собрала вещи и отправилась искать новой жизни, а у него на руках остался двухлетний малыш. Найденная экстренно нянька в растерянности пыталась читать ему сказку и играть в ладушки, но Роман исходился криком и накрывался одеялом, прячась в кроватке. Шэнь как раз пытался уговорить его сходить в туалет и покинуть ради этого свое убежище, когда по лестнице, услышав истошные крики, поднялся Иван. Он тогда был чуть толще, и прятал свои красные щеки за длинными волосами. Разноцветная негритянская шапка была украшена колокольчиками, и он потряс головой. Крики стихли. Он потряс шапкой еще раз, вызвав мелодичное позвякивание. Спустя минуту из одеяла сверкнули два глаза. Нимало не стесняясь присутствующих, Иван громко сказал:

– Эй, можешь лежать в кровати сколько угодно, и писать туда столько же. Хочешь, я дам тебе шоколадного молока? Говорят, это помогает надудонить целую лужу.

Шэнь резко повернулся к Ивану. Лицо его отражало гнев. Как посмел ты, низший, обратиться к сыну моему? Из полуопущенных век, которые придавали лицу высокомерно-усталое выражение, летели стрелы. Да что возомнил о себе этот слуга? Обратиться к его сыну без разрешения? Шэнь решил, что немедля выгонит его вон, забыв о том, что Иван пришел лишь устраиваться на работу водителем. Но тут случилось то, что изменило его намерения. Роман спустился. Прошлепав мимо отца босыми пятками, он ткнул пальцами в Ивана и заявил:

– Сикать иди хочет!

– Сикают девочки, а мальчики писают, – засмеявшись, ответил Иван и вытащил малыша из кровати, посадив на шею.

Там Роман и остался, и Шэню пришлось искать другого водителя. Сын, проявляя его, шэневский характер, не признавал нянь и оставался только с Иваном. Со временем Рома перестал так сильно нуждаться в Иване, и Шэнь стал пользоваться его услугами, как личного слуги. Ему нравился парень – молчаливый, рассудительный, не лезет, куда не надо, занимается его сыном. Но не в его привычках было баловать прислугу, поэтому он по-прежнему был суров в обращении, что, впрочем, не мешало ему оплачивать семье Ивана многочисленные долги.

Шэнь сидел на крыше рояля, всматриваясь в голубые горы, отражавшие и отражавшиеся в великой реке. Люди казались мелкими, высота делала их движущимися точками,

сиюминутной мошкой, беснующейся в полете. Ему нравилось приходить сюда и пить в одиночестве чай с вялеными помидорами. Он представлял себе Китай – великий и далекий, который полюбил всюю душой. Иногда он брал томики стихов и воображал, что понимает их.

«Какая тяжесть на душе, как горько я тоскую!

Давай отправимся с тобой на радость в дальний путь.

Взойдем навстречу облакам на башню смотровую,

Чтоб на узорный павильон издалека взглянуть.

Убором зелени густой оделась даль лесная,

Туман редеющий поплыл клубами вдоль реки.

Шевелит лотосов ростки рыбешка озорная.

Пропали птицы, и цветы роняют лепестки.

Благоуханного вина не наливай мне в чашу.

Смотрю на цепи синих гор, и ничего нет краше!», Се Тяо.

Пробежав глазами знакомые строки, он оставил книгу и

залил прозрачный чайник кипятком. Вкуснее всего листья раскрываются в плоском чугунном, но Шэнь предпочитал стекло. Ему нравилось наблюдать за тем, как жухлые, скукоженные листья, опалившись водой, в мгновение становятся блестяще-зелеными. Являя миру свою красу, они каждый раз напоминали Шэню, что расшевелить человеческое существо может только опасность, драйв, адреналин. По вантовому мосту неспешно шли люди. У берега, он не видел, но знал, плавали жирные утки, которых кормили те самые, что спускались с моста. Хлопали в ладоши, когда зеленоголовые селезни подплывали ближе, смеялись над дерущимися за кусок хлеба. А если бы их закрыть на этом самом мосту с этими самыми утками? Сколько потребовалось бы времени, чтобы развлечение превратилось в необходимую еду? И кто оказался бы самым кровожадным?

– Папа, когда мы поедem домой? У меня вечером скайп с англичанами, а я еще не писал ничего. И надо заехать в dhl.

Услышав этот голос, Шэнь, как всегда, улыбнулся уголками губ. Единственный в мире человек, который им распоряжается. Оглянувшись, он в который раз удивился, как в мать удался Роман: высокий не по своим годам, уже выше всех в классе. Пока еще в нем не заговорил подросток, он серьезен и идет к цели. Собрался стать дипломатом – последствия прошлогодней поездки в Европу. Шэнь какое-то время пытался настаивать на изучении китайского наряду с остальным, но сын сообщил, что пока в планах английский, потом,

возможно, японский. Переубедить его, как и Шэня, обычно бесполезно.

– Что на этот раз ты решил освоить? – спросил он, впрочем, не вставая.

Чай должен быть выпит сразу, пока листья свежи. И сразу вторую заварку. Первый кипяток раскрывает, второй смывает молодость, насыщает опытом. Третий – делает чай свободным.

– Думаю на тайский бокс походить. Плечи слабоваты. Тренера уже присмотрел, заказал грушу, перчатки. Тебе, кстати, новые очки для плавания, – добавил Рома, – у твоих уже резинка слабовата.

Он положил отцу на плечо руку и вдохнул свежего ветерка, гулявшего по крыше. Как и отец, он любил это место. Он любил одиночество и покой и, если бы не социализация, то и учился бы с репетиторами. Но Иван сказал ему, что дипломаты обязаны уметь общаться с людьми, и Роман высидивал по 7 часов с напыщенными одноклассниками. Он предпочел бы школу попроще, где не придавали бы такое большое значение значку крокодила на рубашке и новой модели смартфона, но отец считал по-другому. А его решение не оспаривается. Помимо школы у Романа было много увлечений. Нет, даже точнее сказать, много метаний. Он быстро загорался и быстро остывал. Частенько еще до того, как дорогостоящее обычно оборудование для хобби доставлял курьер. Шэнь смотрел на это сквозь пальцы, считая, что «нужно пробовать все».

Возможно, мать могла бы приучить его к усидчивости, но ее он не помнил и не страдал. Дома у них не было фотографий, отец не упоминал о ней, а Рома и не интересовался. В его жизни был Иван. Два года назад отец устроил им встречу в Италии. Привел его к фонтану Треви и велел подождать, купив *artigianale con mango*⁸. «Ты Рома?», – щурясь от августовского солнца, обратилась к нему женщина. На ней были огромные очки с леопардовой дужкой, красный сарафан, не удерживавший большую грудь и широкополая соломенная шляпа. «Будто от слезки прячется», – подумал тогда он. Он огляделся, но рядом сидели только две китайские девочки. Август для Рима – поры вымирания. Безумная жара, местные разъезжаются в отпуск, а туристы не вывозят раскаленного камня в городе. Мама купила ему в *gelato artigianale* два шарика с сыром и голубикой, себе – клубничного, хотя он уже и не хотел мороженого, а с удовольствием выпил бы лимонада. Они почти не разговаривали.

Чего она ожидала через годы разлуки? Что мальчик кинется ей в объятия, а она почувствует, как сердце развалилось на тысячи куском? Она ожидала, что будет плакать от счастья, потому и не красила глаза, спрятав их за очками. Ожидала, что глаза, которые, как она помнила, были цвета неба, расширятся от переполняющих чувств. Они трансфор-

⁸ Вкуснейшее итальянское мороженое с манго, которое делают вручную. Лучше искать вывески «artigianale», велик шанс влюбиться в местное мороженое раз и навсегда.

мировались, переродились. Стали карими, шэневскими. Перед ней сидел строгий худой юноша, несмело рассказывающий, что сдал на сертификат на симуляторе AN-24, катается на горных лыжах и любит пепси. О себе рассказала скупно: замужем за немцем, живут здесь по работе, полуторогодовалый сынишка. Она представляла себе, как он вспыхнет при упоминании брата, а она покажет ему Авентин⁹, не только ведь Колизей есть в вечном городе! Расставались они с чувством взаимного недоумения. Рома так и не понял, чего хотела эта женщина, а мать не поняла, куда делся ее сын. И, хотя, сжимая его в некрепком объятии, она умоляла его не теряться, побоялась ответить на его открытку к Новому году. Ни к чему это – бороздить прошлое, из которого не прорастает будущее.

Роман спросил у Ивана, почему так произошло. Они приехали в обувной, чтобы найти удобную сменку к школе, а вокруг кипишились такие же будущие школьники с уставшими от проводов во взрослое мамочками. Рома долго изучающе разглядывал женщину, чем-то смутно напомнившую мать. Кажется, у нее тоже был кулон, такой, еще нелепый, в форме жучка или птички. Сын ее удобно оперевшись локтем на стойку с туфлями, пялился в телефон, а она таскала ему коробки, примеряя то одну, то другую пару. Нацепив на широкую не по возрасту ногу очередные лакированные, она отходила, приглядываясь, как художник, к деталям картины и,

⁹ Авентин – района Рима.

качнув кулоном, снова снимала. Тогда-то он и задал вопрос, вертевшийся на языке все время после встречи с матерью. В голове, конечно, формулировал, но вслух вырвалось: «Почему так? Почему у моей мамы не так?». Иван посмотрел внимательно на своего маленького друга, жадно наблюдавшего за попытками той привлечь внимание сына и, подавив вздох, философски ответил: «Жизнь. Никто не виноват». Не умеет он красиво объяснять, это лучше хозяину поручить. Ему проще сделать, чем прочесть лекцию. Роман приехал домой бледный, с блестящими глазами. Сказал отцу, что больше не хочет вестей от матери и, по возможности, новую мать он тоже не хочет. Вдвоем хорошо. Иван есть, если что. Шэнь покачал головой, но обещание дал. В конце концов, ему необязательно знать некоторые вещи. Как бы там ни было, он – его первенец, любимец, наследник. Как решил, так и будет. Если нужно оставаться неженатым, чтобы губы не синели от закусывания, будем выполнять. И он отмахнулся от Ивана, предлагавшего в пику сыну жениться и найти хорошую, ласковую женщину.

– Сверни направо, – указал Рома водителю на коричневую пятиэтажку, первый этаж которой был занят офисом «Пега туристик», и уже отцу, ласковее, – я быстро.

Выскочив из машины, он вбежал в одну из дверей, на которых не были видны вывески. Пока водитель пытался поудобнее припарковать паджеро, Шэнь равнодушно смотрел на вереницу машин. Хорошо хоть, виадук построили, все по-

быстрее стало без перехода, но развязку бы сделать, а то вечно в пробке....

Завибрировало сиденье, и Шэнь увидел, что сын оставил мобильник. На экране высветилось уведомление: «Новая публикация на канале «шутки-радио». С Китайским Новым годом вас, друзья!» Ох, и вправду, он ведь совсем забыл с этим новым проектом поздравить самого главного человека! Он уже сунул руку в карман, но, поддавшись любопытству, все-таки открыл сообщение. С фотографии на него смотрели довольные девушки в очках. Все они держали в руках фонарики, карты, свечи. Он невольно улыбнулся, вспоминая свой последний Новый год в его кругу. Там тоже было полно красного цвета. А потом Шэнь прочел подпись.

– Иван, послушай. «По последним данным, китайцы верят, что Иисус вернулся в этот мир в теле женщины. Пожелаем в новом году каждому мужику встретить своего Иисуса, а бабам – религиозного фанатика. С Новым китайским! Ваше шутки-радио». Ничего себе шутки! Прямое оскорбление народу. И когда? В один из светлых праздников. Посмотрел бы я на этих шутников, когда китайцы сочинили бы что-то подобное про нас!

Привыкнув к тому, что босс лишь считает себя спокойным, как истинный восточный человек, Иван молчал, пережидая бурю. Он не стал говорить ему, что не стоит искать в чужом телефоне то, что тебя не устроит. И уж совсем глупо воспринимать всерьез соцсети. Сам он ничего оскорбитель-

ного не услышал, но знал, как трепетно отношение Шэня к китайцам, поэтому лишь подумал то, что он подумал. Вместо этого он кивнул и усталился на белоснежную тойоту, безуспешно пытающуюся повернуть через поток машин.

– Пап, ты чего в моем телефоне потерял? – сунулась в окно голова Романа.

– Наслаждаюсь русским юмором, -ледяным тоном ответил Шэнь.

Он закрыл гнев, как заслон у печи, но чувствовал, как тот клокочет внутри. Сын бухнулся на сиденье, выхватил у него из рук самсунг в зеленом чехле и усталился на экран. Через пару секунд изучения он захихикал. В гнев Шэня как дров подбросили, но попало водителю.

– Долго мы будем ждать, пока кто-нибудь не врежется в нас?

Переулок был довольно узкий, и машина на аварийке здесь мешала проезжающим, рискуя получить царапину. Водители, ворча, объезжали их.. Конечно, Шэню было бы плевать, и инспекторов бы ждать не стал, но однажды ему попалась жутко въедливая баба, отказавшаяся решать вопрос «на месте», и Ивана с водителем пришлось оставлять дожидаться ГАИ. А такси Шэнь ой как не любил. Он почувствовал, как сын легонько толкает его в бок.

– Пааап. А пап. Ты чего?

– Прочел поздравление с Новым годом.

Шэнь смотрел на разводы грязи передней машины. Он и

сам не мог бы объяснить себе, почему его так всколыхнула эта шутка.

– Ну чего ты разозлился? – прислонился к нему Роман. – Картинка как картинка. У них всегда такое, вряд ли они хотели оскорбить китайцев.

– И давно ты увлекаешься подобным юмором? – спросил Шэнь.

Ему было неприятно, что сын не разделяет его мнения. Он и не подозревал, что Роман ценит ширпотреб. И это после стольких прочтенных легенд и книг! Воспитание, все воспитание. Собирался же он нанять для него настоящего китайского учителя.

– Да просто в классе все обсуждают это радио, «шутки-радио». Решил послушать разок, понравилось. Подписался на их паблик в инста, иногда смешно. Мы часто на переменах смеемся, там про школу бывает!

– Вода спала – камни обнажились, – проговорил, откинувшись на сиденье, Шэнь.

Усмехаясь, Иван поглядывал в зеркало. Его хозяин все время забывал, что сыну лишь восемь. Требовать от малыша мудрости он, конечно, может, но не вправе лишать его духа братства. Мал он еще для взращивания личности. Вот хозяин вышел, не захлопнув, как всегда, дверь, а за ним побежал Ромка. Его бы обнять покрепче, да телек вместе посмотреть. Женщину бы им хорошую. Смягчить два камня, подточить их. И Иван посмотрел в зеркало, представив, что через час

сзади сядет Настя, сминая в руках рюкзачок с мишкой Тедди.

Шэнь устроился на первом этаже у камина. В свое время его вполне устраивала квартира. Ему удалось купить двухэтажную, с видом на реку, целиком состоящую из раритетов и плохой проводки, но там было уютно. Жена однако настаивала на переезде за город «для здоровья ребенка», и он уступил ее капризу, отстроив там особняк. Первое время он редко посещал сосны, предпочитая шумный город и квартиру, но постепенно привык. В гостиной он поставил друг против друга два роскошных дивана, оббитых шелком цвета серебра, а ансамбль дополнили кресла из цельного дуба. Низенький длинный столик, лакированный до прозрачности напоминал ему реку, и он часами мог всматриваться в поверхность, игнорируя огонь в камине. Пока Роман подрастал, успел разбить несколько китайских ваз и статуэток, но две огромные, с персиковыми цветками, еще стояли по углам. Наверху были спальни Ивана, Ромы и в самом конце – Шэня. Разумеется, каждый обставлял по своему вкусу, поэтому Китай чувствовался лишь среди красных простыней, птичьего панно и приглушенных тонов. Иван предпочитал спартанский минимализм Японии – кровать, тумбочка и ноутбук, а у Ромы еще было дикое сочетание безвкусицы и зарождающейся личности, чему Шэнь решил не препятствовать. Плакаты с героями аниме сменяли один на другой, обои переклеивались трижды в год, из последних – с четкой, раз-

ноцветной, как у Кандинского, геометрией. Там же, под чердаком, был специально оборудованный спортзал. Чаше Шэнь спускался в подвал, к бассейну, но иногда любил вместе с Ромой час – другой пройтись по дорожке.

Роман и Иван ушли наверх, выбирать место для груши среди заставленного тренажерами спортзала и сейчас слышен был их веселый спор: «давай в углу, там и дырка есть уже, потом остынешь когда, хоть спотыкаться не будем», – это, конечно, благоразумный Иван, храни его силы, уговаривает Романа. «Ты в меня не веришь, да? Думаешь, брошу, как лыжи? Нет, бокс – это не лыжи! Бокс сделает меня сильным, я смогу драться. И на улицу ради этого рано вставать не надо!», – «Ах, ты, лентяй».

Шэнь вдруг подумал, что с ним сын никогда не бывает таким задорным и откровенным. В их диалогах всегда ощущалась некая напряженность. Шэнь стремился указать сыну правильный путь, а Роман стремился ему соответствовать, порой придавливая свои чувства, порой откровенно привирая, лишь бы в глазах отца не вспыхнул презрительный огонек. Рома хорошо запомнил, как этот огонек вспыхнул. Долгое время в школе он не мог привыкнуть к тому, что нужно все делать по часам. Отец никогда не заставлял Романа следовать времени, и тот просто не мог управиться со всеми пятиминутками, сорокаминутками и большими переменами. В очередной раз, когда он опоздал на урок, получив справедливый нагоняй от учительницы, душа не выдержала.

Он пересел на заднюю парту и начал разрисовывать ее ручкой, скрывая за этим дрожащую губу и страстное желание расплакаться.

– Э, ты рисовать будешь, а мне стирать? – услышал он возмущенный шепот спереди.

Это был Ильдар, самый высокий из его одноклассников парень. Форму по размеру ему еще не пошили, и он носил белую рубашку с брюками, выгодно отличаясь от остальных. Роман завидовал его длинным волосам, которые он собирал в гульку на голове. Учительница, правда, несколько раз уже предложила сбрить, но отец Ильдара был против. А его папа любит короткие стрижки...

Мальчишеская дружба завязывается быстро и накрепко, поэтому уже через пару дней Ильдар гонял Романа, чтобы тот успевал вовремя. Ивану оставалось только ухмыляться, видя, как его воспитанник выбегает из машины, стремясь на встречу рослому не по годам, чернявому парню. Они быстро обнаружили общие интересы – «Linkin Park», «Call of duty» и, неделю пробившись по онлайну, решили, что надо уже объединиться. Привыкший к свободе, Роман позвал друга в гости, и Иван с поварихой только посмеивались на возгласы мальчишек, в которых они ругали друг друга за нерасторопность. А потом пришел отец. Он вошел в комнату, как обычно, без звука. Два мальчишки в креслах-мешках склонились, каждый – к своему ноутбуку и щебетали на им лишь понятном языке. Но готовая улыбка радости за сына вспорхнула

испуганной птицей. Он разглядел, С КЕМ его сын.

– Папа, Ильдар такой классный! Только он тебя стесняется! Почему ты не настоял, чтобы он остался у нас поужинать? Сегодня же утиные шейки! – сыпал вопросами Роман, перебивая сам себя. Он был еще слишком мал, чтобы почувствовать в молчании отца опасную нотку.

– Роман, я не могу настаивать, но прошу: не приглашай этого мальчика к нам в дом.

Шэнь произнес эти слова, и увидел, как вспыхнул сын.

– Почему? Почему так? Он же тебе ничего плохого не сделал!

– Этот мальчик – иной веры. Веры, которая недостойна существования. Он мусульманин, Роман.

Роме стало обидно за друга – разве он выбирал веру и родителей! Причем здесь вообще мусульманство, если он классный? И со всем пылом первой дружеской привязанности он стал защищать Ильдара. Отец молчал, складывая в четырехугольник салфетку. А потом перевел взгляд на Рому, и тот впервые увидел этот страшный огонек презрения. Презрения к глупости своего ребенка, который не понимает простых вещей о том, что такие, как Ильдар, недостойны дружбы. Адское пламя, в котором погиб Крэбб¹⁰ и то опалило бы Рому меньше. Он прервал сам себя и вышел из-за стола. Больше об Ильдаре он с отцом не заговаривал.

У него вошло в привычку советоваться с Иваном о сво-

¹⁰ Имеется в виду Адское пламя из книжек про «Гарри Поттера».

их планах и намерениях. Так было спокойнее. Иван никогда не осуждал, не спорил с ним. Мог только задуматься, пожевывая губу, а потом мягко сказать: «Давай господину Шэню скажем, что ты поехал на тренировки по актерскому мастерству. В конце концов, просмотр спектакля – те же тренировки». Иван знал, что сколь быстро появляется у Ромы интерес к чему-то, также он и исчезает. К примеру, горные лыжи. Собирался в Инсбруке катать, заказал экипировку именную, Иван нашел учителя с десятилетним стажем. В итоге сразу после поездки Роман спрятал лыжи подальше. Сказал, что муторно это – вставать пораньше, успевать на склон до толпы. Иван-то понял, что мальчик больше всего опасался расстроить отца неидеальными прокатами. Иных у него и не получалось, ведь только опыт здесь поможет. Рому это не убедило, и лыжи продолжали тоскливо гнить в подвале. Шэнь больше всего опасался, что мать передала сыну страсть к непостоянству. Из кувшина в чашку можно налить лишь то, что в нем было.... Сейчас, оглядываясь на недолго прожитое, он удивлялся – что толкнуло их друг к другу? Он – одинокий, замкнутый, немного тоскующий и она – бурная река, для которой остановка подобна болоту. Их расставание слишком уж предрешиено было, жаль, что он не выпросил у нее еще одного ребенка. Вздохнув, Шэнь вынул смарт и нажал вызов.

– Это я. Загляни в почту, там для тебя задание. Узнай все. Через два часа я жду информацию.

Голоса наверху стихли. Наверное, Роман делает домашние задания. Теперь, пожалуй, можно позвонить ЕМУ. Надо же, забыть о самом главном празднике. У поварихи в кухне громко работал телевизор. Шли вечерние новости. До того, как услышать в трубке решительное «Вээй!», Шэнь успел вздохнуть. Снова будут менять брусчатку в центре. Надо поручить Ивану снова арендовать вертолет.

Из дневника И.Б.

Сегодня в городе большое событие! У Некрасовых провели свет! Они вторые уже из домов, где свет будет, до этого только Телегины хвастали этим, а теперь вот и у Некрасовых. Нас с Зиной пригласили посмотреть, сын их у нее учится. Это, конечно, будущее во всей красе. В комнатах светло, только шелкни. Никакой мороки со свечами, кончились – не кончились, а светло – где душа пожелает. Только вот недоставало мне у них в доме запаха свечного. С ним как-то благороднее. Телегины тоже были, поздравили их. Хозяйка-то радехонька, небось! Теперь глаза не испортишь, а не то как Зина моя вечно шуруется тетрадкам.

Растет город наш, хорошеет. Нет лучшего ничего, чем чувствовать себя его частью. Одно плохо только – все раскольнее в нашей партии, нет единства. Мы с Зиной часто говорить стали об этом, что жестоки непартийцы, но и свои не менее жестоки. Закололи вот недавно вилами одну большевичку крестьяне, мол, предала она их, коров вывела к «своим». А мы чем лучше? Мы этих крестьян всех... Даже упоминать не хочется. Не будем о грустном, что это я. Праздник, свет!

Глава 4

– Да не собираюсь я тратить свое время на глупости, – раздраженно говорил Денис, вышагивая в сторону супермаркета, – итак получил от главреда за опоздание. Ты понимаешь, что для меня важна характеристика в резюме? Иначе меня не возьмут на ПРОБА, а это – моя главная цель. Что я должен, по – твоему, полдня потратить на незнакомую девчонку, выискивать для нее ошибки, чтоб она вшивую пятерочку получила?

Толстомордая тетка с усиками под губой зыркнула на них и отошла в сторону.

– Товарищ Дэн, а у вас еще остались заведения для душевнобольных? Лечебницы, – поинтересовался Илья, семени рядом, – а то, если будешь так бормотать себе под нос, сдадут, куда положено. Или, чего доброго, решат, что ты с собакой разговариваешь!

Денис буркнул:

– В этом как раз ничего удивительного и нет! Разговаривает человек по гарнитуре или с собакой – чье дело? Это там в ваши, коммунистические времена было принято соваться в чужие дела, а у нас свобода, понимаешь ли.

– Свобода... И дурацкие собаки.

Денис смотрел под ноги, стараясь, чтобы Илья не заметил, как его душит смех. «Тэлэфон нада, купи, да», – слышался

позади южный говор. «Быстро чешем, пока не всучил барахло», – шепнул Денис Илье, и рванул что есть мочи, не оглядываясь. Он терпеть не мог этих барыг и старался обходить радиорынок за километр, но сейчас был рад его появлению. Вчера вечером Ветров все-таки навестил их еще раз, тяга к курению возобладала над страхом, а девки его не явились. Он тихо поскребся в дверь, побоявшись звонить и просунул голову в щелку, выглядывая Илью. Пока Денис доставал пачку, он робко и почти шепотом сказал:

– Ты бы сказал, что псину тебе надо, я бы тебе нормального по дешевке загнал. Это ж не собака, а пародия. Таких бабам покупают. У Ленки моей была похожая, пока под машину не попала. И имя-то у них такое... матершинное... Это... – пощелкал он пальцами. Илья, внимательно вслушивающийся в разговор, напрягся, – чихуянахуя.

Денис удержал серьезное лицо. Так вот, оказывается, кем предстает его новый сожитель миру! Комнатной унылой собачкой, предназначенной для лежания на диване. Проводив страждущего, он, не глядя на Илью, сел к ноуту и набрал на клавиатуре. «Чихуахуа». Гугл тут же выдал тысячи картинок, на которых был изображен большеголовый пес с мелкими зубами. С дрожью подошел Илья к экрану и с некоторой безразличностью рассматривал изображения. Спустя минуту, заметно расстроившись, сказал:

– Могло быть и хуже, наверное. И, все-таки, я предпочел бы размер побольше.

Он хотел еще что-то добавить, но удержался. «Ладно, с ним хоть пускать будут везде, если что», – подумал Денис. Он отправился в туалет, оставив Илью наедине с изображением самого себя, а когда вернулся, увидел, что комната пуста. В кухне гостя тоже не оказалось. Денис мог бы поклясться, что входная дверь не открывалась, да нет же, и цепочка на месте.

– Может, он все-таки мне привиделся? И Ветрову тоже.

Но наутро, едва он открыл глаза, понял, что его галлюцинация вернулась. Судя по запаху, она уже сварила манку (буэ), кофе и вот сейчас трясла его с криком:

– Вставай, а то опять работу проспичь!

Честно сказать, с этим приключением работа его отошла на второй план, но Илья прав. Ответственный какой.

Завтракали они в молчании. Денис еще не вполне проснулся, но уже прикидывал, что можно написать мем к новости, что Канье Вест сотрудничает с Бибером, Илья же был чем-то заметно расстроен. Он жевал без аппетита и совсем не тронул колбасу, щедро им же порезанную. Наконец Денис заметил, что Илья даже кофе не допил.

– Мне спрашивать, что случилось, или сам расскажешь?

Илья помолчал, размешивая в кружке третий кусок сахара. Потом положил четвертый и сумрачно сказал:

– Ходил на Плац-парадную площадь. У меня там... Много связано с ней.

– Плац – парадная? – переспросил Денис, почесав лоб, –

это где?

– Ну где поезда ходят сейчас.

Пожав плечами, Денис обратился к гуглу. Так и есть, подозрения подтвердились, Плац-парадная – это нынешняя Красная, давно переименованная. Он щелкнул картинку, и перед ним высветилась площадь сто лет назад. Илья из-за плеча жадно рассматривал ее. Вместо парка с фонтаном и стеллой, со всех сторон окруженного быстроедущими машинами, перед ними предстала ровная местность по которой бежали, ехали, катили люди и повозки с лошадьми. Вокруг были деревянные одноэтажные здания вроде тех, что еще оставались памятниками культуры в центре.

– И вы тут жили? – удивился Денис.

– Тут жили богатеи, площадь одна из главных же! И баня была, отменнейшая – поправил Илья, – вон-смотри, там Гадаловы вдалеке виднеются. Важные были люди. И куда все делось? Коробки да машины и красный столб торчит посредине....

– Это «Штык», – Денис покопался в недрах памяти, вспоминая, кажется, класс десятый, – памятник окончанию войн.

– Аааа, – с пониманием протянул Илья. Больше он ничего не сказал, но Денису отчего-то стало жалко парня, и он предложил:

– Пойдем на Татышев? В твои времена, наверное, еще не было его? Заодно погуляем, город посмотрим. Тебе понравится!

Так они и оказались на улице, где Илья снова завел свою пластинку на тему Алисы. Они миновали рынок и настойчивых южан и пошли вдоль шумной автомобильной дороги. На той стороне громоздились унылые офисные здания, а впереди них, словно бы пытаясь улучшить настроение – многочисленные кафешки, ожидающие студентов из ближайшего универа. Илья посматривал в сторону столиков, откуда пахло чуть пригорелым шашлыком, но Денис имел другую цель. С самого Нового года он не ездил на Татку, в основном, не желая мерзнуть, и соскучился. Затерянный меж двух берегов реки кусочек земли он нежно полюбил с того дня, когда его, семилетку, закончившего первый класс с отличием, отец привез сюда на рыбалку. Они шли по тропинкам, среди густопосаженных деревьев и слушали, как шум воды перекрывает гул машин. Дениска был потрясен, узнав, что в Енисее еще водится рыба. Хоть и наловили они с отцом всего несколько окуньков, ему запомнилось это чувство – забор от всех и всего! Они и только они, никого больше. С годами цивилизация, конечно, добралась и сюда. Сначала велосипедная дорожка, затем площадки для футбола и прочих мячных игр. Последние года два шло активное строительство разных объектов вроде туалетов и зимних домиков, и Денис с меньшей охотой приезжал сюда. Перенос главной елки на остров стал последней каплей, праздник, переехавший сюда с главной площади, уничтожил остатки покоя и уединений.

Вот и сегодня, дойдя до ступенек, ведущих вниз на ост-

ров, он услышал музыку. Значит, праздник. Он попытался припомнить, что на этот раз. Ах, да. Холи. Начало весны. В феврале. Ну-ну. Неужели есть дураки, которые соглашаются измазать краской зимние вещи?

Дураки были, и довольно в большом количестве. Не меньше трех тысяч приехало повеселиться, и не последнюю роль в этом играла лотерея, в которой можно было выиграть квартиру. Алиса тоже была здесь. Ее сюда вытащили одnogруппницы. Сама она подобные мероприятия предпочитала обходить стороной, но уж больно настойчиво девчонки ее уговаривали. Получив очередное сообщение в вацапе, махнула рукой на попытку дочитать Соссюра и быстро собралась. Поехали впятером: Германова с соседнего потока, любительница девчонок, Манька, сероглазая брюнетка, поступившая на филфак из-за непоступления на жур, Лена, староста и стажерка на радио, и Гильманова. Последняя была не из их компании, но ее взяли потому, что она успела дописать конспекты для экзаменов, и необходимо было подружиться, дабы конспекты первыми приехали к ним.

Манька сказала, что приедут ее друзья с эконома, и они действительно уже поджидали их у машины с горячим кофе. Трое блестяще одетых модников. Один бритыми висками, а у двоих вычурная косая челка. Алису они вычеркнули из кандидатов на вечер, не сговариваясь. Невысокая, плотная фигурка, обтянутая джинсами клеш. Русые, не тронутые краской волосы и испуганные глаза. Такую полвечера будешь

обихаживать, а потом сбежит. Алиса производила впечатление некрасивой подружки, к тому же, она очень стеснялась сальных шуточек, поэтому пряталась за девочками. Молчание же ими было истолковано как надменность, и они довольно быстро перестали ее замечать. Тем более, что остальные девочки весьма открыто кокетничали с ними. Больше всего Алису убило, что даже Германова, которой экономисты до лампочки, активно участвует в беседе. Неужели неистребимо это желание порисоваться? Она видела иногда, как Марина, разговаривая по телефону, невзначай проводит рукой по волосам, чуть повышает голос, отвечает вопросом на вопрос. Ей не нравились все эти увертки, ей казалось, что в общении мужчины и женщины все должно быть по-честному, на равных правах. Вот и спор как раз об этом – есть ли возможность у женщины стать президентом.

– Ну Германия-то живет, не расстраивается. Все у них есть, почему у нас так не может быть? Почему мы до сих пор во власти патриархата, как и десять веков назад? – горячилась Гильманова.

– Может, потому, что не родилась еще та женщина, которой под силу удержать Россию? Ты сравнила жопу с пальцем. Все Германию можно объехать по кругу за пару дней, а у нас другие масштабы, – ответил ей экономист Славик.

Разговаривая, он всю дымил вейпом, и вокруг них образовалось клубничное облачко.

– Ха. А Собчак? У нее есть и возможности, и народная

любовь, и гены. Кто у нее папаша был! – авторитетно рубанула Лена. Она всегда была права. Даже когда была неправа.

– Какие гены? Лошадиные? – спросил ушастый, невнятно пробормотавший свое имя. То ли Марк, то ли Витек. Алиса не могла удержаться от смеха, когда смотрела на него. Бристые виски только подчеркивали его лопухость, и смотрелся он как кастрюлька для молока.

– Очень смешно. Поэтому у нас в стране ничего и не меняется, нам лишь бы поржать, – высокомерно сказала Гильманова.

– А, по-моему, без разницы, кто сядет на престол. Система от этого не изменится. Причем, я уверена почему-то, что коли бы уж кому-то из вас досталась бы корона, вы себя тоже не обделили бы! – сказала Манька.

– Естественно! – хохотнул третий, с тоннелями в ушах.

Алисе стало неинтересно прислушиваться, зато очень хотелось задать третьему, Диме, вопрос: как он на серьезную работу думает устраиваться с таким украшением? Это явно важнее, чем обсуждать политику, в которой они равным счетом ничего не понимают. Если бы не Манька, то и речи не было бы. Но она по-прежнему грезил журналистикой, стремясь при этом охватить все сферы жизни, вот и затеяла псевдоумную беседу.

Алиса отвернулась от наскучившей компашки, рассматривая поляну, на которой проходил Холи. Все обозримое пространство на простиравшейся вперед поляне было устав-

лено лавчонками с модной едой. То и дело проплывал запах плова, шашлыков, котлет для бургеров. Там, где продавали кофе в вакуумных пакетах, столпилась очередь из молодых мамаш. Еще было не поздно, но зимнее солнце собралось уходить, становилось прохладно, и многие засобирались домой. Не трогалась с места лишь молодежь. Она ждали своего хэдлинера.

Внезапно среди людских ног глаза Алисы выхватили рыжую собачку. Уткнувшись носом в землю, она деловито обыскивала ледовые залежи, видимо, надеясь среди них, в мерзлой земле, откопать сонного суслика. Ошейника на ней не было, но потеряшкой она не выглядела. Упитанный медный пес с белыми пятнами. Мелькая между людьми, он то пропадал, то появлялся. Сама того не заметив, Алиса двинулась за собакой. «Девушка, осторожнее, чуть ребенка не сбили», – раздраженно высказала ей мамаша в шапке с помпоном, но та и не обратила внимания. Пес был все ближе. Забыв обо всем, Алиса обруливала людей, стараясь не упустить рыжее тельце. Наконец она добежала. Замерев у места, где проглядывала голая земля, он обнюхивал пяточок. Алиса нагнулась к нему, чтобы погладить и перестала контролировать тело. Оно, вместо того, чтобы красиво осесть на корточки, рухнуло пластом прямо на лед, заставив лицо уткнуться в чьи-то кроссовки. Пару секунд Алиса любовалась буквой «N» на обуви, после чего рука ухватила ее за шкурку и подняла на ноги.

– Иногда и «тракторы» не спасают от гололеда, правда? – услышала она вежливый голос, в котором, впрочем, сквозила ехидца.

Отряхнув для начала снег с куртки и джинс, она вытерла с рук остатки грязи и только потом глянула на спасителя.

Денис заметил, что она вспыхнул. Совсем малышка, подумал он, восемнадцать – девятнадцать, не больше. Не очень-то и красивая, и бедра полноваты, на его вкус. Он любил сухих, таких, у которых кости проглядывали, а у нее и бока, кажется, торчат. Да ты что, одернул он себя, поднял со льда девчонку и тут же оценивать. Надо же, покраснела. А все-таки есть в ней какая-то теплая искорка.

– Вы... Вы меня не знаете в лицо, но я вам писала. Алиса. Филфак. Курсовая.

«Вот черт, ну как же не повезло!»

– Да-да, я прочел ваше письмо, – торопливо ответил он, стараясь скрыть тень недовольства, что мелькнула у него в первую секунду. Алиса однако уловила ее, и вспыхнула еще сильнее, на этот раз от зарождающейся обиды.

– И был так глуп, что не ответил вам... – зазвенел в ушах голос Илья

– Уймись, – бросил он и быстро продолжил, – но, знаете...

«Что я вообще перед нею оправдываюсь? Дурацкая эта привычка всегда быть вежливым с людьми».

Германова уже давно наблюдала за ними. Не ускользало от ее ревнивого взора ничего. И то, как покраснела Алиса,

и явно смутился кареглазый. Как-то уж слишком виновато он оправдывался перед ней, а она смотрела с полуулыбкой поверх его головы. Германова была уверена, что так могут общаться между собой только люди, у которых есть нечто более тесное, нежели просто дружба, и она совсем отвлеклась от беседы, продолжая наблюдать. Заправив в капюшон куртки выбившиеся пряди, он достал телефон и показывал ей светящийся экран. Алиса же робко, словно боясь увидеть расчлененку, смотрела туда, и лицо теряло краски. Он будто лишал ее надежды, топил и гробил ее мечты. Германовой захотелось прокусить ему шею. Мужики не умеют чувствовать, давать тоже не умеют. Только забирать. И гогот модников с эконома сейчас только подтверждал теорию. От злости у нее разболелась голова, и она решила выпить лимонаду. В такой мороз лимонад подавали только в одной палатке, и она побрела в глубину острова, оставив трех троим. Останься еще на пару минут, Германова бы увидела, что кареглазый тоже увидел предательски дрожащие губы и что-то сказал. Одну фразу. Но она закивала с таки энтузиазмом, что уронила рюкзак.

– Пока тебя, сдёргоумка¹¹, не пнешь, хрен че сам сделаешь. Я из-за тебя яблоки в карамели не попробовал, все разобрали, – проворчал Илья.

– Я тебя, кажется, не просил о встрече с ней, – буркнул

¹¹ Сдергоумок – недоумок в данном случае. Илья любит экзальтированные ругательства.

Денис, – сейчас придется по архивам шариться. И для чего? Для обыкновенной вежливости. Была бы еще симпатичная....

Он немного повысил голос, потому что группа во главе с вокалистом в чернобурке уже настраивалась.

– Вежливости! Вы тут какие-то все странные, только о себе и думаете. Как бы время не потерять. Как бы его... Как это? Сэкономить. Я читал у тебя в буке. Особенно мне понравилось «не позволяйте себе работать больше тридцати пяти часов в неделю». Не позволяйте? Серьезно? А ты знал про двенадцатичасовой рабочий день? А крестьянам как? Сказать – не несись, курица, корова, не делай лепехи? Они – то не жалуются, а ты прям куда деваться! Ах, у меня нет времени, ах, я такой занятой. Вот ты, что ты делаешь в то время, когда не работаешь? Сидишь там же, где и работаешь. Ну поел. Ну помылся. Ну и че? Времени хоть отбавляй, а ты даже на танцы не сходишь! Вспоминаю себя. Встанешь утром, воды принесешь умыться, чайник поставишь. Потом до работы бежишь. Можно и лошадей взять, но это совсем уже когда опоздал. Весь день работаешь, иногда и задержишься. У меня друг женатый был, на лесопильном так он и две, и три смены мог отпахать. С семи утра и до двенадцати ночи, а? И не жаловался, говорил, приятно даже, что дети по папке соскучиться успевают.

Илья всерьез распалился. Глаза покраснели, налились кровью, губы тряслись.

– И что ты предлагаешь? Купить усадьбу, завести крепостных и пить чаек из блюдечка? – спросил Денис, пытаясь свести все в шутку.

– Ничего я не предлагаю, я к тому, что надо помочь человеку, если попросил! Человек не может быть один, должен быть рядом тот, кто поможет в трудную минуту. И девочка ведь хорошая, простая. Ухо только в дырках, как подстреленное. Дело нехитрое, заживет! – уже отпыхтев, сказал Лёня.

Денис примиряюще улыбнулся и ничего не ответил. У сцены собиралась толпа, ведущий выкрикивал ободряющие речи, и ему это не нравилось.

– Пойдем отсюда, сейчас краской пулять начнут.

Денис двинулся в сторону остановки, разглядывая по пути толпу ожидающих. Все они держали наготове телефоны. Кто-то накинул на себя подобие дождевика, кто-то, по виду, нашел в шкафу старый пуховик. Проглядывали коляски, один стоял со скейтом. И не лень потом отмываться... Минутная эмоция – и через весь город уляпанным ехать. Интересно, они вообще в курсе традиций Холи в Индии? С неба снова падали крупные хлопья. Им выпала высокая честь смывать краску с лиц празднующих, очищать их от чужеземного. Сибирякам свое бы помнить....

– Холодно, слушай, как. Я в ковосках твоих замерз, и полушубок холодный. Есть нормальный, на шкуре? – ныл под ухом Илья

Раскрыв рот, чтобы сообщить Илье о том, что он нытик, Денис почувствовал вибрацию смарта. Шум дороги ему мешал, и он зашел в глубину стеклянной остановки, утыкаясь взглядом в объявления вроде «Микрозайм. Выгодно. Быстро», «Социальный приют для тех, кто попал в беду». Номер на дисплее не высветился, но его это не смутило. Кто в наше время не любит анонимности?

– Алло! – ответил он, перекрывая виз тормозов подъехавшего автобуса.

– Твоя последняя публикация неприлична. Оскорблениями карьеру не сделаешь. Удали. Для своего же спокойствия. Как всегда, Денис отреагировал раньше, чем начал думать.

– Интересно, а если я не удалю сообщение, то чем это для меня кончится? Беспokoйством? Неспokoйствием? Кто вы вообще?

Собеседник помолчал немного, словно обдумывая ответ. Затем ответил спокойным, до неприличия безразличным тоном:

– *ОН* не любит, когда его не слушают. Оставить тебя без работы по силам. Может, и хуже...

Илья несколько раз постучал по его плечу, показывая, что нужно прекратить диалог, потом попытался вырвать телефон из рук.

– Передайте *ЕМУ*. Денис не боится никого. У нас свобода слова, и ничего предосудительного я не пишу. Так что уда-

лять пост я не собираюсь, а если будете угрожать, я выложу эту историю в паблик.

– Скотина ты высокопарная, брось телефон! – зашипел Илья и уронил наконец Дениса.

Никто из стоящих на остановке не подошел к нему, даже не оглянулся. Все замерли в ожидании автобуса. У него собака есть, еще укусит, не дай Бог.

Из дневника И.Б.

Вчера у нас с Зиной был удивительный день. Наш товарищ, Антон В., работающий в венерологии, предложил сходить на гору. Погоды стояли отличные, и у нас с Зиной совпал выходной, поэтому я с удовольствием оставил на денек комиссарские дела, и отправился бродить. Понравилось необычайно! Сказать, что устали – ничего не сказать, идти и ехать туда, как до Петрограда, сказала Зина, но это еще полдела. Подняться, одолеть тропинки, камешки, высокую траву, деревья до небес с тяжеленными кронами, от которых клонит в сон. И черным-то черной на ней, то ли от мха, то ли от земли, что навверх выступила. И тянется на тысячи и тысячи километров. Но уж как поднимешься вверх – так и награда сыщется! Я первой Зиной поднялся, дышу и надышаться не могу, застревает воздух и все тебе! Антон сказал, что наверху всегда воздуха меньше, вулкан дескать забирает. Сам он печален был, потому как продал лошадь свою, которую любил и на первую получку выкупил. Красавица такая, грива взметалась, как огонь! Да только одну красавицу на другую поменять пришлось – жениться надумал, вот и деньги нужны. Гордый он, не стал брать, хоть и была у меня по банку возможность. Сказал, от Советской власти ничего....

Зина нашей дружбы не одобряет, но и против не говорит, а я и рад. Не знаю почему, но прощаю я Антону такие слова,

мысли такие. Прощаю и то, что богу тайно молится. Наверное, вот за такие моменты и прощаю, когда шваркнет он чаем громко и неторопливо, отерев усы, начнет рассказ.

Вулкан этот, что довелось увидеть нам, зовут Кара-дага. «черная гора», значит. И гора эта внутри полая, пустая, потому как ненастоящая эта гора. Там, внизу горы этой озеро есть, кристальное, чистейшее, наплаканное слезами девы, родня которой загубила любимого ее. Плакала она над ним, плакала, а родня смотрела и смеялась над горем ее, и из ртов их изрыгались проклятия черные. Обсыпало озеро черною землею, а девушка скрылась среди таежных лесов. И сейчас еще слышны ее крики, и встретить ее можно у скалы Верблюжей да на Яхонтовой поляне, куда приходит она иногда утешиться воспоминаниями.

Нам деву увидеть не удалось, а сибирской тишины услышали вдоволь, до жути. Хорошо к людям вернуться стало! Силен город наш красотой, богат историей. Хорошо жить!

Глава 5

– Папа, это несерьезно! Дался тебе этот пост! Отстань от Дениса, он клевый тип! – выпалил Роман скороговоркой, сбежав по лестнице в одном тапке. Щеки разругались, а самого его немного потряхивало от собственной смелости. Давно он не спорил с отцом.

– И кто, интересно, позволил подслушивать мои разговоры? – холодно спросил Шэнь.

Роман отступил на шаг, споткнувшись о тапок, но головы не опустил. Он уже не тот малыш, что раньше и имеет право на свое мнение! Вечерело, но гостиная освещалась лишь камином, в которой круглое лицо отца с выбивающимися из хвостика прядями выглядело высокомерным. Иван неслышно вышел из кухни и остановился за спиной Шэня.

– Иногда мне кажется, что Иван тебя чересчур балует. Или, может, я недостаточно объясняю тебе правила, которые помогут стать успешным человеком.

– Причем тут успешность? – сорвался на крик Роман, – мы о Денисе говорим. О человеке. За что ты собрался его терроризировать?

Шэнь с удивлением наблюдал новые для него эмоции. С ним сын всегда был спокоен, серьезен, весел. Не было в их отношениях столь немужского проявления чувств. Ему казалось, что сын разделяет его взгляды и нежелание учить ки-

тайский объяснял для себя незрелостью, но был уверен, что в будущем Роман станет наследником его трудов.

– Если тишина не меняется к лучшему, стоит промолчать. Этот человек задел не только мои чувства, он оскорбил целую нацию и их праздник. Ты считаешь, он не должен извиниться? Может, скажешь, что свобода слова – норма? Может быть, и норма. Но и у нормы есть границы. И в случае с юмором эти границы определяются и тем, кто шутит, и тем, кто слышит шутку. Я – не оценил. Я имею право об этом заявить. В конце концов, его аудитория – твоё поколение. И поколение это должно иметь вкус и уметь разделять темы, на которые не стоит шутить.

Роман слушал, как всегда, внимательно и молча, глядя прямо в глаза отцу. Но он чувствовал, как в его душе рождается доселе неизвестный ему бунт. До этого дня отец был недостижимой высотой – той, до которой нужно ежеминутно дотягиваться. Именно поэтому гораздо проще было проводить дни с Иваном. Тот не требовал от него ничего. Не талдычил о вкусах, о воспитании, социальности, расах. Иван снисходительно относился к блужданиям по интернету, не гнушался пострелять в Ассассине в два картриджа, внимательно выслушивал его школьные беды. Он признавал право на слабости. Отец же требовал от него держать подбородок выше и ежедневно работать над собой. Роман старался, уставал, прятался в раковину, затем снова старался. Образ великого человека жил в нём всегда. Папа выглядел как ар-

тистократичный китаец, в идеально белой сорочке с легким запахом магнолии, с синими Hamilton на левой руке. Дома – черные приталенные рубашки с высоким воротом, который никогда не расстегивался. Он много работал и много командовал людьми, решал все проблемы одним звонком, и до поры Роману это казалось нормальным. Но сегодня один звонок коснулся человека, который был ему приятен. По правде сказать, Ромка им восхищался. Он заходил на страницу и думал: вот вырасту и тоже буду сочинять мемы. Буду смотреть «Евангелион»¹² сутками, заедая кукурузными чипсами в кесо. Буду носить капюшоны. Он и боксом-то занялся только потому, что Денис в одном из постов упомянул об увлечении этим в детстве. Умный человек, с работой, что отец к нему прицепился! И, не дослушав отца, он рванулся в свою комнату. Бунт.

В ту же секунду Иван неслышно двинулся следом.

– Скажи ему, что мы поговорим утром, когда он будет более готов к беседе, – голос Шэня отдавал металлом.

Иван поклонился, не сказав ни слова. «Все-таки удастся воспитать в нем китайца», – мелькнуло у Шэня.

«Лакпа Шерпа поднялась на Эверест девять раз. При этом, она не является профессиональным альпинистом, а моет посуду в ресторанах. Школу посещать ей не разрешили от безденежья».

¹² «Евангелион» – известное японское аниме по одноименной манге. Один из самых популярных аниме-сериалов последних лет

Денис прочел вслух Илье заметку из новостей, и снова глянул на открытое письмо. Мама переслала.

«Ты неправильно все делаешь.

Тупица.

Калечишь жизнь себе и другим.

Тебя стоит наказать.»

Рано утром она позвонила ему и попросила о помощи. Сказала, что ей угрожают. Денис едва не высказался на тему Леки, которая целую неделю пыталась провести расследование и через дочку проверить айпи отправителя. Потеряли столько времени, а в итоге дочка просто забыла! Почему мама не хочет признаться отцу? И тут же сам себе ответил: а смысл? Отец только волноваться будет, скажет, иди в полицию. Нет, здесь надо действовать самим. Перечитав еще раз текст, он замер. Вдруг угрожают не маме, а ему? Он ведь тоже утром получил письмо на почту. «Мы ждем. Подсказать, где в профайле удаление постов?». Илья искудахтался, мол, удали и дело с концом, зато морда будет цела. Весь мозг пропилил. Ему не понять, что такое «дело чести».... Сидит вон, лыбится на фотку, где Лакпа тратит одиннадцать штук на оборудование, чтоб в горы подняться. Это ему понятно, люди мечты свои воплощают, а его мечта непонятна. Нет, это письмо не может относиться к нему, публикации второй день пошел.

В дверь коротко трижды позвонили. Проигнорировав испуганный взгляд Ильи, Денис пошел к двери. У него была

давняя договоренность с соседкой сбоку – чтобы не спрашивал, кто. Конечно, она. Заправленные в непременно синий платок волосы, раскосые глаза цвета жухлой травы, угольная кожа. И почему негры обижаются, когда их называют черными? Лучше уж казаться шоколадным, нежели землистым, как Анора. И в любую погоду – открытые босоножки с длинными костлявыми пальцами ног.

– У тебя как вечером с работой? – спросила она.

Глаза бегали, но ему и не требовалось в них смотреть. Слышал уже, как ругались с утра пораньше. Небось, эри ее, муж, по-узбекски, опять напился. Денис давно обратил внимание, что гостям с югов совсем мало нужно, чтоб пристраститься, будто стоп-сигнал у них размывает после первого же раза. Анора так и пострадала. Приехал на заработки, куда-то устроился, вызвал ее. Она умудрилась купить еще тут квартиру, впрочем, последнее время в их районе все вторички идут за бесценок, приехала с детьми, а он уже поплыл. Иногда месяцами не слышно их, на работу устроится, затихнет, а уж как сорвется... Пиши пропало. Правда, Анора не являлась месяца три уже с таким расстроенным видом, после того, как самого младшего на улице забыли, и он четыре часа сидел на лавке по темноте. Но, видимо, не судьба. Бабки шептались, мол, развелась бы, на одно дите меньше, но в их вере Бог его знает, как там... Денис в эту квартиру заехал еще совсем зеленым студентом. Деньги, само собой, таяли, а у родителей не особо хотелось просить, чтоб не отчитывать-

ся, и он придумал себе подработку – гулял после универа за деньги с соседскими псами. Брал немного, поэтому без работы не сидел. К тому же, бабки, чьих псов чаще и доводилось сопровождать, жалели бледного в одних и тех же дражных джинсах, и норовили сунуть чего-нибудь вкусенького. Анорины дети вечно толклись на улице и как-то, доедая пирожок очередной хозяйки пса, он подавился перед голодными глазами. Пирожки, честно говоря, были так себе – начинки мало, теста море, но дети осушили весь пакет. Через день он столкнулся с ними в другом дворе. Еды при себе не было, но дети узнали его и с удовольствием играли с собаками. Самому младшему было два, и он с удовольствием обкатал спину шестилетнего чау-чау. Как звали малчьишку? Эрлан? После него еще двое младших родилось...

– Ты не думай, если что, они сами посидят, просто если будет возможность, – торопливо говорила она, пока Денис вспоминал, как первый раз прибежала к нему просить приглядеть, чтоб хоть на работу выйти.

– Мне все равно с собакой гулять, закину, конечно же их, домой, не переживай.

– Храни тебя Аллах! – залепетала Анора, – вот брат мой приедет, выгонит его наконец, заживем!

Денис выдохнул. Похоже, она даже не поняла, о какой собаке речь. Ему же лучше – не оправдываться в очередной раз.

Илья наблюдал за сценой, лежа на диване. В руках у него

была книжка, с которой смотрела рыжеволосая кокетка, сложившая молитвенно руки в белых перчатках. Денис предпочитал электронный формат в литературе, а потому библиотеку его составляли хозяйские книги или случайно забытые. Эту притащила со смены мама, кажется, что-то про аптекаря и его любовника. Он сильно удивлял Дениса своей образованностью. Денис, как и все молодые, времена родителей-то представлял как Мезозой, а что говорить о 1917? Поэтому он крайне удивился и тому, что Илья читает, и как жадно читает, и как легко он обучается современному сознанию. Ноут так вообще стал его любовью. Научившись кликать мимо порнухи и рекламы, Илья много и жадно читал, впитывая информацию и поражая Дениса новостями. Денис уже привык к нему и воспринимал галлюцинацию как приятного собеседника и провинциального друга, который до сих пор хлопает льющейся из крана горячей воде и не хочет признавать, что Ленин мертв.

– В тебе, оказывается, есть что-то человеческое, товарищ, – иронично сказал Илья, – осталось выяснить автора писем маме, и вообще будешь супергероем. Этим. Батманом!

– Бэтманом, – машинально поправил его Денис. Он открывал следующее письмо, адресованное ему.

«Еще немного, и мы перейдем к действиям».

К черту! К черту приставучих сук, лучше действительно выйти на улицу. Он глянул во двор. Солнце уже хотело на-

греть землю, но ему пока не удавалось до конца растопить сибирский снег, и поверхность превращалась в кашу-убийцу обуви. Народ, как обычно, был от кутюр: кое-кто уже успел принарядиться в весенние короткие «прощай, почки», девчонки пытались дощеголять шубами, уже выставленными на «авито». Прошел мужик в тапочках и шортах, не подозревая, что ларек за площадкой позавчера снесли.

– Меня возьми, – услышал он голос Ильи.

– Будто ты меня спрашивать будешь, – фыркнул Денис, набрасывая черную мантию, служившую ему демисезонной курткой.

На правой половине светилось пятно от кофе, но рыться в шкафу в поисках пуховика не хотелось. Во дворе Анорины дети лепили из грязи снеговика, пытаясь поставить ему на голову дырявое ведро, видимо, с мусорки. Илья с неудовольствием рассматривал компанию парней лет девятнадцати, громко гоготающих над поскользнувшейся старушкой. Они шли по раздробленному, дырчатому асфальту, рассматривая плоды фантазии жителей, благоустраивавших двор по своему вкусу.

– Смотри, смотри, там какая-то розовая животина лежит, за слонем синим. И ваза, ваза, боже мой, с цветами! Да за такую вазу на рынке можно было кобылку сменять. А это что за морда устрашающая? С пупырькой еще какой-то? – не переставал восклицать Илья.

Услышав, что это заяц, сделанный из пластиковых буты-

лок с крышками, он впадал в экстаз и бежал дальше. Денис же не радовался ни желтым заборчикам, ни греющимся на окнах кошкам, ни бабкам, толкающим уж какую-то совсем раннюю и огромную клубнику. Пропустив поворот на супермаркет, он не повернулся, а решил пройти еще парочку кварталов. Мысли его были заняты работой.

Главред не просто закатил истерику. Это было бы еще полбеды. Он намекнул, что шутки становятся однообразными и пробиваемыми. Немудрено – Денис уже больше года трудится на «Шутки-радио». Вполне естественно, что у него появился собственный стиль. Его узнают, его шуток ждут. У него появилась небольшая группа поклонников. Они ждали выходов постов, писали ему и даже мастерили нечто похожее на его работы. «В наше время невозможно выехать на узнаваемости. Нужен шок, эффект, неожиданность. Вы – не Гарик Мартиросян, поэтому заезженное от вас никто не будет съедать и салфеточкой рот промакивать». Много там еще чего нацедил главред в голосовое, вспоминать неприятно. В какой-то момент было желание отправить ответное «ищи тогда свеженького, кто тебе писать будет без выходных!». Что и говорить, Денис еще был очень молод. Обидев молодого, ты наблюдаешь, как просыпается от веков сна вулкан, чтобы дать жару, изменить неизменное. Он пока не знал, что будет делать, но поминутно сжимал в кармане кулаки, надеясь, что это поможет решить проблему. И эти угрозы. . . .

Взяв корзинку, он побрел по супермаркету. Мама терпеть

не могла огромные моллы, считая их бездумной тратой денег. «Ты же там набираешь всякого ненужного. Зачем тебе каша в пакетиках? Ты ее варишь вообще?» Денис же обожал разгружать голову, прогуливаясь среди переполненных рядов. Ему нравилось рассматривать яркие упаковки зубных паст, сравнивать шрифты на порошках. Он забегал в отдел сладостей и хватал печенье в железных банках или «Ritter» с новым вкусом. Глаз еще непроснувшегося художника жаждал новизны и находил ее здесь.

– Не твякай только, а то нас выгонят, – сказал он Илье.

Тот вертел головой во все стороны, издавая восхищенные охи. Испарился из корзины он в первом же отделе – обувном. Через секунду Денис услышал:

– Посмотри только! Охренеть!

Илья парил над землей в районе головы Дениса, и на ногах у него красовались ярко-салатовые кроссовки китайского пошива. Надеяться было не на что – Илью пронесет по всем рядам. Можно идти за своим. Денис кивнул ему и пошел в рыбный отдел. Может, приготовить сырных лепешек с лососем?

Оббежав мол дважды, Илья выдохся. В глазах мелькали тряпки для мытья посуды, горы алкогольных тар, йогурты с клубникой и ананасами, теплые пироги прям из духовки. Но первый восторг прошел, и он с удивлением почувствовал, что ему тоскливо. Среди всех этих красивых мяс, разнообразных одежд, свекольно-розовых игрушек, запотевших

прохладой бутылок пива и сладкой воды ему стало одиноко. Впервые с того момента, как его сослали в этот мир, он заскучал по миру старому. Вспомнил маленькие лавчонки, украшенные тяжеловесными вывесками. «Бархат. Шелковые платья. Ткани». Недалеко от его банка, на перекрестке, где дома Гадаловых, стоял этот магазин. И каждый раз он с изумлением заглядывался на дамочек, впархивавших стремительно, чтобы стать идеальными. То было священное место, куда допускались лишь нимфы. Мужланам вход воспрещен! А тут, вот, пожалуйста, дородная толстуха, которой уже на кухне бы сидеть и не соваться никуда, примеряет юбку, не стыдясь, скрываясь лишь за шторкой. Здесь продукты тухли, давились изобилием и ненужностью, одиночеством. Им бы на базар, к бодрым торговкам, у которых выхватывали из рук. Арбуз потемнел вон, можно было и отдать мальчишкам, что вечно полуголодные ожидают подачек от продавцов. Барахлище, а не товары, решил Илья и, выбросив паштет обратно на полку, поплыл к сырам, где Денис рассматривал какой-то плешивый кусочек.

– Чем тебе свежие не глянутся? – спросил он.

Денис заметил и новую серую футболку, и домашние трико, которые Илья явно выбрал на выход, но ответить не успел. Запела Ария, и он глянул на дисплей. Номер скрыт. Значит, опять эти.

– Алло.

– Стоило ли так долго думать? Можно было не раздувать

проблему, а удалить сразу. Но ты все-таки это сделал, молодец.

– Что-о? – переспросил Денис. – Что я сделал?

Он судорожно дернулся к экрану и в два клика открыл паблик. Поста про китайцев не было. Чертов главред! Он бросил гневно в трубку:

– Скорее, мне надо вас похвалить. Вы и до начальства не поленились добраться. Чем вас так оскорбила шутка – не знаю, но вряд ли вы умные люди, если юмора не понимаете.

Его собеседник громко хмыкнул и отключился. Побардовев до самого лба, злой донельзя, он бросил сразу два куса Камамбера в корзину.

– Ты мне напоминаешь Терминатора. Тот тоже вечно нарывается, но только он в кино, а ты, вроде настоящий. Как дите, ей-крест, – покачал головой Илья. – Иногда я забываю, что мы ровесники, тебе вместо вейпа титька больше бы сошла.

– Да иди ты к черту. Все идите к черту! – крикнул Денис, напугав молодого мерчендайзера с кольцом в правом ухе.

Слишком много произошло в его размеренной жизни за последние дни. Температура подскочила слишком резко и вулкан взорвался. Он открыл паблик и вернул пост на место. Вопреки всем. Выключил смарт и пошел к сгущенке. Илья молча шел рядом. Он стал более прозрачными, словно бы прятался от гнева, который распространял собой Денис.

На кассе перед ними охрана забрала толстуху. Оказалось,

вторую юбку она надела прямо на себя. Дорого нынче одежду покупать.

Глава 6

Сознание постепенно возвращалось, но воспоминания подкидывать еще не планировало. Было мутно, то ли в голове, то ли в желудке, и этого тело не двигалось. Алиса пошевелила кистями – перевязаны чем-то, но в кожу не впивается. Спина ощущала мягкое, но довольно крепкое пристанище. Тепло. Только глаза никак не открываются. Что же случилось?

Одно из последних воспоминаний – они с Ленкой отправились в библиотеку. Ленка, как староста, собиралась взять конспект и пару учебников к семинару на всю группу, а Алиса просто решила свинтить со старославянского, вызвавшись помочь. Растолкав первокуров у зеркала, они пробрались к гардеробщице и добыли куртки. На улице было еще морозно, но солнце светило вовсю. Как же все-таки хорошо учиться на горе!

Университет их был большим студенческим городком. Некогда оторванное от цивилизации, заброшенное в лес, здание самого престижного университета в городе, обросло за последние годы несколькими авангардного вида корпусами, высоченными общагами, библиотекой и физкортотом на гектар. Алисе нравилась обособленность, сопровождавшая университет. Ей нравилось, что у них даже поликлиника была своя, и все это в отдаленном от центра месте. Там, где

у них своя, бурная жизнь. Многие разделяли ее мнение, не зря ведь гордо носили сумки и пакеты с надписью «ФСУ». Иногда только Гильманова, уже шестой год борющаяся с науками, ворчала, что гораздо лучше было учиться «до всяких нововведений и уж, по крайней мере, ближе к городу тоже было бы быть неплохо».

Девочки прошлись по краснокирпичной аллею, уставленной скамейками, фыркнули на дымящих первокурсов и пошли к светофору. Библиотека располагалась напротив их корпуса и занимала три этажа. Кубическое синее здание с витиеватыми буквами на вывеске и ступенек, кажется, сто, чтобы подняться вверх, внушало пиетет. Слева стоял тот самый, главный корпус, по которому Алиса иногда вздыхала. Он покорила ее сердце на дне открытых дверей. Два отдельных серебристых высача – близнеца, соединяемые перешейком. Студенты называли их «колодцами». Алиса заглянула в длинную, как пенал, аудиторию и представила, как будет сидеть у окна с видом ЛЭП в лесу и рассматривать закорючки на стареньких лаковых партах, а внизу, в буфете, ее будет дожидаться сосиска в тесте из микроволновки. И, может быть, она пойдет в кружок чтецов и у самой крыши будет прятаться в аудиториях с железными дверями, где, должно быть, так уютно целоваться. Старшекурсники вели их длинными коридорами, и это был Хогвартс. Целый Хогвартс с настоящими картинами художников, чучелами лисы, репетирующими квнщиками и серьезно выцокивающими препода-

давателями. Серые громадины показались ей храмом, на который можно было бы молиться. Можно было бы там остаться... Но филфак пока не заслужил права зваться настоящей наукой, и ей досталось нововыстроенное, безликое здание с красными шпилями и ступеньками разной высоты. Ладно, любви, солдат, что уставом положено...

Ленка легко вбежала по ступенькам библиотеки и уже селфилась наверху. «Умеют же некоторые быть спортсменками – комсомолками», – подумала Алиса, закидывая ногу на платформу.

– Зарегимся и на третий. И еще хочу к Микояну подготовиться, он же по морфам¹³ рефер задавал.

Алиса вздохнула и с тоской посмотрела на пышущий здоровьем кактус на входе. Когда она поступала на филфак, представляла себе более романтично. Ей виделись девушки в пышных платьях с тончайшими кружевами, в определенный день и час ищущие вдохновения. Она думала, что после лекций они будут собираться в кружок и читать друг другу стихи собственного сочинения. На худой конец, долго, до хрипоты будут обсуждать прочитанное. Она не жаловалась, нет, но длительный разбор слова на части, теория языкознания, методы Соссюра и прочие вещи так отвлекали от дневника чтения, от того, что ее действительно интересовало! Не говоря уже о том, что в ее группе никто не писал стихов.

¹³ Морфы – Лена готовится к морфемике и изучает наименьшие части словоформы.

Довольно быстро одолев регистрацию, которую библиотекарьша с неестественной улыбкой нащелкала им на компе, они отправились в зал по мягкому неслышному ковролину. Алиса уныло разглядывала народ, стараясь не шаркать кедами. Здешняя публика была в основном представлена элегантными студентами в костюмах или строгих юбках – карандаш. Они со знанием дела рылись в электронных и обычных каталогах, выписывая, фотографируя, перебирая карточки. Вот за стеклянной стеной в зале иностранной литературы парень сидит в наушниках за аудиокнигой, одновременно делая пометки в ноуте. Девушка в круглых очках просматривает толстый фолиант, кажется, один из библейских трактатов. Все они, обитающие здесь, в библиотеке, выглядят так, будто проводят здесь целые дни. И Алиса, Алиса, которая сама серьезно относилась к учебе и самоотверженно работала над заданиями, вдруг почувствовала себя неловко. Ей сдавило горло. «Я в туалет», – пробормотала она удивленной Лене, смывшись за секунду. Та посмотрела вслед побледневшей подруге, пробормотала что-то вроде «дела сердечные» и открыла учебник Бебчука.

– Тут, конечно, никого. Ученые не писают, – сказала она своему отражению и весело подмигнула.

Ей немного полегчало, и она подумала, что глупо смотреть на других. Да, она редко посещает библиотеку, но во времена Интернета не так и важно. В конце концов, что за приступ паники и самоунижения?

– На этом, кажется, и закончились мои мысли, – кое-как ворочая языком, сказала она себе, чтобы просто услышать звук своего голоса. Тишина имеет свойство пугать, особенно, когда лежишь связанным непонятно где.

Язык работает. Можно и глаза разлеплять. Против ожиданий, это оказалось не больно и несложно. Свет не ударил в глаза. В комнате стояла кромешная темень, только из окна пробивалась тонкая полоса света. Когда глаза привыкли, Алиса оглядела себя и увидела, что лежит на огромной кровати с деревянной резной спинкой, а руки связаны шелковым поясом. Ноги были свободны, но попытка пошевелить ими закончилась тошнотой. Может, после библиотеки они поехали к экономистам, и она напилась там? Да, пожалуй, так и есть, небось, еще и курили. Нужно закрыть глаза, заставить себя уснуть, а потом все пройдет. И тошнота тоже пройдет. Завтра она задаст Славику, наверняка, его шуточки по связыванию, не зря они сразу друг другу не понравились. Все, спать. Спать.

Из темноты в Алису смотрели двое.

Илья залип в инстаграме. Денис поручил ему наблюдать за судьбой поста и периодически его возвращать, пока редактор окончательно не поменял учетку. Сам Денис валялся на кресле-мешке, впав в какой-то непонятный ему самому ступор. Слишком тяжело было осознать, что его надежды рушатся. Сначала они-таки дозакупились в супермаркете, затем погуляли с анориными детьми. Он, как всегда, привел

их домой и включил фиксиков, пока пьяная лошадь храпела в соседней комнате. Старшая из девочек ушла в кухню готовить, а остальные играли с Ильей, параллельно следя за телевизорными приключениями ДимДимыча и его друзей. Наконец Анора вернулась и, спрятав у батареи промерзшие ноги, устало благодарила Дениса. Уходя, они слышали, как дети просили «завести собачку». Дома Илья включил ноутбук и пошел на кухню готовить. Денис, избегая заглядывать в паблик, позвонил отцу:

– Пап, дел много было, завтра зайду шкаф сделать, – сказал он.

Незакрытые гештальты обычно мучили его, к тому же, это был отличный повод отвлечься на несколько часов от происходящего.

– Не волнуйся, сынок. Я маме уже сказал, чтоб она представила, будто мы его не покупали, – донеслось из трубки. – Кстати, как твои успехи? Тебя уже позвали на телевидение?

Для отца пиком карьеры Дениса стал бы телевизионный маркетинг. К поводу и без, но он часто повторял свою любимую рекламу жвачки «а где же розы?». Когда Денис сообщил ему название своей будущей профессии, он не мог не расстроиться. Сказать мужикам? Смешно даже. Более-менее он успокоился, когда Денис показал ему рекламную полосу в заметке, на которой значился слоган, придуманный сыном. Иногда, не признаваясь самому себе, он гордился успехами Дениса.

– Пап, я сейчас не хочу говорить о работе, – построжел Денис.

– А что? Ручки устали рисовать картинки или мозжечок присох к спине? – захохотало в трубке.

– Папа! – раздраженно крикнул Денис, – лучше скажи, как мама себя чувствует?

Трубка удивленно помолчала.

– Что с мамой будет? Работает, в магазин ходила с Лекой сегодня, хочет завтра баранину потушить.

Наскоро попрощавшись с отцом, Денис снова обмяк. Значит, мама ничего ему не рассказала. И он, Денис, тоже не стал рассказывать о своих проблемах. Отец не поймет, не вникнет. Скажет только, мол, махни рукой, еще найдешь, где картинки малевать. Для него моя работа – чушь...

Илья держал спину прямо, брезгливо, но с тайным вниманием разглядывая фото Джей Ло с красной дорожки, параллельно помешивая гречку.

– Публичные бабенки, вот что скажу. В наше время бабы красивше были, не малевались и не ходили с пчелиными губами, – сказал он. – Ой... Денис. Денис!

Что-то в голосе Ильи заставило Дениса встряхнуться. Он уставился на товарища.

– Что?

– Группа твоя пропала, слышь. Нажимаю на нее, а на экране бело. Это что, редактор ее удалил?

Денису даже не потребовалось проверять телефон, он по-

нял, что главред его, скорее всего, забанил. Чертово ссыкло! Даже не позвонил, не объяснил. Это же мой контент, самосочиненный. Урод! А позвони ему сейчас, пошлет куда подальше. Не твое типа дело. Дениса переполняла самая настоящая ярость, никогда еще его так не унижали, молодое «я» взбунтовалось, и ему захотелось сделать что-нибудь напоследок.

«Я подозревал, что вы трус, но не настолько. Удалить без моего ведома мне принадлежащий контент, мне ни слова не сказать, да и просто забанить – банальная трусость. Желаю вам успехов и обещаю, что будет скандал. Нужно уметь отвечать за свои поступки».

– Какое ты еще дите, – вздохнул Илья. – Грозишь кулачком, косы выдираешь, честь твою опозорили, аки девица.

– Блин, ты хочешь сказать, что за свою честь не полез бы в драку? – спросил Денис, пнув кресло-мешок.

– Стулу-то бы вряд ли рыло начистил, – усмехнулся Илья, – и писульки паскудные тоже бы исподтишка не писал, а пошел и прямо ему рожу разворотил бы.

– Щас вот взял такси и поехал, ага, по пробкам, бить ему лицо. Чтоб остаток вечера провести в отделении полиции. Приятная перспективка, – буркнул Денис. Ему очень не понравилась мысль, что Илья назвал его трусом, но ехать действительно никуда не хотелось.

– Я и говорю – на бумаге-то все смелые, -неприятно усмехнулся Илья

Он снял кастрюлю с плиты и поставил на барный столик. Свет от торшера упал ему на лицо, Денис заметил, что у Ильи отсутствует мочка правого уха.

– Подай перец, – сказал спокойно Илья, проигнорировав взгляд Дениса, – люблю поострее.

Затянувшуюся тишину, в которой было слышно лишь пошвакивание ложек да непрерывное шмыганье носом от Ильи, прервал звонок смартфона.

– Сто по сто главред, – бодрым тоном, в котором, однако, сквозила напускная храбрость, сказал Денис.

Под внимательным взглядом Ильи он нажал на кнопку, но на том конце был не картавый альт главреда. То был незнакомый, властный, с оттенком превосходства, грубоватый голос. Гласные он чуть вытягивал, как турецкое мороженое из бочки. И был абсолютно спокоен.

– Здравствуй, Денис. Как твои дела?

Илья посмотрел в потолок и растворился. Вовремя.

– Не жалуюсь, – осторожно ответил Денис. Он не знал, чего ждать от разговора, но по спине уже наперегонки неслись предательские мурашки.

Шэнь дернул бровью. Крепкий мальчишка. Зайдем с другой стороны.

– Молодец. А я к тебе, Денис. Мне не очень нравится, когда мне делают неприятно. И я стараюсь стереть это из книги судеб. Ты нанес оскорбление китайскому народу своими нелепыми шутками, и я имел право просить о том, что-

бы пост был удален. Когда мне сообщили, что ты не считаешь нужным уступить *моему* желанию, я понял, что лампа сама себя не осветит. Необходимо было предпринять шаги, и я не стал дожидаться, когда вода потечет под камень. Твой начальник оказался более понимающим и рассудительным человеком. Я не приложил больших усилий, чтобы донести до него мысль о том, что шутки над религией не являются приятными. И, честно говоря, я шокирован твоей выходкой. Это упрямство осла! – Денис почувствовал, как поledenел голос. Ему почудился еле уловимый, как запах духов на старых страницах дневника, акцент в интонациях, но лишь на секунду. Пора вступать и ему.

– Интересно, – с ехидцей начал он, – вы считаете, что я устроил выходку из-за пустяка, а вы не варите кашу из-за пустячной картинки, о которой без вас никто завтра бы и не вспомнил?

Денис вспомнил, как в шестом классе Светка Панфилова довела его аж до директора. Она ему тогда жутко нравилась, особенно ее тонкие пальцы с овальными белоснежными ногтями, которыми она играла на пианино. Он и провожать пытался, и написывал ей вконтакте. Даже на восьмое подарил «ферреро». Но она игнорировала его, и все бегала в свою музыкалку. Венька ему тогда и насоветовал – стибрить у нее из рюкзака тетрадку по сольфеджио. Подрисовал к нотам рожки, Лерке из «Ранеток» на обложке корректором новое платье нарисовал. А на последней странице фломасте-

ром написал: «Светка, я тебя люблю!» Положил ей на парту и с чувством выполненного долга отправился в коридор. Как она рыдала! Целый урок успокоиться не могла, на биологичку с увещеваниями ее даже не смотрела, потом в туалет ушла, вернулась вся зареванная. Он и сам уже заплакать был готов, Веньке врезал в бок пару раз. Со звонком она сбежала из класса, а вернулась уже с директрисой. После того случая Светку он разлюбил. Ябеда чертова! Директриса ему долбила долго про «загубленный годовой труд», про «творчество, которое ты разрушил». Родителей не вызвала, но опозорила перед всеми. А Светка стояла и улыбалась, слезы блестели, а нос вздернула высоко, мол, козел ты, Гольдман. Так и закончилась его первая любовь. Она потом его на выпускном пригласить пыталась, но это уж извините.

– Я – один из твоих клиентов, выразивших мнение, и это мнение отрицательное. Впрочем, что толку препираться? Доберемся до сути. Я посчитал, что ты заслужил наказание. Близкий тебе человек находится у меня. Считай это моя выходка. От тебя мне уже ничего не нужно, разве что искреннее извинение. Но сейчас ты не готов к этому. Поэтому я выйду на связь чуть позже. Всего хорошего, Денис.

– Стой. Стой! – заорал в трубку Дэн.

Но с экрана на него уже смотрел Наруто с календарем в руках. Он судорожно набрал номер и выдохнул страх из легких.

– Мама? Привет. Это я. Ты сейчас где? Только домой за-

шла? А папа? На диване лежит? Что делать будете? Блин, вы «особенности» эти миллион раз пересматривали, сколько можно. Ладно, потом позвоню. Что? Да ничего, все нормально, целую, мам.

Так. Венька на Сейшелах он вряд ли бы хватанул. Кто еще? Однокурсники не считаются, Маруська с ребенком дома сидит, да и у нее муж, какие они близкие. У него из тех, за кого он порвет, только и есть, что родители да до недавнего времени Маша, его первые и единственные пока серьезные отношения. Маша хотела семью, а он – развиваться, так что расстались они почти без скандала. Учитывая, что последний раз они созванивались на ее день рождения в сентябре, вряд ли ее зацепило. Может, это вообще фейк? Шутка, галлюцинация, бред его поехавшей окончательно крыши? Ухватив вейп, он открыл окно пошире и стал выдыхать дым навстречу ледяному ветру.

Илья брел по набережной, закинув руки в свои новые трикошки и бурчал под нос. Вокруг него плыли радостные парочки, неспешные молодые семьи с крохотными детьми. По полурастаявшему асфальту скребли санки и снегокаты, тявкали мелкие собачонки в цветных одеждах. Он остановился у одного из огромных теплоходов и презрительно оглядел его белоснежную палубу, на которой уныло сидел явно скучавший матрос. «Чистоплюи», – пробормотал он. Течение реки было быстрым, и от нее несло свежестью, но рыбаки уныло забрасывали с моста удочки, не надеясь на клев. Денис уже

объяснил Илье, что из-за плотины количество рыбы уменьшилось, а заводы с выбросами изгоняют оставшихся, и он уже не пытался высмотреть хоть крохотную плотвичку. Было сумрачно, ветер задувал в уши и откуда-то несло жареными сосисками. Он брел уже довольно долго, и ему захотелось укрыться от порывов февральского ветра. Поэтому, обогнув многочисленные лавочки и урны, Илья добрался до ступенек огромного, во всю набережную, здания из стекла, и поднялся выше, прихлебывая кофе. Река отсюда просматривалась хорошо, до самого противоположного берега и была еще более величественна. Ее не смущал снег, мелко осыпающий течение, не смущали ветра. Она тихо направлялась по своим делам, нимало не интересуясь, скоро ли потеплеет. Настроение чуть улучшилось. Он решил примоститься на лавочке и спокойно допить кофе.

На ней, нимало не стесняясь своего возраста, уже покуривали две девчушки. «Есть же у девок деньги на табачок», – проворчал Илья, допивая остывшее молоко с горьким вкусом, на котором значилось «Латте». У девушек настроение было ничем не лучше, чем его минут десять назад. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы опознать в них школьниц. Обе длинноволосые, с прямым пробором и намеком на изысканный каштановый. На одной были надеты черные обтягивающие лосины выше узенькой щиколотки, вторая откопала, верно, в шкафу брата широченные короткие брюки, того же оттенка. Илью передернуло от вида голых но-

жек, все же не май месяц. У одной был бирюзовый пуховик с широким капюшоном, перетянутый нескладного вида шарфом, а вторая сидела в короткой, по пояс шубейке, в коей разве что в отхожее место выходить, потом уж точно все замерзнет. У той, что потолще, был рюкзачок с белоснежными крыльями, вторая повесила на плечо расписную этносумку. Их, верно, и матери не всегда могли бы различить, так одинаково взмахивали они горячей сигаретой да трясли волосами. Впрочем, кто из подростков не подражает другому?

– И, представляешь, он мне пишет: «я был на футболе». Бля, да хоть бы постеснялся! Я, блин, не поехала на химию, мать меня пришьет, она же месяц оплатила. А он – на футболе!

Илья мигом перестал швыркать остатками кофе. Футбол он очень любил, даже сам выходил на поле несколько раз, вратарем ставили. А эта мелочь с такой ненавистью!

– Тебе сразу сказала, бросай его на хер. Сидеть и ждать, канитель такая. Ищи среди наших, по крайней мере, будешь знать где искать. Все футболисты тупые, – сказала та, что сидела ближе к Илье.

У нее весьма ощутимо выдавалась попа, но голос был какой-то отталкивающе – грубоватый, как у мужика. Вторая была чуточку нежнее, и вообще Илья для себя решил, что она ему нравится. Как минимум, тем, что общается с футболистом.

– Не нравится мне там никто. Они все задроты кончен-

ные, кому из пацанов интересно проводить столько времени за ерундой? Перетаскивать колбочки туда-сюда, изучать структуру скелета. Все нормальные сто по сто придут только на первый курс, подготовишка нужна тем, кому в школе одиноко. Знаешь, я, если честно, вообще думаю иногда, что мед – не моя тема. Маме сказала, так она орала как резаная.

Толстая едва заметно дрогнула. По ее виду ощущалось, что она весьма довольна намечающимися у подруги неурядицами. Ей, первой в начинаниях, всегда было обидно, потому что вторая за ней лишь повторяла, но замечали – то повторяю. Именно она, первая, решила поступать в медицинский, привлеченная ореолом света вокруг врачей. Она мечтала ночами о карьере пластического хирурга. Видела во снах, как на хирургическом столе уменьшается нос, а ее добрый друг и коллега, выхаживая ее после операции, ненароком делает предложение. И что же? Ее худая, яркая и совершенно нефантазийная подруга решила следовать за ней. Но мед – это не курсы по игре на гитаре, работать надо ой как. Вот уже и начала выдыхаться моя ты, вторая – первая. Завидовала она повторяюще страшно, но и дружбу разорвать не могла. Боялась одной остаться, без поддержки. Что ни говори, а у нее – полная школа друзей. И понять все пыталась, откуда, откуда бешеная такая популярность. В чем секрет обаяния? Почему одной все, а другой – ничего. И Андрея тоже первого она увидела, на аниме-пати. А теперь на футбол к нему ездить ОНА. Ничего, придут еще времена....

Илья отвернулся от девчонок и подумал, что женская дружба, пожалуй, в той же поре, что и во времена Геры, Афины и Афродиты. Зачем они вообще объединяются?

– Так что, не будешь поступать? – спросила первая с надеждой. – Чем тогда думаешь заняться?

Вторая небрежно бросила окурок под лавку, вызвав у подруги глухое раздражение.

– Не знаю. Пиар меня привлекает. Там хоть работать можно пойти, а не шесть лет без денег зависеть от родаков.

– Давай, давай, оч прибыльно щас, картинки рисуешь, не паришься, – сказал Илья, облизывая пальцы.

Неожиданно вторая повернулась в ту сторону, где он сидел и пристально всмотрелась. Он замер.

– Ты ничего не слышала сейчас? – спросила она у первой.

Та пожала плечами, оглянулась, но увидела только девушку в зеб्रोцветном пуховике, неторопливо катившую перед собой коляску. Настроение у Ильи совсем оправилось, он обошел скамейку и, приблизившись к уху второй, шепнул: «голову не ломай, а топай напрямиком в мед, и эту не слушай, с пути собьет, добра тебе не желает».

– Что ты, Милка? – спросила первая, увидев, что подругу бьет озноб.

– Так, ничего, – ответила вторая. – Глупости я наговорила, не слушай. Лучше скажи, в эту пятницу практика будет?

Из дневника И.Б.

Приезжал отец. Он по-прежнему считает, что я зря так выставляюсь в Новой власти. Говорит, что надо спокойно заниматься своими обязанностями и никуда не соваться. Меня так покоробило это «соваться»! Мне кажется, он совсем не понимает или не хочет придавать значения происходящему, а ведь мы творим историю.

Взять, к примеру, Гадаловых. У них от дома был прямой путь под землю до набережной, чтоб грузы втихаря с паровозов перетаскивать. Мы этот ход завалили на неделе, так они волками взвыли – прищучили их наконец-то! Я крепче всех рад, потому как не будет им жизни скоро совсем, не будет! И бой у нас с остальными идет не на жизнь сейчас. Скажет отец, молодцы казаки, что на пьяные головы изрубили троих девчушек по восемнадцати лет, не доведя до тюрьмы? Изверги, нелюди. И, хоть и наговаривают, что большевики тоже жестокосердны, среди наших такого не водится. Только за Зину сердце мое сильно болит, допоздна дает уроки, не разбирая, кому. Говорит, ученье и меньшевикам положено, и отсталым крестьянам. А я бы ее лучше к себе забрал, в банк, ну или, на худой конец, в комиссариат. Все спокойнее. Говорят, крестьяне большевиков вилами колют за облигации. Хоть к нам голод еще и не приступил, а на подходах уже. Как будет все? Не знаю. Но верю, что мыждемся нового мира.

Глава 7

Если бы они жили лет пятьдесят назад, то в комнате бы тикали часы. Что ни говори, а создает ощущение, что ты жив, раз время еще в пути. Марина сидела в холодной комнате уже третий час, не в силах заставить себя пошевелиться. Ей казалось, выйди она в кухню, и зазвонит телефон. Случится непоправимое. Или уже случилось? Алисы не было вторые сутки. «Абонент недоступен» устало отвечал ей механический голос.

...Накануне он вернулась злая – свидание прошло даром, оказался женатый. Все они умоляют поначалу, откровенно лгут, в надежде, то наткнутся на ту, что устала от одиночества и рада брошенной косточке. Алиса еще не вернулась, несмотря на поздний час, но поначалу Марину это не беспокоило. Кажется, они с девочками собирались на фестиваль на острове, небось, еще и с мальчишками. Возраст самый тот. Ее сестренке не мешало бы спуститься на землю с книжных небес, приобрести немножко уверенности в себе. Конечно, когда тебе девятнадцать, полноватые бедра кажутся сущим кошмаром, но к тридцати-то ты уже понимаешь, что и на такие найдется ценитель. Она легла спать, наутро следовало сдать отчет и хотелось выспаться, раз уж ночь не случилась. Алиса не появилась и утром, и Марина подмигнула себе в зеркале. Может, оно самое? Даже в тот момент еще не

екнуло набрать номер, она слишком торопилась, к тому же, на юбке оторвалась пуговица, и пришлось спешно пришивать. Работа встретила заболевшим сотрудником и свалившимся от него недоделанным дебетом. Весь день перед глазами были цифры, и Марина не отвлекалась ни на секунду, и уже вечером, в такси, подумала, что Алиска могла бы и написать. «Ты дома? Грей ужин, есть хочу». Сбросила ваццап и увидела, что напротив горит одна галочка. Опять барахлит вайфай, надо уже поменять приставку, а то у них так и будет отвратно работать интернет! Таксист разозлил отсутствием мелочи, пришлось разменивать в магазине возле дома, и она юркнула в подъезд, не глянув на окна. Это добавило ей пять минут спокойного незнания.

Едва она открыла дверь, поняла, что тихо. Оббежала все комнаты – расческа так и валяется в кухне на столе, Алиска бы обязательно прибрала, она не терпела беспорядка. В холодильнике пустота, в раковине – ее грязные чашки. Алиса домой не возвращалась. Она набрала номер. Недоступна. И тут наконец поняла. Села в кресло и замерла.

Открытое окно выморозило комнату, заставив ее пошевелиться. Сколько времени? Около одиннадцати, действительно, три часа просидела. Время меж тем идет. С чего начать? С подружек! Может, они все-таки где-то еще гуляют? Марине пришла в голову шальная мысль, что Алиска встретила принца и укатила с ним по горячей путевке. Нет, не такая она, чтоб заставить сходить с ума сестру. Безрассудство во-

обще не в ее характере. Марина закрыла окно, передернув плечами от мороза, и включила ноутбук Алисы. Что в закладках? Фейсбук, контакт, радио Рэп, красбилеты, сто произведений от Бродского, алиэкспресс. Было любопытно читать то, что волнует сестру, всегда ведь найдется то, что не скажешь никому.

Вконтакте сестра появлялась редко. Ни фотографий, ни репостов. Только куча групп, ради этого, видимо, и держала страницу. Книжные клубы, современное искусство, Кафка как состояние души, Набоковские мотивы... Фейсбук? Интересное, группы. Вот! «Мы любим шапки с ушами. И филфак!». Потрясающее название, конечно. Внутри обнаружались всяческие видео с подписями вроде «посмотрите, прям как наш Ким орет» и картинки про литературу да тяжелую учебу. Девочки, видимо, использовали эту группу для развлечения, а не для связи. Но выбора нет – проще написать сюда, чем каждой по отдельности.

Алиса «Сяся» Бурмистрова.

Девочки, это сестра Алисы, Марина. Алиса пропала, ее нет уже два дня, и я не могу до нее дозвониться. Может, кто-то из вас ее видел?комментировать 23.01

Марьяна Воропаева ??????? 23.03

Елена Кривокрылова Ся, что за шутки? 23.04

Алиса «Сяся» Бурмистрова

Это не Алиса, и это не шутки. Я Марина, ее сестра. Алисы нет второй день, я беспокоюсь. Она ушла на праздник,

думаю, может, с вами где-то гуляет, мало ли что. Комментировать. 23.04

Елена Кривокрылова Пишите номер, сейчас закинем вас в вайбере. 23.07

Девчонок там оказалось, как и на фейсбуке, четверо. Помимо Алисы, Лены и Марьяны числилась некая Гильманова СВ. Лена, явно волнуясь написала, что из библиотеки, куда они пошли вместе, Алиса испарилась неожиданно и как-то жутковато. Ушла в туалет – и больше никто не видел. Куртки в гардеробе не оказалось, но дредастая затруднилась Лене ответить, когда ее забрали, так что ушла Кривокрылова в полнейшем недоумении. На занятиях она тоже не появилась. «И вы не испугались, не забили сразу тревогу?». И тут вступила Гильманова. «Утром, когда мы были на острове, к ней парень подошел, и она расстроилась сильно. Они долго о чем-то разговаривали, она даже не смотрела на нас». Конечно же, девчонки, потеряв Алису, решили, что она снова с этим мальчиком. «Она у нас такая, романтичная», – написала Гильманова. Но как это может быть? Алиса влюбилась, и ни слова ей не сказала? «Как выглядит он? Не из ваших?» – спросила она. – «Точно нет, мы бы знали его». На вид их ровесник. Черная мантия, из нее выглядывает толстовка с черепашками ниндзя, карие глаза и средний рост. И кроссовки, да. Под это описание подходит половина двадцатилетних мальчишек. Марина все еще не могла поверить. Что-то здесь не складывалось. Алиска была искренняя до прозрачности

и, влюбись она, сестра сразу же почувствовала бы. Значит, здесь что-то другое. А вдруг она попала в историю? Наркотики? Воровство? Мысли в голову лезли одна страшнее другой, и она перестала отвечать девочкам, которые судорожно вспоминали странности в поведении Алисы последние дни. Стало ясно одно – случилось неладное.

Марина вытерла тушь под правым глазом и набрала телефон полиции.

– Здравствуйте. Моя сестра пропала. Двое суток. Раньше из дома она не уходила, за ней такого не водилось. Телефон недоступен. Я хочу приехать и оформить заявление о пропаже. Послушайте. Я сказала, послушайте. Это серьезно. Что? Девятнадцать. Нет, моя сестра бы так не поступила. У меня есть сведения о том, что могла случиться беда. Да какое там «через три дня»? Через три дня может случиться... Идиот! – рывкнула она в трубку.

Значит, до завтра никто не будет ее искать. Никому это не нужно. Проще поверить, что сестра просто «гуляет». Она положила телефон на письменный стол, перевернув его экраном вниз и заставила – таки себя выйти в кухню. Нужно собраться, поесть и, скорее всего, уснуть. Пока полиция не примет заявление, о том, чтобы просить видео из библиотеки и думать нечего. Если она расклеится, вряд ли сможет помочь Алиске.

Марина, несмотря на стервозно-легкомысленный вид и репутацию, была отнюдь не той, коей хотела казаться. Ее пе-

реходный возраст совпал со смертью родителей, и заботы о доме легли на ее плечи. Ну как переходный, так сама она считала. Что такое двадцать три? Время первых денег, свободной жизни, новых знакомств, которые ты выбираешь сам, а не дарит тебе школа. Она только устроилась на свою первую работу – помощником бухгалтера.

Математика всегда давалась ей легко. Она любила цифры, любила стройность столбиков. Часто вечером вместо прогулок с подругами Марина оставалась дома и с легкой завистью наблюдала за тем, как отец вычерчивает проекты. У самой так не получалось, разве что посчитать ему конечные цифры. Она вообще всегда и везде считала. Семь цифр номера телефона на рекламе, длинный столбик чека в магазине, числа на билете в автобусе.... Взрослые считали девчушку не по годам разумной и удивлялись, почему некоторым достается и красота, и ум. Внешность перешла к ней от мамы, певицы в ресторане. Та, правда, больше отдавала цыганкой – крупные черно-синие кудри, глаза цвета спелых яблок и вечные юбки солнцем. Марина маму обожала, и подражала во всем. Даже юбки искала пошире, подлиннее, хоть девчонки в школе и считали их немодными. Уже когда Марина немного подросла, маленькие изящные груди были подчеркнуты обтягивающими футболками, никто не смел сказать, что колокол-юбка не в моде. Теперь все говорили, что у Марины есть вкус, она сама стала задавать моду в школе. Наверное, такая уверенность в себе дана была Марине семьею. Такие дети растут

в семьях, где царит исключительная любовь. Отец почитал маму за божество, за Галатею, спустившуюся к нему с пьедестала и прощал поздние ее возвращения и дорогие духи от поклонников. Он знал, что наутро она наденет плюшевый заячий халат, пожарит оладьи с кокосовым сиропом и вымоет его грязные ботинки своими наманикюренными руками. Но знал также, что к вечеру ею снова овладеет тоска, смутная жажда власти над выпившими одинокими страждущими, и она снова наденет свое пурпурное платье с открытыми плечами. Мама была птицей, которой необходимо было улетать, чтобы вернуться. Девочки маму обожали за непредсказуемость. Иногда она приносила свиную ногу из ресторана, а иногда – перетянутую резинкой пачку денег, и тогда они ехали по магазинам, скупая разнообразные резиночки, чулочки, книжки (для Алиски). Папа был стабильностью. Это на его долю выпадала проверка уроков, правда, нечастая, ибо дочери учились хорошо, вечерние разговоры уже в кровати и беспокойное стояние за дверью, когда Марине звонил очередной кавалер.

Наверное, Марина бы вышла замуж, Алиска спокойно поступила в универ, может, даже съехала бы в общагу, а мама наконец ушла из ресторана, чтобы подавать папе ужин в комнату, но как обычно вмешалось судьбоносное «НО».

То была двадцать пятая годовщина их свадьбы. Несмотря на то, что маме уже исполнилось сорок пять, она все еще была красива в знаменитом пурпурном с открытыми плечами.

Улыбалась мужу белоснежными зубами и смотрела победно-затуманенными глазами. Сегодня власть была только его. Она допевала «императрицу» для четвертого столика, видя, что им поставили шампанское, как вдруг третьему столику друг решил сделать сюрприз.

Из широкого тубуса вырвались залпы. Несколько ударило вверх, мгновенно запалив ивовые ветки на потолке. Пламя перебежало на холст, а оттуда спустилось на стены с картинами. Наконец люди очнулись, и по столикам полетели первые крики. В секунды от декора повалил дым, такой едкий, что нос отказывался вдыхать, а легкие обжигало оседающим в них ядом. Крохотная дверь не выдерживала толпу, и люди давили друг друга, пока персонал покидал кафе через заднюю дверь.

Она еще пыталась убежать, тащила его из-за столика, кусала губы, кричала, разрываясь от ужаса. Он вдохнул того, что спустилось с потолка и потерял сознание сразу же. Она могла выбежать через заднюю дверь и спастись. Могла уйти, чтобы не оставить девочек. Но не смогла. Села рядом, обняла его крепко и вдохнула.

Говорят, близкие чувят беду, но Алиса с Мариной спали крепко, не ожидая раннего возвращения родителей. Утром в кровати проник холод, и Марина сонно пробормотала «хоть бы окно нам закрыли». Они вышли в коридор и увидели, что родители так и не вернулись. Наверное, гуляют по утреннему прохладному городу. А потом они включили телевизор...

– Остановись, – сказала Марина отражению, увидев, что губы задрожали.

Заколола волосы на затылке, оставив несколько прядей на висках, смыла давно присохший макияж и нанесла маску. Не годится рассыхаться. Беда приходит тогда, когда расклеился и выпал из графика. Подумав, позвонила начальнице. Она столько сделала в последние дни отчетов, что имеет право поболеть недельку.

Зашла в кухню, щелкнув выключателем и вздохнула. Поскорее бы весна. Бесконечно темное небо навевает тоску. Холодильник недовольно заурчал, и она заставила себя заглянуть в него. Алиска варила макароны с тушенкой, полкастрюли еще осталось. Сервелат. Гауда. Нет, все это надо жевать, лишние усилия. Поставив кастрюлю на плиту, она бросила туда курицу из морозилки и открыла пакет с готовым супом. Пожалуй, бульон она сможет проглотить. Где же ты, Алиса?

На столе покоилась пачка с сырными крекерами и куча крошек. Протерев стол, она сложила на него руки, рассматривая френч-маникюр. Сон смаривал. Без сна прожить сложно, особенно если напряжен. Но нужно сначала поесть. Марина вспомнила, что у нее в отсеке ремней спрятана пачка сигарет для особо нервных случаев, но не рискнула курить на голодный желудок. Вдруг все-таки в полицию придется ехать срочно, когда душ принимать? Уж чего она не любила, так это аромат табака от своего тела. Алиса не курила, не

любила это. Где же ты, Алиса?

Вода потихоньку набухала, разыгрывая партию звуков. Шипела, бурлила, возмущалась. Ну куда это годится – ледяная курица и какие-то концентраты. Разве из этого сварганишь суп? Вспомнилось, как они с Алиской искали самопальные переводы меню на русский язык. Та тогда получила пятерку за курсовой и не зря. Чего стоила только «жарена василиса море», «зеленый суп с карбюратам». Или, например, «семья счастливая, подаются на горячем желе». Интересно, счастливые семьи тушат или запекают? Или одинаково готовят, ведь согласно одному писателю, все счастливые семьи счастливы по-своему. Алиса тогда все мечтала, что они поедут в Азию, найдут обрусевшие кафе, и она напишет диплом по малограмотным переводам. Где же ты, Алиса?

Ноут маякнул, сообщая о свежем письме.

Доем и посмотрю, решила она. Суп лишь припахивал горохом, но с консервы разве спросишь много? Первое время, как родители умерли, чего только не приходилось есть. Мама обычно готовила много. То папа за чертежом съедал по три тарелки харчо, то девчонки мигом опустошали кастрюлю со спагетти. Они и не задумывались, когда мама успевает, просто открывали холодильник в поисках плова, щей, колбасы. А уж на худой конец – плюшек в хлебнице. Мама до готовности их не допускала, две хозяйки в кухне – перебор, поэтому лучшее, что могла приготовить Марина – яичницу с сосисками, и в той лук вечно сгорал. Первое время ели то доширак

с майонезом, то готовые супы, то горячие доставки еды. Тогда же Алиска прирастила ее к флэшу. Ночами обе спали плохо, несмотря на то, что иной раз и в одну кровать укладывались, а утром ждали дела. Сестра и сейчас хлещет его, особенно перед сессией. Вон, в мусорной корзине бутылки три точно валяется...

Почти заставив себя вымыть тарелку, насухо вытерла полотенцем и вернулась к ноуту. Мигал ярлычок мэйла. Кликнув, она быстро его прочла.

«Отправитель: <dan781@google.com>

Привет. Я обещал помочь, но не получится. Меня уволили из паблика, у меня больше нет доступа. Прости, что так получилось, я сам в шоке. Можешь попробовать обратиться напрямую к главреду, если сильно нужно. Кстати, моя собака передает тебе привет. Говорит, что Холи был веселый».

Марина вспомнила, что Алиска начала писать курсовой, пока еще не так навалилась учеба. У нее еще тема была про ляпы. Алиска любит ляпы. Где же ты, Алиса?

Открыв входящие, Марина обнаружила спам вроде «акция от Метро», «купоны VUGODA» и прочее. Видимо, пока откликнулся только один, да и тот с явной неохотой отписался. Он, кажется, больше занят своими страданиями. «Я сам в шоке». Будто это кому-то интересно! Марина пиарщиков не любила, хотя на ее пути встречался только один. Звали его Ясик. Он носил мятного цвета брюки и пирсинг на подбородке в виде корабля. Работал то ли маркетологом, то ли

копирайтером, она так и не запомнила, и не поняла разницы. К поводу и без он употреблял слово «тренды», растягивая первую гласную и не выползал из телефона. Таскал Марину по вернисажам, театрам, автограф-сессиям, кулинарным школам. К третьей неделе знакомства у не закружилась голова. Нет, она не была букой, любила и хорошие рестораны, и современные мюзиклы, и просто прогулки. Но бокальные вечеринки, где не всегда слышишь друг друга, при этом, для каждой необходим новый наряд? Ясик утверждал, что ему по работе нельзя выпадать из трееендов, но когда он работал – ей было неизвестно. То тусовки, то сон, то утехы. К шестой неделе, уснув на работе после музейной ночи, где обсуждалось величие железных дорог в России, она решила сойти с поезда. Ясик обиделся, и заявил, что она встречалась с ним ради пиара.

Мявкнул смарт. Сердце ухнуло, и она полетела в комнату, снеся по пути сумочку, стоящую в коридоре. На мигающем экране обнаружилась надпись «номер скрыт». Она поняла, что это сестра.

– Алло, – ответила она. Голос не дрожал, кажется.

Тишина.

– Алло, – повторила она уже чуть более нервно.

Громкий вздох, странный, булькающий говор.

– Мара, это я, Али. Не волнуйся, я живая, здоровая. Не ищи меня, я скоро вернусь. Я с парнем.

– Ли, черт возьми, что за шутки? Я на работу из-за тебя не

пошла, чуть не умерла тут. Где ты вообще? Я сейчас приеду, поговорим, а потом уже со своим парнем куда... – деловито начала Марина. Но трубка уже молчала. Отчитывать было некого.

Она снова уложила телефон экраном вниз. Подумала и выставила громкий звук. В глазах прыгали черные мушки, а мысли перестали слушаться ее, рисуя все более черными красками то, что происходило с сестрой.

Марина включила «Бригаду», как всегда делала в минуты отчаянья и радости. Не поступив в институт, о котором она мечтала, Марина хотела отказаться от учебы совсем, и тогда мама, всегда практиковавшая максималистичные методы воспитания, показала ей фильм про неучей. Маму не смущало, что неучи достигли верхов, все серии она показывала ради пятнадцатой. Марину не убедило, но депрессия ее прошла. Правда, болела она не знаменитой четверкой, не шутником Космосом, не романтичным Пчелой, не строгим Филом и не красавчиком Сашей. Каверин разбитый, раздолбленный жизнью, ехавший на танке в политику, был ею, потерявшей надежду на большой универ, но все-таки не сломленной. Он стал для нее примером того, как можно из любой передрыги вырваться наверх. И, возможно, близок он ей стал потому, что был одинок как волк. Как сама Марина. Близких друзей у нее не было, все тайны она поверяла Алиске. Мужчин тоже предпочитала тех, что существуют сами по себе, тех, кто не жаждет семью здесь и сейчас. И, когда ее одоле-

вало желание в очередной раз сблизиться с кем-то, она вспоминала «Бригаду». Одиннадцатую серию, где Пчела встречается с Ольгой в аптеке, втайне от Саши, затем пятнадцатую, Макса. Она напоминала себе о том, как легко Каверин уговорил Макса стать поверенным в многолетнем предательстве. Люди опасны. Они тормозят тебя. Они могут оставить тебя в беде. Используют тебя. Лучше самой, все самой одной. И она не пыталась даже попробовать изменить то, что зародилось в ней в семнадцать. Она забыла, что ей почти тридцать.

На экране Пчела улыбался матери, держа клубок, что она ему сматывала. Он готовился лететь в Германию. Берег ее, скрывая nepотpeбные дела. Идеальный сын поздних родителей. У Марины, как всегда, скребнуло от предчувствия неминуемой беды, что ждет его.

Но отвлечься не получалось Алиса. Зачем ей скрываться у парня? Этот треп сошел бы тому, кто ее не знает. Или тем, у кого есть, от кого прятать секреты. Она снова взяла телефон, в надежде, что звук у него сломался, и проверила сообщения. Пусто. В ванну. Лечь и обдумать. Родители. Да, когда мама с папой были живы, они скрывались от них. Разве расскажешь папе о поцелуях, пахнущих шашлыком с дачи, когда ты ушла к подружке заниматься? Алиска знала и о ее первом мужчине, и обо всех последующих. И уж Марина знала все-все. «Не ищи меня, я скоро вернусь». Сомнений не было, Алиса в беде. И голос. Станный, почти неузнаваемый. Она прикрыла глаза и снова прокрутила в голове слова Алисы. Что-

то ускользало от нее, что-то в ее булькании, которое можно было бы принять за плохую связь. Вот! Марина шлепнула руками по воде. Медленно, слишком медленно произносила Алиса слова. Заторможенно. Словно только проснулась. Или наркотики. Точно, наркотики! Если она завтра вернется, и выяснится, что та попробовала, Марина ей задаст! Покажет, что такое взрослая жизнь! Алиса жива, и сейчас это главное.

Осталось потерпеть меньше суток и можно подавать заявление. Они, конечно, узнают про звонок, но уж что-то, а обманывать мужчин Марина умела. Даже если Алиска действительно прячется сама, пусть ищут ее официальные лица. Сейчас надо выспаться. Выспаться.

Руки совсем не слушались и, доставая из шкафа, пластиковую коробку с лекарствами она, конечно, выронила их. Найдя снотворное, она вдруг отвлеклась и начала рассматривать бутылки. Просроченные, просроченные, ненужное барахло вроде «баралгина» мамино, сколько ему лет? Снова маякнул бук. Черт, пошла же его выключать и забыла с лекарствами этими... Марина села за стол и увидела, что «dan781@google.com» прислал еще одно письмо.

«Слушай, тут один чувак тебе может помочь. Говорит, есть по твоей теме у него материал. Если надо, сведу».

– Твою мать, – сказал Денис, ошалело уставившись в экран.

– Что на этот раз? – спросил Илья.

Дэн уже привык к его внезапным появлениям и даже не

вздрогнул. Впрочем, это могло явиться и следствием того, что он вновь и вновь перечитывал текст на экране. Илья слегка обиделся, что тот никак не оценит его костюм с жилеткой из нежнейшего темно-коричневого вельвета. Он встал прямо за спиной у Дениса, в надежде, что тот оглянется на него, и прочел: Привет, Денис. Это Марина, сестра Алисы. Ее нет дома уже два дня. Недавно позвонила и сказала, что она у парня, я не успела ничего спросить, разговор прервался. Уверена, с ней случилась беда. Не знаю, к кому обратиться. Помогите», – дочитал Илья. – Приплыли.

– Чушь. С чего она взяла, что случилась беда? Загуляла, молодость, с кем не бывает. Я от родителей съехал в свое время тоже ради свободы, – сложив руки за головой, раздраженно сказал Денис.

– Если сестра так думает, то, наверное, неспроста, – откликнулся Илья.

– Девчонки вообще много лишнего думают. Блин, все из-за тебя! – Денис треснул по столу и сморщился, – ты все приставал, чтоб я ей привет передал. Мы бы и не узнали про нее, а теперь написывать будет страданица хренова.

Илья промолчал. Он снимал новенький двубортный пиджак, аккуратно вешая его на единственные свободные плечики в шкафу Дениса. По правде сказать, самих плечиков у него было не больше пяти.

– Что ты думаешь? – не выдержав тишины, спросил Денис.

– Должен что-то думать? – мирно ответил Илья. Он уже успел принести мокрую тряпку из ванной и протирал ею зеленую ткань торшера.

– Ну ты для чего сюда приставлен? Думать. Вот и думай. Повернувшись к экрану, Денис прочел: «Денис, я прошу тебя ответить. Одногруппницы Алисы сказали, что она болтала с парнем на празднике. Говорили, что у них отношения. Может, ты его видел? У него черная мантия и кофта с ниндзя. Мне важна любая информация!»

Денис усмехнулся. Поразительно, как из воздуха девчонки умудряются слепить чуть ли не целый роман. Вот и его, Дениса, приплели, а они всего лишь болтали за курсак.

– Илья, – внезапно заорал он, так, что тот выронил торшер. – Тот тип по телефону сказал...

– Долго соображал.

Илья унес тряпку обратно в ванную со олимпийского спокойствия видом, а Денис тем временем задыхался. Ошибки быть не могло, если бы похитили его близких, он уже знал бы. Получается, его выследили, и решили, что Алиса – его девушка. Он негромко застонал. Илья продолжал уборку квартиры и теперь разгребал ящик с носками Дениса, где еще со времен сотворения Вселенной поселился хаос, осложненный одиночеством непарных носков.

– Прекрати, ради Бога, сядь, – взмолился Денис. – Тут такая чертовщина творится, как ты можешь делать что-то.

– Страдать сложа руки – продуктивный вариант, – заме-

тил Илья, но все-таки сел, сложив руки. – Что думаешь предпринять?

Денис закрыл ладонями глаза и выключил мозг, отдавшись на волю мелькающих картинок. Для одного месяца было слишком. Слишком много событий, слишком много эмоций. Почему именно ему удалость так погано и глупо вляпаться? В двадцать-то первом веке, когда бандитские разборки, дуэли, похищения прекрасных дам ушли в прошлое. Он же не на Кавказе, где ссоры решаются кровью. Там сильны еще устаревшие традиции и нелепые страсти. У них, в современной России, а уж тем более, в его мирном сонном городке, ну откуда такое? Почему Бог выбрал его?

– Да-да, самое время помянуть боженьку, обычно он виноват в бедах, – крикнул Илья из кухни, где он заваривал чай.

Его захлестывали эмоции, с которыми он не справлялся. Сначала было ощущение бессилия, темного, страшного, как дно колодца. Гнев. Чертов придурок, ну привязался же! Желание врезать. И, может, даже не кому-нибудь, а конкретно Илье, который в данный момент в своем клетчатом жилете и слишком отутюженных штанах рубит на шматы карпаччо. Господи, да он никогда не участвовал в конфликтах! Никогда не нарывался на драки, впрочем, среди его одноклассников это было уже немодно. Дружил со всеми, его даже Ирка Артамонова не трогала. Папа у нее в тюрьме сидел, то ли за незаконный бизнес, то ли сбил кого-то до смерти пьяным,

никто толком не знал, но Ирку срубилло сильно. Она исправно приходила на уроки, уроки учила, но агрессию свою не знала, куда девать. Учителя могла запросто послать на три, если настроение позволяло. Девчонки лишались хорошей заколки или тетрадки с Avril Lavigne. Парни побаивались ее после того, как она вышвырнула из класса Савку Янчикова и дала хороших пинков Генке за утащенный рюкзак. Денис же ей приглянулся настолько, что сидела она исключительно с ним за партой. А ему и на руку – алгебру она решала на раз.

Что же с тобой случилось сейчас, Денис? Почему ты рубишь сплеча налево и направо, громя, как Халк, выстроенные башни жизни?

Он вышел из туалета и обнаружил, что Илья сидит за нотом.

– Не стал тянуть время, адрес ей дал. Пишет, что такси вызвала, – сказал он, приглаживая кудри. Он успел их слегка обстричь и подкрасить, и теперь торчашки превратились в рыжего цвета проволоку из кудрей. Теперь он больше напоминал Азazelло, а, впрочем, тот был с клыком.

– Меня спросить не попробовал? Сам будешь разговаривать, – Денис взял мантию. – Я в бар. Проветрюсь. Надоели вы мне все...

Из дневника И. Б.

Мне удалось заставить себя написать здесь несколько строк. Кажется, никогда еще так сложно не было взять в руки перо. И писать не хочется, все не верю, что, сказав, поверю.

Девять дней прошло с того страшного дня. У верующих это важный день – день, когда душа улетает по свету попутешествовать перед дальним странствием. Я дня этого ждал с надеждой. С верой, что раскроется мне тайное. Наверное, все не то я пишу, непонятное, вокруг да кругом, но не могу себя заставить написать о главном.

Только что получил письмо от Яковлева, из Губернского комиссариата.

«Уважаемый г. Бузунов!

Мы выражаем вам глубокое сочувствие в связи со сложившимися обстоятельствами и сообщаем, что по делу была проведена тщательная проверка, в ходе которой было выявлено, что в тот вечер ни солдат, ни рабочих – большевиков на улице Гостинской не было. Отсюда следует, что происшедшее было связано либо с ограблением, либо чистой разбойничьей случайностью. Еще раз выражаем сочувствие и готовы оказать всяческую помощь».

Сложившиеся обстоятельства! Вот как теперь называют смерть. Не по имени, а по равнодушию. И никому нет дела до сложившихся обстоятельств.... Приходил Кобылкин.

Сказал, что правды я не добьюсь. Никому скандал не нужен. Платье отдал, все от крови заскорузло, но я спрятал, не сжег. Подарок ей сделал, с полочки. Такая она в нем дама была! Плечи голенькие, покатые, прикрытые широкими лямками, синий цвет до полу струится волнами, наверху цветочками расшито, кажется, лютиками, а внизу полупрозрачный шелк. Самый писк в Петрограде! Два раза надеть успела, от Севостьянова возвращалась, мальчику их заболевшему урок давала....

Я разгромлен. Мечты, чаяния прахом. И, хуже всего, убеждения. Когда то, во что ты верил более всего, разрушается, непонятно, на какую звезду выворачивать. В банк я уже вернулся, но комиссаром работать нет желания, попросил пока снять по «обстоятельствам». Пойду в горы с Антоном. Может, они что подскажут....

Глава 8

Денис шагал по набережной в сторону бара, преодолевая речной ветер. пробиравший до костей. Китайская, не до конца зашитая в швах мантия, не грела. Денис и не понимал, от чего больше колотит – от погоды или от ужаса.

В автобусе он наблюдал за людьми, завидуя их беспечности. Вот едет пацан лет пятнадцати. И кепка еще «для себя», не выпендриться перед девчонками, и футболка без принтов, рюкзак нестиранный. А ноги в шортах волосатые и огромные, будто у рабочего. Интересно, он их стесняется, этих ног? Впрочем, разве это проблема. Рядом с ним мужик, по виду сорок. Рот полуоткрыт, будто он улыбается постоянно, но глаза за советской оправой потерянные, опоздавшие. Напротив него девчушка сидит, маленькая такая, с куклой в обнимку. И мамашка над ней возвышается, в свой микки-маусный смартфон что-то болтает. Обычный сегодняшний день. Все как всегда, и он мог быть среди них. Выйти на своей остановке, купить у блестящего зубом продавца в ларьке связку бананов, прихватить пива и булку в супермаркете. Зарубиться во вторую диавлу, съесть пеперрони и лечь спать. А наутро открыть инстаграм и выложить новый пост. Мог бы.

– У нас сегодня рок, – сообщила ему девушка с сонными губами, выдавая билет.

– Мне все равно, – ответил он, разглядывая афишу с мартовскими котами.

Будто он не услышал еще с улицы, как гремит местная звезда на своей гитаре.

Клуб, в который Денис пришел, был совсем небольшим. Квадратный коридор с едва втиснутым гардеробом, книжным шкафом и красным кожаным диваном. Направо от входа – туалеты, налево длинный коридор, увешанный звездами двухтысячных, которых, по видимому, слушал арт-директор, и танцпол размером с трехкомнатную квартиру. Самым главным достоинством бара была стойка, где добродушно – лицемерные бармены с ухмылочкой наливали странно-ватые коктейли, от которых мутнело в голове, но очищало душу. Денис впервые зашел сюда еще до принятия закона о курении и после первой ночи выплюнул легкие и выбросил одежду, насквозь промокшую чужим дымом. Но сам клуб зацепил. То ли смесью музык – от электроклэша до эмбиента, то ли тем, что одиночество можно было разделить рюмкой с барменом, то ли атмосферой квартирных темных углов. Он, правда, в таком не участвовал, предпочитая снисходительно наблюдать прилипшие друг к другу пьяные тела.

Сегодня настроение было решительным. Он заказал двойную Хиросиму и тут же прикадрил носатую рыжеволосую девку. Абсент, замешанный с самбукой, гренадином и секретом от бармена, быстро ударил в тело. Далее тело переместилось к сцене, где народ уже трясся под кавер «the killers».

Потом тело отчалило в чиллаут, где на диване, сделанном из ванной, он лез под футболку с надписью «я, королева, твоя мать». Музыка стала громче после третьей Хиросимы, словно кто-то открыл шлюзы, и она хлынула сверху, с потолка, как проливной дождь, прямо на него, в его голову, пропитывая каждый волосок. Он хрипел остатками замерзшего на улице во время перекура горла «хорошие лююююди навсегдааа останутсяяя в памятии моей», обнимал уже, кажется, двоих разом и искал чьи-то холодные, пахнущие рвотой губы. За четвертую платила футболка. А потом было... Не помню.

– Товарищи! Мы с вами присутствуем сегодня не просто при его пробуждении! Мы присутствуем при величайшем акте позора, при стыде, который должен испытать этот человек! Любой советский гражданин плюнул бы в тебя, товарищ! Ты – образец незнания законов, образ того, что страна нуждается в сухом законе!

Слова доносились словно через вату, но были подобны назойливой мухе, щекочущей лапками тело. Илья разглагольствовать не прекращал, поэтому волей-неволей Денису пришлось разлепить глаза. Оказалось, актерствует Илья на публику. На кухне, за столом сидела гостья. В свете торшера она была ослепительна. Стройная, но не без округлостей, с кошачьими игривыми глазами и длинными, судя по прическе, волосами. Портили ее только глаза – заплаканные, молящие. Она напоминала кошку, что вышла погулять и потерялась.

Или дверь была закрыта. Что она здесь делает?

Илья бросил взгляд на девушку, а она посмотрела на Дениса. А потом оба расхохотались над опухшим лицом.

Водитель был расторопен и объезжал пробки по дворам, поэтому Марина добралась быстро, и часу не прошло. Дверь открыл довольно смешной парень без возраста. Свежая кожа, нервные, выкрашенные в дурацкий цвет кудряшки и неровная поросль на лице выдавали молодой, не старше двадцати трех-пяти возраст, но в самом облике было нечто мужественное, взрослое. Он царственно раскланялся перед нею, и она вдруг смутилась.

– Илья, к вашим услугам.

– Но... Я писала Денису? – вопросительно сказала она.

В узкой прихожей, похожей на коробчонку, сняла ботинки. Вдруг подумала, что она в сущности ничего не знает о том, к кому поехала, и о ее поездке никто не знает. «Надо было Светке хоть написать». Квартира оказалась студией. Ей такие не нравились – общага какая-то или гостинка. Ни тебе кухни, ни нормального входа, сплошная комната. А стол вообще напоминал обувную стойку. Зато на нем дымились апельсиновым ароматом две кружки чая, аккуратными кусочками был нарезан желтый пирог.

– К сожалению, Денису пришлось уехать по рабочим вопросам. Пока я побуду с вами, может, что и удастся придумать. Я у него тут живу, так что я в курсе ситуации.

Он отодвинул ей стул и поставил тарелку с пирогом. Она

и пикнуть не успела, как в руках у нее оказалась кружка с чаем. Новый знакомый так ловко взял в свои руки ее растерянность, что она и понять не успела, как это она уже ест второй кусок.

– Сам стряпал. – похвалился он. Ешьте спокойно. Ждать будем долго.

Ожидание и впрямь оказалось долгим. Илья выслушал ее рассказ внимательно, с большим сочувствием и все своим видом выказывал, что ни на минуту не верит в побег Алисы с парнем, однако же ничего внятного ответить ей не мог. Сказал, что лучше всего будет поговорить с Денисом, потому как он мало знает об их отношениях.

– Послушайте, – интимно начала Марина, чуть придвинувшись к собеседнику и ощутив при этом сладковатый запах парфюма, чем-то похожий на NINA RICCI. – Уверена, вы знаете больше, чем мне сказали. Недаром же вы не удивлены приезду и недаром он сказал приехать сюда. Может, мы не будем терять время?

Илья широко улыбнулся, тряхнув волосами и пропел в ответ сладким голосом:

– Мариночка, с каким удовольствием я не стал бы терять время, но, увы, я бессилён. Мы лучше с вами, знаете что, съедим еще по кусочку пирога, а то пропадет к утру.

Решив не спорить с вежливым парнем и оставив в уголках губ приглашающую улыбку, она мигом проглотила нежнейший пирог. Вот бы Алиске его попробовать, она любит вы-

печку. Где же ты, Алиса? Марина силой воли открыла глаза. Сытость объединилась с усталостью, и ее начало отключать. До нее доносилось бормотание Ильи, который, кажется, говорил о газовых плитах. В мозгу плавали теплые, тягучие воспоминания об отпуске в Грузии и виноградниках на горе. Последнее, что она запомнила – мысль, как вспышку об опасности и разодранную мочку уха у Ильи, который нес ее к дивану.

Отплыв обратно во сны о пещерах Прометея, Марина уже не видела, как растворился в воздухе ее недавний гостеприимный хозяин, как еле проснувшееся солнце начало тушить ночь. Она допивала вторую кружку боржоми, когда в дверь настойчиво позвонили. Вскочив и спросонок удивившись, что спит она в пиджаке и кресле, которых у них дома и не было никогда, она вспомнила. Илья успел оказаться у порога и впустил совершенно пьяного Дениса.

– Прикинь, я где был. Прикинь! Я был... Нет, ты прикинь. Я был там! И, прикинь, она со мной прямо, прикинь, у сцены...

– Я понял, понял, заходи, – ворчливо зашептал ему Лена, – соседи услышат, скажут, алкоголик, неработающий.

– Нет, ты прикинь, и она, прикинь, еще меня тащила....

Марина ощутила невообразимое амбре, которое распространилось по всей квартире. Следом из темноты выпал парень. Черная мантия вся была устряпана в белой штукатурке и, кажется, в остатках рвоты. На небритых щеках виднелись

бордовые следы женской симпатии. Глаза у него превратились в щелки, и держался он почему-то за печень. Больше всего ей понравились брови – пшеничные густые, широкие брови. Такие бывают только у честных людей.

– Ой, – сказал он, стараясь не икнуть, – а вы кто?

Быстро прикинув, что объяснять что-то сейчас не время, она ответила, мило улыбнувшись:

– Твоя галлюцинация, малыш. Побуду здесь немножко, не против?

Он закрыл рукой рот и сполз на пол. Илья, не смутившись, перетащил его на уже расправленный диван, стащив мокрые джинсы и вонючие носки. Денис, отключая сознание, успел пробормотать: «Как вы успеваете размножаться...»

И вот, спустя четыре часа, во время которых абсент и к кишечнику-то перебраться не успел, Илья разбудил его мерзким манифестом, да еще и дамочку притащил. Решив ни о чем пока не спрашивать и боясь, как бы абсент не прорвался наверх, он побрел в ванную. Ночные приключения помнились смутно. Интересно, а там, у сцены, было или не было? Если было, то в клуб ему уже не вернуться... Черт, и надо же было так неосторожно.

Ветров уже горланил в кухне, прилегавшей к стене ванной, про несовершенство современных моделей пассажирских самолетов. Состояние было такое, что хоть дыру делай в стенке, да к соседу за пивом иди. За дверью Илья громко обсуждал качество постельного белья. Кажется, они включи-

ли телек, но смеха гостя слышно не было. Может, заглянуть в окошко? Для чего-то же придуманы эти окна из ванной в кухню. А, идут «Двенадцать стульев» с Гомиашвили. Ну да, у него на рабочем же прямо есть скачанное. Денис познакомился с этим фильмом лет в десять, и с тех пор минимум пару раз в год устраивал себе вечера с Кисой и Осей. При этом, на дух не переносил захаровскую версию, хоть мироновские усики и были прекрасны. Чуть не сверзившись с края ванной, он еще раз глянул на девушку, сидевшую к нему боком. Гостя-то серьезная, даже на свадьбе Бендера и вдовушки не смеется. Стоп! Денис резко рванул кран и окатил себя ледяным душем. Это же сестра Алиски, с которой он не захотел разговаривать. Сквозь ком тошноты стал пробиваться стыд. Он включил воду погорячее и лег, закрыл глаза и стараясь не шевелить абсент в желудке.

Скорее всего, он знает, кто виноват в пропаже Алисы. Уже прошло два дня. Но хмырь-то этот ему не звонил! Интересно, Илья рассказал ей или оставил работу ему? Илья? Денис схватил с полотенцесушителя синее махровое и вылетел в комнату. Сидя рядышком, Илья и девушка наблюдали за падающим скелетом в комнате Попандопуло. Она распустила волосы и держала в руках кружку с кофе, Илья сидел прямой, как столб.

Они уставились на всклокоченного Дениса, едва прикрытого полотенцем. С правого плеча стекало мыло. Он напоминал инженера Щукина из упоминавшегося уже произведе-

дения, разве что мочалка побольше.

– Вы... Вы тоже его видите! – вытаращив глаза, спросил он, сглотнув, у Марины.

– Кого? – переспросила она.

– Его, да его же, – тыкая в Илью, глупо спросил Денис.

– Почему я не должна его видеть? – растерялась она.

– Да, почему она не должна его видеть? – спросил со стены Рафаэль.

– Тебе пора прекращать эти походы в злачные места, а то коты в углах начнут мерещиться, – сказал насмешливо Илья. – А, между прочим, тебя ждет девушка и по серьезно-му вопросу. Уже целую ночь.

Марину как острым штырем проткнуло. Все эти часы после пробуждения Марина болтала с Ильей, совершенно забыв о сестре. Иногда в сознании мелькала тень, какая – то мысль, прятая от нее, и она снова возвращалась к разговору. Илья много расспрашивал ее о профессии бухгалтера, о ее первой работе в банке, и видно было, что слушал он с большим удовольствием. А она, распаяясь, вспоминала еще и еще историй из рабочих моментов.

– Вы тоже работаете бухгалтером? – спросила она.

Смеялись над историей, как у них сломался компьютер, первый и тогда единственный на всю фирму, и она от руки всю ночь печатала на машинке. Илья криво усмехнулся, покрутив чашку с нарисованной на ней мышью, и ответил:

– Я никем не работаю сейчас. Имел когда-то.

И снова Марина забылась, снова начала рассказ о банковских приключениях. Сильно заняло сердце только на «ступеньках». Киса и Ося хорошо смотрелись вместе. Им было не одиноко.... А ей, Марине – одиноко. И тут влетел Денис. И вспомнилось. Черт, не надо было пить таблетки, это от них небось побочка.

Тем временем, хозяин растерянно смотрел на них. Опомнился.

– Я сейчас. Только оденусь.

Надев шорты, он прикидывал. Как бы помягче ей сказать, что он виноват. В глубине души теплилась надежда, что Илья все сказал, но по виду того было понятно, что помогать ему тот не намерен. Все трудное достанется ему. Интересно, а хмырь уже звонил? Денис вспомнил, что оставил телефон дома, лишь бы забыть на время о беде.

На столе дымился ароматный борщ, Марина достала из холодильника пиво, еще виднелся Сент – Мор, столь любившийся Илье. Денис устало присел, стараясь не видеть молящие глаза Марины. А Илья положил перед ним телефон, который в ту же секунду, словно дождавшись хозяина, завибрировал. Уже не удивляясь скрытому номеру, он нервно ответил:

– Слушаю.

– Сынок, это я.

– Папа? Что за странный номер?

– Да это мой второй рабочий. У тебя все хорошо? Мы с

мамой беспокоимся, ты никак не придешь шкаф сделать.

– Погряз тут в некоторых вопросах, – торопливо ответил Денис.

Илья, не стесняясь, хмыкнул. Марина намазывала масло на хлеб, сбрывая волны ножом. Это помогало отвлечься

– Ты бы пришел поскорее, а то с мамой что-то... Неладное. – Папа понизил голос. – Сама не своя эти дни, с Леккой поругалась, в больнице, может, что. Мне не говорит! Уж приходи...

– Приду, приду. Пап, извини, вторая линия.

Он не солгал, вторая линия настойчиво пробивалась в звонок. Денис нажал кнопку и уже спокойнее сказал:

– Да.

Голос в трубке спросил неожиданно громко:

– Выяснил, кто сидит у нас в магазинах?

– Гдеeee? – спросил Илья, поперхнувшись соком.

Марина отложила нож и хлеб и, сложив руки на стол, стала внимательно слушать.

– В темнице. Тюреме. Как еще тебе пояснить? Понял ты, кого я забрал?

Денис отметил, как побледнела девушка. Взглядом он умолял ее молчать. Илья подвинул к ней стакан с соком, но она не пошевелилась.

– Чел, я не знаю, кто ты, но ты глубоко попутал. Алиса – не близкий мне человек. Мы и виделись-то с ней раз, столкнулись случайно на фестивале.

– Тогда получается еще веселее. Одно дело – умереть за близкого, а другое дело – случайно оказаться не в том месте. Как думаешь, какие чувства ты будешь испытывать? Расскажешь потом?

Похмелье как рукой сняло. Теперь Денис чувствовал себя так, будто ему бьют молотком по пальцам.

– Знаешь, я давно был уверен, что все разговоры прослушиваются, сейчас и проверим! Позвоню в полицию, пусть они тебя поймают. Ты думаешь, что всесильный, что ли? Думаешь, все можно?

– Я не думаю, я знаю. Видишь ли, Денис. Алиса решила отправить Марине письмо, в котором сообщает, что со своим другом перебирается в Москву, позвонит, как только найдет работу. Кому при таких обстоятельствах нужно будет брать на себя ответственность и заводить дело? Человек взрослый, строит свою жизнь. Так что в полицию можете обращаться сколько угодно. Соцсетям Алиса о переезде тоже сообщила. Ну, бывай, Денис.

– Постой! Ты же сказал, что я могу извиниться, и тогда ты отпустишь ее. Извини! Я извиняюсь! Извини!

Трубка помолчала и ответила:

– Я передам.

Это была катастрофа. Если хмырь не шутит, он и вправду вознамерился убить Алису. Сначала речь шла всего-навсего о похищении, а сейчас – убийство. Снова захотелось к Ветрову, но теперь уже не уйдешь. Не уйдешь от этих перепуган-

ных кошачьих глаз, которые, слава яйцам, по крайней мере, еще не налились слезами. Не уйдешь от ответственности за ту девушку, которая стала жертвой шутки, безобиднейшей шутки. Не уйдешь от моря собственных мыслей. Что делать?

Шэнь всматривался в огонь, распоясавшийся и танцующий безумный танец в камине, словно искал ответ на вопрос: что делать? Мальчик напуган, цель достигнута, он добился своей цели и отстоял честь Востока. Однако удовлетворение не наступало. Ему казалось, он упустил важное, не закончил дело и теперь оно противным шмемлем вьется у уха, не давая успокоиться. Сзади слышались шаги. Роман вернулся и, не глядя на Шэня, стал подниматься по лестнице.

– Не хочешь, поговорить о вчерашнем?

Мальчик упрямо поднимался вверх, и Шэнь вдруг заметил, как он вытянулся за лето. Скоро будут одного роста, наверное. И в плечах раздался. Растет... На последней ступени он остановился и, не оглядываясь, сказал:

– Я Ване передал записку. Там все, что я думаю. Если ты считаешь меня слишком нервным для разговоров, тогда буду писать.

Сцена, разыгравшаяся вчера, была жуткой. Одной из тех, что оставляют в душе человека незащитую дыру, сквозь которую быстро выдувает отношения между людьми. Иван, как всегда, забрал Романа из школы. Вечером должен был прийти тренер по боксу, но Роман домой не спешил – заезжали в магазин техники. Ваня и Рома обсуждали дела дневные: по-

чему учительница не разрешает выбрасывать засохшие кактусы с окон, стоит ли приглашать Матвееву на «Фантастических тварей», брать ли оригинальные джойстики на PS.

– Представляешь, меня на хостинге майнкрафта забанили сегодня, – сказал Иван.

– Да гонишь! – тут же забыл о Матвеевой Роман.

Это был их общая от отца тайна – сетевые видеоигры. Роман знал, что его хобби вряд ли будет оценено, ведь оно не несет в себе ничего полезного для будущего. Поэтому он скрывался, как мог, рассказывая отцу о своих разных увлечениях, а поездку на чемпионат в прошлом году Иван придумал спрятать за восьминедельными языковыми курсами в США. Отец ни о чем не догадался, и Рома был безмерно благодарен Ивану за это.

– Спалился на мультиаккаунте. Так что я теперь временно забаненный. Думал от скуки на нашем с тобой любимом паблике посидеть, а там цирк такой.

– В смысле? – насторожился Рома и тут же попросил водителя, – дядь Юра, сделайте погромче, песня хорошая.

Стриженный под ежика мужчина коротко кивнул, и по салону разошелся тягучий голос Лагутенко с его невестой.

– Ну, короче... – понизил голос Иван, – тот пост, что хозяину не понравился, удален. Вместо него простая картинка про китайский новый год. Я в комментариях посидел, пишут, что пост несколько раз возвращался и пропадал. Но даже не это главное.

– Не тяни, – придвинулся к нему ближе Рома.

– Там тоже было в комментах, потом стерли, что новые посты пишет не этот парень, на его место другого поставили. Официальной информации нет, но по стилю шутки реально отличаются.

Иван отвернулся к окну, изучая плиты на еврейском кладбище. Что ни говори, а покойникам среди города шумно. Но зато и вид у них – что надо. На самую протоку! Если Ромка сегодня с учителем будет, а хозяин дома, можно отпроситься и с Настюхой в кино на «тварей» рвануть. А то она обижается, что он столько времени тратит на работу без шансов на карьерный рост. Эх, Настюха, не понять тебе, единственной у родителей, что такое большая семья и в другом городе. Ромка сильно напоминал ему младшего из братьев, Олежку. Тому было пять, когда Ивану пришлось уехать. А сейчас уже небось усы пробиваются первые. Ладно, это все мелочи. Он подергал себя за колечко в ухе и ощутил, как Ромка к нему прижался.

Шэнь оказался дома. Он сидел в своем кабинете, за столом из красного дерева, расписанным вручную старым мастером из Сычуаня. На нем была надета классическая китайская рубашка, а сверху повязана ажурная белоснежная салфетка. Разряжался Шэнь только по особым случаям – как сейчас, заключив отличную сделку или отмечая семейные торжества. Перед ним стояло несколько тарелок с различными блюдами: виднелись конвертики с креветками и конвер-

тики с угрем, кусочки утки с соевым соусом, лапша в красном соусе, капуста в устричном соусе. Отдельно высилась приличная горка чуть влажного от свежей зелени риса. Блестел белесым салатом торт из тысячелистника. Виднелись два глиняных чайника – один с престарелым пуэром, второй – с тегуаньинем, последним криком моды среди молодежи на Востоке. И, конечно, бутылка с мятной соленой газировкой, без которой Шэнь не начинал обед. Он накладывал себе понемногу из каждой тарелки, медленно прожевывая каждый кусок. Ромка влетел прямо с улицы, не сняв даже кроссовок.

– Папа, это ты настучал на паблик про шутки?

Отложив вилку (к палочкам, увы, он так и не привык), Шэнь внимательно посмотрел на сына. Взбудоражен, глаза метают молнии, в руках смартфон. Где, где то спокойствие, которому он обучает дом?

– Перестань, пожалуйста, использовать жаргонизмы. Ты знаешь, мне это не нравится, – ответил он. – Это был я.

Рома широко раскрыл рот. То, что он услышал, явилось для него неожиданностью. Да, он подумал в первую очередь на отца, но всерьез не верил. Думал, сейчас услышит ответ, ухватит кусок тысячелистного торта и ноут включать победит.

– А ты понял, что благодаря твоему упрямству человек остался без работы? Твой каприз. Ну что твоим китайцам, интересно, что ли, че там про них русские шутят?

– *МНЕ* важно было, – глаза Шэня блеснули нехорошим ог-

нем, – религия не является поводом для шуток. И я об этом заявил честно, но меня не послушались. Ты знаешь, я привык идти до конца, если считаю себя правым.

– Знаю. Ты поэтому Кристину выгнал в прошлом году, хотя она тебя любила. Просто ты слушаешь только себя и только ты прав. Но ты не прав, папа! Не прав, слышишь!

– А ну-ка помолчи, – сквозь зубы, но все еще спокойно сказал Шэнь. – Кристина хотела слишком многого. Замуж хотела, детей. Родить мне наследника. Твоей матерью и ее требованиями я пресытился и не собирался влезать в еще одну историю. Поэтому мы и расстались.

– Ха, расстались. Да ты ее усадил в машину с одним чемоданом, и все. Выгнал! И Дениса также, как собаку, не подчинился тебе, понимаешь. Меня, наверное, тоже когда-нибудь выселишь, да?

– Иван, – нимало не интересуясь, слышал ли он их и был ли в комнате, бесстрастно сказал Шэнь. – У Романа нервный срыв, он чересчур возбужден. Отмени бокс, заставь его принять ванну и выпить лекарственный настой. Пусть поспит. Возможно, потом буря уляжется.

«Пардонь, Насть, опять вечер не сложился», – подумал Иван, уводя беснующегося мальчика.

Не сложился он и у Дениса. Опустим момент объяснений, шок Марины, психи Дениса. Скажу только, что Илье потребовалось немало сил и почти целый чайник каркаде, чтобы успокоить обоих, примирить и посадить за стол. Сам он был

восхищен Мариной. Женщина сильная, ничего не скажешь. Слезы удержала, торшером не врезала никому, восклицаний не было. Только замерла минут на пять в памятник. Спросила у Дениса, зачем он уперся рогом. И тут уж понеслась... Денис развел целый театр на тему «моя жизнь, что хочу, то и делаю». Упертый насмерть, хоть бы кого послушал!

– Что вы предлагаете? – спросил Денис, устав спорить.

Несмотря на пиво и порцию горячего борща, похмелье продолжало молоточками стучать по вискам, противно поднывая в позвоночнике.

– Ты должен поговорить с главредом, он наверняка знает, кто этот человек, если так его испугался, – сказал Ленья.

– Да, поговори с главредом, – согласился Рафаэль со стелны.

– Может, хотя бы ты помолчишь? – спросил Денис у портрета.

– Я считаю, ты должен пойти со мной в полицию, – решительно заявила Марина. – Расскажешь про звонки с угрозами, объяснишь про Алиску.

– С ума сошла. Довериться полиции? В маленьком городе? Если чувак настолько силен, что может запугать редактора известного, то уж полиция явно с ним заодно. Я уверен, он бы не похитил твою сестру, если бы чего-то боялся.

– Что за бред? – возмутилась Марина, – мы же не в девяностых живем!

– Интересно, если исправнику не доверять, кому дове-

рять? Ты болтай, а на законы не скалься, – поддакнул Илья.

Посмотрев на них, как на маленьких детишек, Денис сказал:

– Да полно примеров, щас че-нибудь вспомню.

Эта история произошла уже давненько, но в городе она до сих пор на слуху. Она стала одной из тех легенд, что плавают по городу из года в год, обрастая все большими придуманными подробностями. Две молодые девчонки возвращались с подготовительных курсов домой. Обе получили отличные оценки за рефераты и отдельную похвалу руководителя, который входил в приемную комиссию института. Остановившись на светофоре, заспорили, стоит ли покупать чертежную бумагу для выпускной работы. Магазин как раз находился, через улицу, но не суждено им было перейти дорогу. Конец проспекта оглушило ревом двигателя, на который, кажется, давили со всей молодой дури. Двое лихачей играли со смертью наперегонки, но она всегда окажется победителем, даже если придется забрать кого-то другого. Поскользнувшись на мокрой дороге, безумец дернулся на тротуар и снес девчушек. Колеса протащили еще живых девушек метров двести. Выбегая, круглолицый парень с носом-картошкой, бросил сквозь зубы вслед унесшемуся красному джипу: «проиграл». Спустя два часа потрясенный отец толстяка раздавал интервью, в которых клялся покарать безалаберного сына, имевшего в загашнике, восемнадцать штрафов за год. И все ему поверили, ведь не может же врать людям главный врач

одной из самых известных больниц города! И случился спектакль, лицемерный, растянувшийся на пару лет, протащивший за собой несчастных родителей. Отец исправно давал интервью, заседания за закрытой дверью длились часами, а сам малец с лицом Антошки пытался не скалиться прямо в камеры. Итогом стал приговор в четыре года в колонии поселения. Толпа негодовала, родители смирились. Главврач на своем посту, а был ли мальчик в колонии – доподлинно неизвестно.

– Вот и не верь потом в силу денег и репутацию, – заключил Денис. – Знаешь, какая огласка была у дела? Сколько петиций? Сколько людей ему рожу хотели разбить? И все равно сделать ничего не смогли. Вот и вся история.

– Судьба-то у мальчишки сломана. Уверена, он мучается совестью. Бог его накажет, – сказала Марина.

– Если с Алисой что-то случится, тоже так смиренно ответишь или будешь требовать наказания убийце?

Денис спросил, и испугался своей глупости. Но в нем засел какой-то червячок противоречия и, несмотря на то, что глаза Марины, все это время остававшиеся сухими, наконец налились слезами, он не спешил исправить ситуацию. Встал и достал из холодильника ледяной фанты.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – снова вмешался Илья. – У меня есть предложение и, если Денис его не поддержит, то я сам все сделаю.

Он развернул ноутбук, стоявший до этого экраном к нему.

В открытом вордовском файле светился текст.

«Уважаемые товарищи! Обращаюсь к вам, потому что случилась беда. Нашу подругу похитили. Вы подумаете, что это шутка или обман, но это правда. Я, Денис den781, вы знаете меня по паблику «шутки – радио». Если заметили, то после поста про китайский новый год я исчез. Кому-то, я не знаю кому, не понравилась шутка про Иисуса, и мне начали угрожать. Когда я не поддался врагу, меня уволили, а мою девушку похитили. В отделении полиции заявление примут только к вечеру, но мы уже сейчас можем сделать многое. Распространите объявление, посмотрите на фото. Может, ваш товарищ видел девушку, может, вы что-то знаете. Не проходите мимо беды, соединение спасет жизнь!»

– Алиса не моя девушка! – возмутился Денис.

Рафаэль закатил глаза:

– Ты все время споришь. Прими уже мир таким, какой он есть.

– Да-да, – поддакнул Илья, – ну приврал малеху, народ же любит страсти.

– Где ты научился писать вообще? Нашелся умный тут, – бурчал Денис, меряя комнату шагами. Тошнило по-прежнему, но после «Фанты» голова перестала болеть.

– Не все вилами махали да коров пасли. Бывали и другие, – ответил с достоинством Илья.

Несмотря на панику, сдавливавшую глотку, Марина не переставала исподтишка разглядывать Илью. Женским чутьем

она угадывала, что сразила его наповал, но в то же время чувствовалось, что манера говорить и держаться – не бравада и не актерская игра, а настоящее. Странный он какой-то. Чудной. Как не сегодняшний. И живут они в однушке с Денисом. И диван тут только один....

– Я предлагаю отправить прямо сейчас. У тебя в подписчиках двадцать тыщ, каждый посмотрит, переотправит, уже будет шумок!

Наконец вступила Марина. Солнце заглянуло в комнату, и высветило ее каштановые волосы. Лицо выглядело решительным, словно, не у нее, а у Дениса случилось несчастье.

– Согласна с Ильей. Денис, послушайте. Я понимаю, что у вас в жизни случился коллапс, от которого вам плохо. Но подумайте. Алиса – единственный близкий мне человек. Родителей у нас нет, родственники далеко. Если ее не будет, то я... Я... – Марина умоляюще посмотрела в сторону булькающего чаем Дениса и сглотнула, не продолжив мысль.

– Я тоже сирота, – неизвестно к чему вставил Илья.

Денис допил «фанту», громко вздохнул, закрыл глаза и откинулся на стул. Комната в напряжении уставилась на него. Окно было закрыто, и с улицы не раздавалось ни звука, будто весь мир замер вместе с этой комнатой. Где-то там, в другой реальности Шэнь читал любимую прозу.

«Седой старик –

Варю вино из проса.

Стучится дождь

У моего окна.
Я на судьбу
Не взглядываю косо:
В уединенье
Слава не нужна».¹⁴
– Отправляй, – сказал Денис.

¹⁴ Стихи древнекитайского поэта Ду Фу.

Глава 9

Был очень теплый для марта вечер, когда Шэнь вышел из машины. Здесь мало что изменилось с лета: те же пятиэтажки вдоль дороги – развалюхи хрущевского периода, в которых бурлила жизнь. Новоиспеченные фонари высвечивали куски земли, торчащие из асфальта во двориках. Детских площадок, правда, поприбавилось, цвет их радовал глаз, и, несмотря на поздний час, кое-где были слышны детские голоса. От остановки осталась лишь лавка, с перевернутой мусоркой. Обогнув дома, он оказался у ларька. Надпись «Людмила» и остальные плакаты на нем давно выцвели, а сам он словно бы сузился. Внутри все было, как и раньше – холодильник с мороженым и бумажными котлетами, ряды «марсов» и «обыкновенных чуд» вперемежку со сладкими часами и чупсами. Разноцветным фейерверком свисала неизменная чурчелла, за которой прятались крабовые чипсы и сухарики. Когда-то Шэнь брал по вечерам здесь теплый батон, который привозили обычно часам к пяти, бутылку спрайта и банку морской капусты.

– Бутылку минералки в стекле. Любую.

Прошло много лет. Вкусы Шэня порядочно изменились, и сладкой газировкой его не заманить. Но было видно, как выходя из ларька, он утрамбовывал в кармане глазированные сырки. Человек не человек, если у него нет маленькой

тайны....

Теперь можно и вывернуть к тому месту, ради которого он отпустил водителя и сел за руль. Асфальт заканчивался у древней таблички «Променад» с небольшой припиской об осторожности со змеями, которых тут никогда не водилось. Тонкая подошва туфель легко пропускала уколы острых камней, и он невольно поморщился, но шаг не убавил. Всего через минуту перед ним расстелилась река. Она смотрел с высоты гор на Енисеевы черные воды, широкую ленту, неизвестно куда бегущую веками, и ощущал, как к нему возвращается детская беспомощность. Он прибежал сюда в минуты нечаянных обид и жестоких слов, часами следя за утекающими водами. Туда выбрасывал он все свои горести, отправляя их в дальний путь, омывающий все. Послышался глухой стон колоколов. Он повернул голову на звук и увидел, что на соседней горе выстроили златоглавую. Хорошее место. место силы.

Шэнь стоял на краю высокой-высокой горы. Одной из тех, что поясуот город, баюкают мягкой колыбелью, материнской песнью таежных деревьев, совиным писком, медвежьими бурями. Гора опасная, обманчивая, иному шепчущая, будто он покоритель природы, ее известный повелитель. Но стоит сделать шаг, и ты летишь в пропасть, по острым, гордым камням, вспоминая о том, что ты лишь субстанция среди непоколебимых, тысячелетних преград. А можно преклонить голову, опустить глаза. И увидеть бесконечно длинную,

затянутую в многовековой философский спор, реку, к которой припадает по обе стороны пояс горный, дабы утолить жажду. Он слушает и слышит зов ее, мольбы о том, что одиночество ей не по силам, и теснее, теснее становится горная гряда, все ближе и ближе к речке.

В субботний вечер здесь обычно много народу, но к приходу Шэня от них остался лишь мусор у скамьи да едва тлеющее пепелище с заплывающим далеко привкусом шашлыка. Он присел в надежде, что тепло человеческих тел еще осталось на скамейке, придвинув мусор ближе к себе, чтобы забрать после и задумался, внимая вечернему шепоту уставшего от февраля ветра. Всего несколько дней прошло со дня этой истории, а жизнь сильно изменилась. Ему, Шэню, не впервые поступать по своему разумению, сметая все на пути, но никогда еще он сын не вмешивался в его дела.

Он вырос здесь, в маленьком сибирском городке, на склоне великой реки, где так любили они играть в детстве. Уступив родительской воле, Шэнь поступил на факультет иностранных языков, хотя мечтал о математических науках. Интерес пришел постепенно, вслед за бессонными ночами, за расшифрованными иероглифами, за первыми выученными словами. В институте его хвалили. Он был послушным и прилежным студентом, к тому же, неплохо разбирался в кино. Первым из курса он прочел без перевода Конфуция, первым посмотрел «Подними красный фонарь» без субтитров, а им болели тогда все на курсе, но преподаватель нашел ва-

риант без сабов. Отличные оценки и поручительство дека-на позволили ему отправиться по обмену в Китай, где он и встретился со своим будущим.

Семья, где он проживал, занималась пошивом свадебных платьев. Искусно вышитые кружевом, нежно-кремовые, с тончайшей фатой, при этом, продавались дешевле тех, что привозили в Россию, это Шэнь знал точно, объездив перед Китаем все магазины для свадьбы сестры. Челночники были никому не в новинку, но Шэню пришла в голову другая идея. За эксклюзивно сшитые свадебные платья невесты выложат сколько угодно, а уж если они будут «оттуда»...

Заручившись поддержкой отца, он привез несколько платьев в город и продал и в два раза дороже. Сарафанное радио сработало быстро, Интернет-покупки и свадебные салоны тогда еще не имели массового распространения, и дело пошло ладно. Шэнь сейчас имел три салона в Сибири, и вел дела в Китае с хозяином той семьи, где жил.

Для Шэня он был богом. Звали его Деминг¹⁵, и он соответствовал своему имени. Невысокий, с вечной сигаретой в руках, он шитья он не касался, но умел организовать трех дочерей и жену так, чтобы не страдали ни производство, ни домашние дела. Когда Шэнь появился в семье, у них было собственное ателье, где они прошивали по несколько платьев в неделю.

Сын Деминга учился в России, считая, что русский язык

¹⁵ В переводе с китайского – «достоинство».

для Китая – будущее, так, собственно Шэнь и оказался у него. Лицо у него было неестественно длинное для китайца, как и его брови, словно с самых гор Кавказа спустившееся на лоб. Почти всегда он улыбался, обнажая округлые скулы. Правда, улыбка эта скорее наводила ужас, нежели располагала к себе – слишком уж недобро смотрели глаза. Он будил Шэня тем, что сам рубил дрова для бани, которую выстроил в русском стиле. Два утренних часа он посвящал парилке, утверждая, что согретое нутро дает силы для работы. Помимо ателье он имел бизнес – экспорт табака и кофе. Счеты всегда вел сам и никому не доверял.

Долгое время он не замечал Шэня. Едва кивал, если оказывались за столом, а встретив во дворе, и вовсе мог пройти мимо. Часто приходил, когда в квартале гасли последние фонари, разогревал еду и долго курил едкие папиросы. Заметив однажды свет в кухне, Шэнь стал заваривать чайник и оставлять на столе. Сам он тоже не рано оказывался в постели, то досветла дописывая рефераты, то подрабатывал переводами на русский для мелких компаний.

Присутствие твердой руки хозяина ощущалось во всем: и в белоснежных, пахнущих речной водой простынях, в точнейшем до минуты распорядке дня семьи, в трех парах чистых тапочек, всегда выжидающих у входа, и много другом. Именно таким и должен быть глава дома. Он сравнивал Демина и своего отца – и не в пользу последнего. В доме у него царил матриархат. Отец предпочитал существовать под

пяткой сначала у своей матери, потом – у жены. Мама главенствовала абсолютно, пользуясь одним правилом – «никаких споров». До десяти раз за день могли услышать эти слова Шэнь с отцом, хотя и не пытались спорить. До поездки Шэню не приходило в голову того, что можно не подчиниться, во многом потому, что он считал нормой то, что было в их семье. Сестра рано сбежала замуж, сейчас уже, правда, во втором браке, потому как первый, как сейчас думал Шэнь, был просто побегом. И, глядя, как жена приносит чай распаренному Демингу, выслушивая список дел на день, он чувствовал, что прозревает.

В очередной раз думая о том, что по возвращению он женится на Ирке вопреки матери, он заливал кипяток в заварник. По правилам, первый кипяток лишь ошпаривает лист, и его надо слить. Лишь во второй раз можно почувствовать вкус листа, раскрыть чай. Сегодня, как назло, ему не повезло. Мало того, что он задержался с переводом статьи про ортоматрасы, так еще и кипятка в чайнике не оказалось. Пришлось ставить воду заново.

– Ты хорошо, Игорь.

Шэнь вздрогнул и пролил немного кипятка на стол. За столом сидел хозяин дома. Устало снял шляпу и снова закурил. Когда только вошел, ведь секунду, как отвернулся от стола? Голос у него был низкий, с подрагиванием. Вместо Игоря у него вышло «Игааал».

– Я-то все думал, жена мне так подсластить решила позд-

ние возвращения. Крутил все, думал, спросил. Она-то и сказала, что это гость наш такую услугу предоставляет. Правду говорят, рожденный в год собаки найдет себе работу.

Шэнь смущенно промолчал, лишь потом сообразив, что забыл ответить на приветствие. Глядя прямо в глаза, он поставил на стол чайник и стакан.

– Сянь-шэнь¹⁶, разогреть еду? Сегодня нюй-ши¹⁷ готовила вонтоны¹⁸.

– Окажи услугу.

Хозяин по-прежнему смотрел на него внимательно, пронзая взглядом, как угольком папироски, дымящейся у него во рту. В присутствии этого человека Шэнь ощутил себя мальчишкой на линейке первоклассников. Быстро, но не мельтеша, он достал из холодильника вонтоны и, разогрев фритюр, бросил несколько штук. Запахло маслом и рыбой. Взбил соевый соус с яйцом и парой капель жидкого кайенского перца, присыпал вонтоны зеленью и поставил перед Демингом. Тот одобрительно хмыкнул, бросил папиросу в банку и принялся за еду. Шэнь пристроился справа от хозяина, в углу стола, налив себе кружку свежего пуэра. Ему нравилось наблюдать за тем, как ест этот усталый человек: властным движением сжимает вонтон и топит его в соусе, затем целиком отправляет в рот, умудрившись не испачкаться и с хрустом

¹⁶ Сянь – шэнь (кит.) – господин.

¹⁷ Нюй – ши (кит.) – госпожа, скорее всего, из провинции Хунань.

¹⁸ Вонтоны – китайское блюдо, разновидность пельменей.

прожевывает, уже потянув следующий. Одно удовольствие! Видно было, что еда доставляет ему истинное удовольствие. Отец всегда жевал медленно, словно лошадь в стойле, при этом выражение лица у него было равнодушное, чуть ли не жалобное. Управившись с вонтонами, он снова закурил, глядя на глядя на картину с синьгой в пруду. Где-то в глубине квартала ругались соседи, верно снова обнаружив, что дочь сбежала к любовнику. Молчание прервал хозяин.

– Я уважаю трудолюбие. Вижу – до ночи работаешь, утром за учебу садишься. Сын мой не такой получился. Говорит много, успеваешь мало. Нет в нем страсти к работе. Все на другого перекладывает, а другой так не сделает, как я сделаю. Верно, в отца жены, он политиком хотел стать. – Деминг помолчал немного, выпуская дым в пустоту, а Шэнь не дышал, слушая его. Он впитывал каждое слово хозяина, впитывал так, как может впитывать только тот, кто не получил напутственного слова от родителей. – Сяо хо-цзы¹⁹, ты не меняй характер, не слушай никого. Верной дорогой идешь. Если спотыкаешься, то умнее станешь, кочки только запоминай. Если ни разу не споткнулся, то и не поднялся ни разу. Если не споткнулся ни разу, то и не рассыпал ничего, не прорастет нового, не за чем будет ухаживать. В такой жизни смысла нет, разве что землю нагружать... – голос у него дрогнул, и он оборвал сам себя, – ночь на дворе, вставать рано. Пойдем в постели. Все чай твой, душу бередит. Ни у кого

¹⁹ Сяо хо-цзы (кит.) – обращение к молодому человеку.

такой чай не выходит. Отправлю жену к тебе обучаться, – и он засмеялся чуть сиплым своим смехом.

С того дня Шэнь твердо решил стать таким же, как хозяин дома. На русское имя откликаться перестал, предложил выдать дочерям Деминга новое имя для себя. С девочек обычно спрос невысокий, потому и нарекли они его именем симпатичного актера. Шэнь по-прежнему рано вставал, трудился допоздна, изредка пил с Демингом чай, звонил родителям и покупал по утрам жареные блины. Но что-то в нем неуловимо изменилось. Если бы он чаще смотрелся в зеркало, то понял бы, что глаза его изменились. Он сужались, как глаза кошки во время охоты. В них сквозила жесткость. Мужское «я».

Сегодня он может гордиться собой. Собственный бизнес здесь и в Китае, коттедж по личному заказу, машины. С Демингом он так и ведет дела, но общение у них уже совсем другое – на равных, по – партнерски. Бесконечно Шэнь ему благодарен за те вечера с чаем, когда тот обучал его жизни, подталкивал к переговорам в России. Шэнь так и не понял, как ему удалось уговорить отца скрыть от матери их авантюру с бизнесом. Когда она узнала, шла уже пятая партия платьев, раскупленных по предзаказу. Мама закрылась в кухне и не менее часа плакала, гремя кастрюлями и холодильником. На ее языке это означало: «тружусь для вас, себя не жалею, а вы...». Отец, ранее взявший на себя смелость промямлить матери краткий рассказ о их бизнесе, сидел на тумбоч-

ке в коридоре, обхватив руками голову. По семейному сценарию Шэнь должен был как обычно поскрестись в дверь и сказать, что они осознали ошибку. Он стоял в коридоре, раздумывая. Отец по-прежнему сидел на тумбе, боясь поднять голову. Внимательно посмотрел на него сын. На его пальцы, в один из которых впилося обручальное кольцо. На пять мужских шарфов, узлами завязанных и висевших на крючке. На арсенал красных губных помад, застилающих зеркало. И громко постучал в дверь кухни.

Она была уже не закрыта.

– Мама? Мама? Я не понимаю, что за реакция. Мы сообщили тебе в тот момент, когда об этом уже стоило бы говорить. Если бы дело не зашло, платья не продались, какой смысл обсуждать?

Он стоял в дверном проеме и, когда она обернулась от холодильника, уткнулась в его глаза, которые блеснули желтым. Сын показался ей чужим, и в атмосфере витало нечто странное. То, чего она еще не могла уловить. Ничего, сына я знаю. Когда они спорили о его поступлении, он тоже сначала упирался.

– Из тебя и из отца плохие продавцы. Не зря же я тебя отговорила от математики, я всегда знала, что в тебе сидит гуманитарий. Просто он дремлет, и ты не слышишь его. Твоя задача – разбудить, вывести его на передний план. А ты подвизался торговать. И чем? Ширпотребом. Безвкусицей. Китайскими подделками.

На губах Шэня заиграла нехорошая улыбка, словно мама сказала то, что ему и нужно было. Она поежилась от неясного предчувствия. Ей стало страшно, потому что она наконец поймала то, что витало вокруг – его спокойствие. Уверенность. Барьер.

– Китайскими, мама, правильно. Ты же мечтала о Китае. Бредила им. Говорила, что знать китайский язык – выгодно. Я предлагал тебе французский, но ты выбрала то, что выбрала. И я взялся за него. Прилежно, настолько прилежно, что уехал туда учиться. Сейчас твое «выгодно» начало работать. И я не собираюсь останавливаться, потому что тебе не нравятся торгаши. Мама, замок золотой клетки, в которой ты держала семью, проржавел. Как и сама клетка. Прими, пожалуйста, все как есть, и не пили отца из-за пустяка. Из-за того, что он один раз в жизни поступил как мужчина. И не плачь. Я видел слишком много слез, чтобы в них верить.

Отойдя подальше, она посчитала до десяти и сказала:

– Нет, ты бросишь эту чушь и будешь заниматься наукой. Когда я отправляла тебя на факультет, думала, что ты напишешь докторскую, станешь профессором. Профессором, а не челноком. Что я скажу подругам? Что мой сын, сын лингвиста с тремя высшими, занимается скупкой и продажей? Ты не посмеешь меня опозорить!

Она выкрикивала ему эти слова, и маска интеллигентной, умной женщины слетела с нее. Осталось лишь высокомерие в луже хабальства, пытавшегося прикрыться аристократией.

– Зарабатывать деньги стыдно? Стыдно сидеть ровно на заднице, изображая из себя дворянина, – холодно сказал он.

Отец давно стоял у дверей кухни, не решаясь вмешаться в спор. Он видел, что происходит нечто невероятное. Тот самый последний день Помпеи, утро которого было еще столь ясным. И уже неважно, что в духовке догорал стейк в хлебе. Мама прижала к себе сковородку, защищаясь от неотвратимого, и прошептала:

– Ты не пойдешь против матери.

Улыбка Шэня, то, как он одной рукой опирался на стол, сунув вторую в кармане говорили о том, что разговор его скорее забавляет, нежели пугает, говорили об обратном.

– Тогда, – она поставила сковородку на плиту, сняла очки и внимательно посмотрела ему в глаза, – наш, – она подчеркнула, – наш дом будет закрыт для тебя. Я ничего не желаю знать о человеке, который уподобился нищим безграмотным уродам с китайского рынка.

Отец всхлипнул и попытался ухватить Шэня за рубашку, когда тот выходил из кухни.

– Я тебя тоже очень люблю, мама, – крикнул он уже в пороге.

Вслед за грохотом колесиков чемодана дверь захлопнулась. Он вышел победителем из этой игры.

С отцом еще первое время поддерживал связь, но каждый раз их встречи обставлялись, словно шпионские. Он боялся включать телефон, боялся выйти с ним в кафе, боялся, что

однажды мама его раскроет. И Шэню все реже хотелось поделиться с ним очередной радостью. Когда родился Роман, Ира настояла на том, чтобы обрадовать родителей. Он уступил и позвонил матери. Выслушав его сообщение, она сказала: «Взялся плодить безграмотных арапчонков? Удачи. Кстати, отцу тоже неинтересно, на ком ты там женился». Шэнь понял, что отец сдался и рассказал матери об их встречах. Больше он их не беспокоил. Они сами выбрали путь.

Вечер догорел, превратившись в ночь наступающего дня, но он не замечал их, погрузившись в воспоминания. Холод не ощущался, только где-то подвывали голодные собаки, не дождавшись шашлыка. Кратко бренькнул телефон, оповещающая о сообщении в воттсапе.

«Уложил спать. От ужина отказался, говорить не хочет».

Значит, Иван не смог переубедить его. Что ж, наверное, так будет лучше. Лучше опуститься с небес на землю в юном возрасте. Тогда будет проще добиваться поставленных целей. Шэнь достал трубку, чего не делал уже года три, и набил ее табаком. От дымка заструилось тепло и легкий аромат кофе, вызвавший из темноты бесхвостую собаку. Она осторожно улеглась у его ног, и он не прогнал. Шэнь перечитывал пост, который разрушил спокойствие его сына.

Конечно же, он встречался с этой девчонкой, тут и врать нечего было! Охрана Шэня никогда не ошибается. Удивительно, что он рассказала об этом в соцсетях. Ведь ему, Шэню, ничего не стоит закончить историю одним звонком.

Однако затея становится опасной. Под оригиналом поста светится девять тысяч перепостов. За полдня!

Собака подняла голову и повела носом. Мимо пробежал молодой человек в спортивном костюме, один из тех, кто разбивает колени, пропагандируя здоровый бег. Роман тоже хотел бегать по утрам, но Иван посоветовался с врачами и заменил бег на скандинавскую ходьбу. Роман ее бросил, посчитав «нетрендовым пенсионерским занятием». Шэнь улыбнулся, вспомнив, как Роман приспособил палки под подпорку для шалаша, и тут же нахмурился. В голове, вопреки желанию, звучал голос сына.

– Нельзя так поступать с людьми, они же не животные, папа!

– Разве с животными можно поступать плохо?

– Ни с кем нельзя! Отпусти его девушку!

– Почему ты решил, что это я? Вполне возможно, она действительно где-то отдыхает, никого не предупредив.

Шэню понравилась стойкость сына, но вместе с тем и пугал его напор. На какой-то момент он вдруг увидел в карих глазах сына мамин взгляд и по-настоящему испугался. Он оказался на той самой кухне, где томился стейк в хлебе. Они стояли, глядя друг другу в глаза, и вновь он чувствовал, что жалость может заставить его проиграть битву.

– Не смей! – крикнул он, потеряв самообладание. В ту же секунду видение исчезло, а на него месте остался мальчик. Мальчик, неправдоподобно высокий, но все-таки ма-

ленький. Его напугал голос отца, но он продолжал бороться со всеми силами тигренка, впервые попавшего в джунгли.

– Не смей, – повторил он. – Ты не имеешь права обвинять своего отца ни в чем. Тебя это совершенно не касается. Это мои. Взрослые дела. – Шэнь немного успокоился и взял прежний курс.

– Ты снова поступишь так, как хочешь? Ну хорошо. Тогда и я буду делать также. С сегодняшнего дня я тебя не знаю. Не вижу. И никого не вижу. Не буду разговаривать с тобой больше. И ни с кем. И есть больше не буду. Вот! – припечатал Роман.

Он отправился в комнату, не оглядываясь ни на кого и не отвечая на Ивановы утешения, хотя, видит Бог, именно ему не отвечать было сложнее всего.

Шэнь раз за разом проигрывал в голове сцену и не мог понять, что его так гнетет. Он надеялся, что Ромка остынет, поняв его, а, может, и поддержит, как было всегда, но предыдущие споры не оставляли такой глубокий след, не задевали его. Ему не хотелось признаваться себе, что его выбило из колеи воспоминание. Одно-единственное воспоминание, которое восстало в сыне. И этого было достаточно, чтобы отвернуться от него. Но как он может отвернуться, как может предать своего наследника? Разве так поступают на Востоке? Была бы девчонка....

Средняя дочь Деминга вышла замуж против его воли. За мужчину, который ушел от прежней жены, оставив троих сы-

новой без наследства и средств к существованию. У него не было работы, да он и не искал ее, предпочитая сидеть на шее у женщин. Он, толстый, с вялыми пальцами, удовлетворенно насыщался лапшой и уже подсчитывал, сколько принесет прибыли ателье тестя. Деминг же, человек, не терпящий лени, поставил условие: прогнать мужа, или терпеть, но уже не в его доме и не в его семье. Так Демингу пришлось искать работницу на пошив платьев. В семье о ней не вспоминали, и только изредка жена спотыкалась, называя количество дочерей в доме.

Бесшумно, не потревожив пригревшуюся на углях собаку, он отправился назад к машине. Церковь на соседнем пригорке уже спала, но золото колоколов блестело и в темноте, указывая путь. В тишине спящего района слышно было, как раздается второй, рабочий его телефон.

– Что-то срочное?

– Срочное, хозяин. Видели, какая волна поднялась? Оставлять ее здесь опасно, нужно что-то придумать. Могу придумать насовсем.

– Нет, сейчас не надо. Перевози ко мне. Оставим в зазеркалье. Прямо сейчас.

– Сделаю.

Собрав волосы в хвост, он открыл бардачок, но обнаружил лишь пустую бутылку из-под пепси. Роман, должно быть. Сам он предпочитал мятную воду, но запасы закончились. Развернув машину в сторону дороги, он увидел сбоку соба-

ку. Ту самую, что пришла к нему. Она сидела у таблички «Променад», не шевелясь, словно статуя. На секунду ему показалось, что из темноты на него глядит отец.

Из дневника И.Б.

Сегодня я официально превратился в бродягу. Босяка, врага советской власти. Вот, даже слово «советской» написал с маленькой буквы! Хотел было написать, что не верится, но, наверное, последние дни я сам к этому шел. Работа в банке перестала меня интересовать. Какой смысл играть с облигациями, которые ничего не стоят? Финансовых операций уж давно нет и все, чем мы занимаемся – собираем дань у крестьян и еще не раскулаченных купцов. Нет, конечно, не совсем я без работы – должность комиссара за мной оставили, но обязательства мои выполняет Кобылкин, я же только иногда роспись ставлю.

Наверное, это никуда не годится, но себя привести в чувство никак не можется. Одиннадцати лет я работать нанялся в торговый дом, и с тех пор не бездельничал, а вот по-ди же ты, занялся. Встаю утром, когда побреюсь, когда позавтракая, а иногда каким есть с ночевки, выхожу в люди и брожу по городу. Он опостылел мне, чужд, но и уехать не могу. Она – здесь. Пропагандировала пожарным Советскую власть, учила мальчика Гадаловых, работала в фельдшерской, если требовалось. Мы забирались в небеса к Параскеевой часовне и часами смотрели на город, разлегшийся в низине. Помню, как мы пили кефир в беседке на Гремячем ключе, и она смеялась над моими усами. Неужели не будет

больше этого?

Глава 10

– С собакой нельзя! – предупредил охранник на входе, кивая на рыжую мелочь под ногами.

Денис оглянулся на Марину и спросил:

– Простите, с какой собакой?

Уже раскрыв было рот, охранник глянул на место, где только что обреталась небольшая псина из новомодных пород для дам и не увидел ничего, кроме кроссовок и высоких сапог. Пробормотав что-то вроде «надо взять отгулов», он посторонился. Марина и Денис аккуратно переставляли ноги, боясь оступиться на крутой ступеньке, ведущей в подвал.

– Ваше это телевидение как тюрьма, честное слово, – проворчал Илья, явившись под потолком.

– Тебя тут вообще не должно было быть, – сказала Марина, невольно улыбнувшись.

Столько всего произошло в ее жизни за эти дни, как не целую жизнь прожила. После сообщения, пущенного стрелой в сеть, они словно замерли. Можно было проверять каждую секунду ноут или, на худой конец, оповещения в смарте, но страх сковывал. Боялись того, что никто не поверит, что тот человек, который похитил Алису, удалит сообщение или, того хлеще, позвонит им. Но минуты шли, а в квартире было слышно лишь тяжелое дыхание голодного Ильи. Продукты в холодильнике закончились, и готовить было не из чего. Ма-

рина прилегла, и периодически проваливалась в сон, но тут же просыпалась от мыслей – иголок.

– Сгоняю в магазин, – не выдержал Денис. Быстро накинув мантию и кроссовки, он ушел из дома.

Марина и Илья остались вдвоем.

– Я, наверное, вызову такси. Хочется принять ванну, а вещей я с собой не захватила, – сказала Марина, разглядывая портрет Рафаэля на стене.

– В ванной есть чистые полотенца, я постирал, – ответил Илья. Луч солнца высветил лицо, и он напомнил Марине однокурсника, которого она очень любила. Только тот не стирал полотенце. – Но, если хотите свои вещи, могу предложить свою помощь.

В этот момент раздался звонок в дверь. Очнувшись от сна, они удивленно уставились на дверь. Денис? Забыл ключи? Марина по давней привычке брать на себя все, поднялась первой.

Ветров побаивался нового приобретения Дениса, и идти не хотел, но душа его, опаленная холодным южным ветром, не выдержала, и он решил погреться. Он взял мусорный пакет, надеясь отогнать пса, если тому вздумается и уже впустил воздух в легкие для привычного приветствия. Но глаза его выхватили распущенные волосы темного цвета. Опустив голову ниже и сфокусировав взгляд, он увидел существо невиданной красоты, светившееся изнутри ярким, но холодным светом. И ноги, ноги точеные! Когда-то у него бы-

ла похожая... Тоже любила волосы по плечам раскидывать. Икнув, он вежливо поинтересовался

– Хозяин где?

– Тебе какое дело? – грубо ответила Марина.

Алкашей она не боялась, в их подъезде подобных субъектов было достаточно. Этот, правда, отличался относительной молодостью и набором золотых зубов.

Ветров понял, что Дениса дома нет. Приличия требовали сохранять достоинство, потому как особа смотрела на него со все возрастающим подозрением, и, набравшись наглости, он важно произнес:

– Я по делу.

– По делу. Сигареты отнимать прищуровал. Знатный товарищ. Денис его давненько привечает, вон, даже пачку сложил на обувницу. Справа, справа поищи, – посоветовал Илья.

Коротко вскрикнув, Ветров попятился.

– Хозяйка, псину приструни, меня одна такая покусала, так чуть заражение не получил. Чем я им не нравлюсь? Тоже, видишь, лает.

Марина нахмурилась. Белочка. Не хватало еще, чтоб алкаш драться начал, чего доброго, убьет еще, вон какой пакет увесистый.

– Вали, вали, и пореже навещай. Товарищ, – выплюнул последнее слово Илья.

Ветров бросил пакет и рванул по лестнице вниз, уже на

ходу крикнул:

– Передай Денису, пока шавка у него, я его не знаю!

Из квартиры напротив вышла замученная женщина лет сорока. За ней вереницей выкатилась стайка ребятишек. Увидев открытую дверь, они тут же, не стесняясь, вбежали и бросились напрямиком к Илье. «салом, Ли!», «привет!», на разных языках балагурили они.

– Красавица, здравствуй. Дениса-то надолго нет дома? – спросила женщина хриплым голосом. Несмотря на весну, на ней были босоножки, а голова явно давно не встречалась с парикмахером.

Женским чутьем, рано проснувшись материнским, Марина угадала в ней одиночество, граничащее с отчаянием, и постаралась вложить в голосе тепло:

– Скоро вернется, в магазин ушел.

– Ай, несложно, пусть у тебя побудут, придет – домой отведет, я через два часа вернусь, срочно надо, – торопливо заговорила она, умоляюще заглядывая в глаза Марине.

Она ведь меня всего лет на пять старше, внезапно подумала Марина. А на шее и лбу морщинки, руки с выпуклыми синими венами, и некрасиво выпяченный живот – последствия многочисленных беременностей. Она кивнула, проговорив, что покормит детей и присмотрит, не волнуйтесь, делайте дела и с ужасом закрыла дверь. Сколько же одиночества в мире...

– Илья, – окликнула она.

В хаосе событий она совсем забыла, что не одна в квартире, и теперь надеялась, что он поможет ей с этой ватагой, в которой, то ли пять, то ли шесть человек. Они барахтались на ковре, который, видно, достался Денису от хозяина, судя по ярко-красной расцветке. Явная подделка под Индию, побывавшая в каждом доме России. Суматоха была настолько сильной, а клубок настолько тугим, что она не сразу разглядела в ней собаку. А, увидев, вскрикнула.

– У вас что, еще и пес с собой? – спросила она.

Из кучи-малы высунулась голова.

– Ты чего, это ж денисов новый пес, Ли зовут. Ты как не отсюда!

– Ты не воровка случайно? – высунулась другая голова, видимо, самая старшая, судя по ломающемуся голосу

– Женщины! Видят только себя! – Глубокомысленно пискнул еще кто-то из кучи, и они снова вступили в борьбу.

Вошедший в квартиру Денис едва успел подхватить падающую прямо на обувницу Марину. Он утолкал ее в ванную и посадил на унитаз, молча и требовательно глядя в глаза. Девушка была белее полотна и хватала ртом воздух. Включив воду, он вытер ее прохладным полотенцем, от чего с лица сошли остатки макияжа. Это не сделало ее дурнее, ничуть, разве что печать бессонницы проступила под глазами и обнажила морщинку у рта, которая свидетельствовала о том, что Марина улыбается чаще, чем показывает. От прохладной воды девушка пришла в себя и просипела: «Собака... Соба-

ка...». Достав из вентиляции пачку «на крайний», Денис сел на ванную и щелкнул зажигалкой. В ее зелени блеснул желтый огонек, и вверх поплыл дым с ароматом цветов.

– Учитывая, что он явился тебе в человеческом облике, я надеялся, что не придется кое-что объяснять. Но, – его перебил звонкий лай, – теперь понимаю, что придется. Пожалуйста, не подумай ничего такого. Я не сумасшедший, и ты тоже. Илья свалился ко мне из какого-то измерения. Сначала я решил, что сошел с ума. Но, как выяснилось, его вижу не только я. Значит, либо это коллективное помешательство, либо он существует. И еще он меняет облик. Кто-то видит его собакой, кто-то – человеком.

Марина закрыла лицо руками. Голова кружилась. Первой мыслью было – плеснуть отбеливателя Денису в лицо. Ей итак тяжело, а он еще и чушь собирает! Но этот алкаш... И дети... И этот лай... Она пожалела, что разучилась плакать. Тогда, на родительских похоронах, поднимаясь в кладбищенскую гору, проезжая одну за другой ритуальные конторы, утверждавшие, что смерть может быть красивой, просто нужно принять ее, она решила, что ни одной слезы не уронит больше. Так и было эти годы, но напряжение дней скопилось, и теперь, не находя пути, сжигало ее внутри.

– Знаешь, а я подумала, что вы – голубоглазые, – внезапно сказала она и расхохоталась.

– Какие? – ошеломленно переспросил Денис. – С чего тебе это показалось?

– Диван у вас один, – ответила Марина.

Илья стоял рядом с Денисом, разглядывая, как ему рисуют брови.

– Столько краски ради пятнадцати минут.

Паршивец ты, подумал Денис, знаешь, что ответить не можем. Он наблюдал, как Илья, элегантно обруливая девчонок– стилисток, шарился по косметичкам на столе. Он потрудился и слетал за одеждой Марины, успев при этом завернуть в очередной отдел мужской одежды, и выглядел, честно сказать, ярче Дениса. Костюм – тройка как-то облагородил кудри, и даже нос картошкой в отблеске темно-синей ткани смотрелся серьезно. Будто с картинки «Вог» сошел, чесслово. Наконец Илья устал передвигаться по метровой комнатке и, прихватив журнал, уселся почитать. Марина с восхищением посматривавшая на него, приснула. Похоже, он ей действительно понравился. Вот уж точно, самые клоуны не остаются без девчонок.

– Что у нас на повестке дня? Правила успешной жизни. Итак, почнем, – Илья заложил ногу на ногу и откинулся на скрипящее компьютерное кресло. – Вставайте на двадцать минут раньше обычного. Ну да, я так и делаю, встаю на час раньше. То в банке беда, то бабке письмо писал, полы мыть надо. Что еще из умного? Делайте действительно то, что вам нравится... Кхе-кхе... Пейте воду и ешьте медленно... Блин, видели бы они, как Авдотькин приехал с Петрограда, метел все, что есть с тарелок, после голодухи. Выбрасывайте

весь хлам из дома. Возьму и выброшу фуражку и ручку, все, что осталось от жизни моей. Если человек ничему не может вас научить – оставляйте его смело. Отличный совет! У нас обычно расстреливали... Надувало одно, а не правила. О! – вскрикнул он так, что Марина подпрыгнула в кресле. Стилистка промазала с тушью, и теперь у бровей Марины красовалось черное пятно. – Иногда позволяйте себе просто лениться. Отпишу бабуле. Мол, бросай корову, просто поваляйся, что ты к ней бегаешь дважды в день!

Денис с усмешкой слушал балаган. Как ребенок, честное слово. У каждого времени свои традиции, у них и напряга такого не было, как сейчас, и требовали от человека не так, как сейчас.

– Запомни, Денис, времена всегда одинаковые. И люди не меняются. Думаешь, у нас подобного барахла не издавали, вроде подробных листов, сколько часов в день надобно на баню интеллигентному человеку тратить? Просто понять не могу я, вы, вроде, умнее нас будете. Как это? Просвещеннее. А такой ерундой маетесь! – прошипел почти у его уха Илья и испарился.

Марина заметно волновалась и, когда режиссер вызвал их в студию, несколько раз перекрестилась тайком. Денис невольно ею залюбовался. Что ни говори, а женщине настроение задают одежды. На запись она надела серебристую юбку – карандаш и персиковую блузку с пышными рукавами. Волосы забрала высоко на затылке, открыв скулы. Стилист

угадала ее намерение и подчеркнула их в тон блузке, добавив Марине беззащитности. Денису мантию надеть не разрешили. Из чистого дома была только коричневая футболка с крыльями на груди, ее и надел. Редактор усадил их в пурпурные кресла-мешки. Ведущий стоял полубоком к нему, опираясь на стойку. Он сразу не понравился Денису своими выскомерно бегающими глазенками. И еще эта дурацкая борода – лопата. Он реально думает, что выглядит взрослее?

Закончив изучать гостей, он стряхнул с пиджака крошки и важно сказал:

– Сначала я задам несколько вопросов, а потом вы выступите со своим монологом, имейте ввиду, не больше десяти минут у нас на все про все.

Марина, прищурившись, посмотрела на камеры. Ведущего явно задело отсутствие внимания к его персоне, и он добавил:

– Благодарите Евгения, что мы подвинули балетный сюжет. Не забудьте, времени мало.

– И не забудь сказать, что ты басалай и упрямый бурдюк, – сказал Илья.

– Свет, камеры готовы? До эфира три, две, одна секунда. Начали!

– Добрый вечер! – начал ведущий, чуть приподняв подбородок.

Марине он понравился – невысокий, обаятельный, один из тех котов Матроскиных, которых даже мода на бороду ло-

патою не портит. Джинсы только вот портили весь облик, чересчур обтянув ляжки. Вот только уж слишком обтягивали.

– Добрый вечер! С вами Григорий Тучнев, и наши вечерние «Интересности» на шестом канале. Сегодня мы начнем с чрезвычайного сообщения, с непривычной темы для нашей передачи. Эта тема больше подошла бы новостям, но она столь животрепещуща, что лишний час ожидания может обернуться большой бедой! Соцсети сегодня сотрясены репостами о похищении девушки, и мы не смогли остаться в стороне!

«Да – да, правда, вышли вы со стороны только, когда Евгений позвонил. И то, потому что ты его одноклассник», – снова влез Илья. На экране появился пост Дениса, а ведущий тем временем продолжал:

– Двадцать первый век, век гуманизма, компромисса и договоренностей. Могли ли мы поверить, что такое произойдет в нашем городе? Молодая девушка похищена незнакомцем, который мстит за свою честь. Это больше похоже на сюжет голливудского фильма «Якудза возвращается».

Денису захотелось громко заржать, но он сдержался. Ведущий, сделав скорбное лицо, повернулся в сторону кресел – мешков, в которых утопали гости.

– Марина, когда исчезла Алиса?

– Трое суток назад.

– Вы уже подали заявление о пропаже?

– Да, по дороге к вам заехали в полицию. Нас встретили

доброжелательно, спасибо им.

Ведущий повернулся к камере в профиль, отчего стал больше похож на горного козла, нежели на мужчину и безразлично продолжил:

– Наши корреспонденты успели взять комментарий у пресс-службы КГВД, и они подтвердили, что в большинстве случаев заявление они имеют право принять на рассмотрение только после прошествии трех суток. Исключение составляют пропажи детей, а также случаи, когда прямые улики, подтверждающие наличие несчастного случая, убийства или недееспособности пропавшего.

– Ну до чего пафосный, – пробормотала сквозь зубы Марина.

– Денис, что же все-таки произошло? Почему вас преследуют и за что вашей девушке досталась такая судьба?

Наступила минута, которой Денис боялся более всего. Сейчас нельзя фальшивить, нельзя пугать или бояться самому. Аккуратно. Осторожно.

– Знаете, ей пока еще ничего не досталось, мы здесь для того, чтобы не случилось никакой судьбы. Многие уже знают, что я работал контент-дизайнером в паблике «Шутки-фм». Кстати, ребята, несмотря на то, что вы меня так трусливо уволили, я не перестаю вас любить, даже рекламу вам сделал в прямом эфире. Я не считаю, что кого-то оскорбил или унизил своим постом, я всего лишь использовал в рабочих целях шутку, которая давно гуляет по Интернету. И

уж, если на то пошло, то мне надо отвечать, а не беззащитной девушке, которую сейчас прячут и, возможно, издеваются над нею. Я хочу обратиться ко всем жителям нашего города. Если вы видели ее, если у вас на чердаках, в подвалах есть нечто подозрительное, пожалуйста, не стесняйтесь звонить в полицию или писать мне. На счету каждая секунда! И, конечно, я хочу обратиться к тебе, таинственный псих, испортивший жизнь мне и стольким людям. Рядом со мной сидит ее сестра. Алиса – единственная, кто остался у Марины, их родителей давно нет в живых. Неужели у тебя поднимется рука разделить их навсегда? Я призываю тебя остановиться, пока не стало совсем поздно. И предлагаю: если уж тебе настолько важно защитить честь самурая, то выходи со мной на битву. Я готов ко всему. Все.

Он кивнул ведущему и отключился. Слишком велико было напряжение, его захватывал ураган эмоций.

– Отец звонит, – сказал Илья.

Эфир уже закончился, и ведущий любезничал с Мариной, которая рада была отвлечься от беды и погрузиться в обычную среду. Илья возник, как обычно, из ниоткуда и смотрел в сторону девушки, так что было непонятно, необычайно серьезный тон относился к ней или к звонку. Представив, что еще и с отцом объясняться, Денис шумно вздохнул, выдыхая очередной комок нервов. Не зря же говорят – не держи в себе. Экран показывал пять пропущенных. Многовато. Что ж, неудивительно. Всем рассказал, а родителям нет. Их

отношения были другими, по крайней мере, до его переезда. Родители считались с его мнением, его желаниями и, в меру возможностей, стремились поддержать. Папа был уверен, что мужчина воспитывает мужчину и ухитрялся сбегать с очередной работы пораньше, чтобы провести время с сыном. Когда Денису было двенадцать, они отбили у пьяных подростков, снимавших на раскладушку видео, двух котов. Остальных те успели бросить с моста. И котов отбили, и папе почки, но Денис гордился им страшно. Мама их почти не ругала, только всхлипывала тихонько, набирая номер скорой и перевязывая обожженные кошачьи лапки. Сейчас Перс и Бурс серьезные рыжие коты, отлеживающие родительскую кровать. Папа иногда делает себе дюбажи и грелки, и гордится собой страшно.

– Папа, не было времени позвонить, но я...

– Мама пропала.

Отец говорил почти шепотом, что свидетельствовало о том, что он сдерживает слезы. Черт. Не может быть. О, Господи, он, дурак, поверил, что китаец испугается, а навредил еще сильнее.

– Утром ушла на работу. Недавно позвонили, мол, почему не на смене. А я знать и не знал. Всю квартиру обыскал, ни записки, ничего. Вещи на месте. Только сумочка и документы.

– Ты телек, значит, сейчас не смотрел? – уточнил Денис.

– Да какой там телек? Че делать-то? Я уже всех обзвонил,

нет ее. Недоступна. И Перс с Бурсом все орут, беду чувят.

– Папа, послушай. Ты сидишь?

Марина с Ильей сидели в машине, ожидая, когда Денис закончит скорбный рассказ. Уже темнело, но Марина видела, что Денис слушает явно неприятную информацию. На лице его такая смесь чувств... И страх? Темно-синий Форд фокус она подарила себе совсем недавно, на пятилетие работы в фирме. Удастся ли вернуться туда после этой истории? Она намеренно не включала телефон и не выходила в сеть, избегая любых квохтаний. Если по делу, то и до Дениса достучатся, а объяснять у Марины не было сил.

Илья с восторгом, но аккуратненько присел на мягкое сиденье. Огляделся и одобрительно сказал:

– Хорошая машина. И по хозяйству, и сесть приятно. Небось много работала?

– Много. Я люблю работать, – ответила Марина.

Ей удивительно нравился этот нескладный человек. Теперь, когда она знала, кто он, стало проще воспринимать странности. Его попытки модно одеться, весьма, кстати, удачные, его привычка толсто резать хлеб и еще толще колбаску и доедать все до последней капельки вызывали у нее умиление. Он был одновременно абсолютно невинен, как дитя и, в то же время, говорил серьезно и взросло. Ни один из ее мужчин не одобрял ее любовь к работе, чистоте, порядку. Валера, например, сказал однажды, что она мешанка. Ни тебе саморазвития, ни страсти к путешествиям, ни большой

любви к вечеринкам. Марина же считала это пустой тратой жизненной энергии. И ей понравилось, что Илья с ней согласен.

– Давай почитаем, че народ пишет?

Они открыли ноут. Марину окатила горячая волна. Девять. Девять тысяч человек не остались равнодушными! И пусть комментарии были в основном «поболтать», им удалось создать волну!

«Я в шоке, двадцать первый век, и тебя могут убить за ерунду!»

«почему полиция бездействует? Как обычно, все сами должны делать»

«сам виноват, нехрен было лезть на постамент щас бы не было такого».

«а камеры уже просматривали? По любому там что-нибудь засветилось».²⁰

На почте было несколько писем, в частности, от волонтерской группы «поиск пропавших людей», с предложением обыскать возможные места появления Алисы, реклама-спам о психологической помощи по телефону. Какой-то чувак представился фсбшником и сообщил, что может по модели телефона пробить местонахождение Алисы.

Илья с большим интересом открывал письмо за письмом, у Марины же быстро заболели глаза, и она откинулась на сиденье. Только цифры могли занимать ее бесконечно.

²⁰ Орфография и пунктуация комментариев сохранена

– Знаешь, а я и не думала, что столько людей откликнется, – глухо сказала она, натянув пониже юбку. Кондиционер она забыла включить, а тянуться было лень.

Илья удивленно посмотрел на нее:

– Почему? Что странного в том, что другие отозвались на беду? Будь в мое время такая штука, мы бы, может, и в революцию не сунулись, и народу меньше поубивало. Раз написал, два стер, и нет скандала. И узнавать все можно. Я смотрю и завидую. Ашеулов²¹, конечно, много, но народ все равно жалостливый больше.

– Какой же ты, Илюша, наивный, – Марина назвала его ласково, и сама испугалась, взяла тон пожестче. – Неужели ты думаешь, что сеть в твоё время использовали бы во благо? Вожди бы и использовали, чтобы к своей цели привести. Да и у нас н не лучше. Но не в том проблема. Просто мы захлебнулись в потоке информации, понимаешь? Нас слишком много. Вот у вас там Троцкий бежал, так новость была ого-го. А у нас каждый день кто-то где-то откуда-то убегает. Одного ты запомнишь, двоих? На третьего уже рукой махнешь и пойдешь кофе пить. Нет, Илья, это чудо, что людей заинтересовала наша история. И будет чудо, если Алису найдут.

Дрожь в голосе Марины заставила его поежиться. Он прижал ее к плечу и закрыл глаза, слыша вновь крики и хрип коня. И свист сабли....

²¹ Ашеул (древнесл.) – тот, кто издевается.

– Записи с камер пропали.

Денис брякнулся на переднее сиденье, шумно хлопнув дверью. Он, казалось, и не заметил, что сидевшая сзади парочка мирно задремала.

– Мне звонил из отдела по розыску пропавших тип, Антон Васильевич. Сказал, делают все возможное. И волонтерам я дал отмашку, они лес возле универа прочешут, как рассветет. Других новостей нет?

Он наконец оглянулся и смерил взглядом очередное одеяние Ильи. В этот раз на нем красовалось что-то вроде тельняшки, только с высоким, как у пальто, стоячим воротником. Небрежным узлом стянут бледно-коричневый шарф, а на голове красуется водительская кепка. Ни дать, ни взять, Рембрандт.

– У нас нет, а у тебя?

– Он забрал маму, – просто сказал Денис.

Ахнув, Марина сжала руки, прислонившись к Илье.

– Отец сказал, что обзвонил всех, и никто не знает, где она. До работы не дошла. Это он. Так что, – он горько усмехнулся, – тебе, Марин, не упрекнуть меня в том, что у меня нет заинтересованности.

Марина заставила себя сесть за руль и покатила по темным улицам. Уже включили вечернюю подсветку, и мост переливался красными и фиолетовыми огнями. Вода тихо плескалась, отдавая паром тепло. Где же ты, Алиса? Впереди образовалась небольшая пробка, двое резвых парней не по-

делили одну полосу. Кто ты, псих, который не жалеет людей? Наконец показался дом Ильи, скучная пятиэтажка в глубине двора.

Все это время в машине царило напряженное молчание. Илья забрал из кармана Дениса смартфон и смотрел вечерние новости, возмущенно качая головой и время от времени восклицая: «Лису дома поселил! С ума сошел!», «Большой домишко отгрохал себе!». Денис, не реагировал. Он смотрел в окно, на миллион маленьких огоньков, пробегающих мимо машины. Где-то там, в одном из огоньков, затерялась мама. Ему хотелось отвлечься от мыслей, от воспоминаний, что вдруг стали наслаиваться одно на другое, но телефон был во власти Ильи. И он послушно позволял памяти доставать из уголков истории, давно похороненные под ворохом роликов и макетов.

Ему семнадцать, и он решается на первую татуировку – знак кадетов из «Атаки титанов». ²² Она размером с пуговицу, на лопатке, и ему успешно удастся скрывать ее в течение года. Но грызет его, так не хочется обманывать в простых вещах! И он сознается ей на одном из праздников. «Я знаю. Видела, когда ты футболки летом мне показывал», – спокойно ответила мама. На его растерянный вопрос, а почему не прокомментировала, также спокойно ответила: «что это изменит?»

Отец завел на работе интрижку, а он, тринадцатилетний

²² Денис набил себе крылья.

долбанец, узнал об этом, прочищая папин телефон от кэша. Вряд ли было умным, но он пошел и рассказал матери. Ему кажется, даже скандала не случилось, но с той поры отец прекратил походы налево.

В отделение поступил молодой парень, весь избитый и с ножевым в бедро. К нему не приходили, а сам он лежал в одних и тех штанах, разве что неумело стирал их. И, что самое подозрительное, не имел телефона. Маме, конечно же, удалось узнать, что в пьяной семейной ссоре отец нанес матери четырнадцать ножевых, а мальчишку зацепило уже остатками гнева. Пожалела его, собрала старые вещи Дениса, телефон купила дешевенький. Мальчик этот, кажется, в технике теперь учится на электросварщика.

Мама всегда помогала другим, пыталась понять их, боролась до конца за свою доброту, даже если ее считали смешной. Удалось же ей раздать десять щенков огромной породы! Удалось прожить с папой столько лет! Удалось до сих пор верить в то, что колокольчик с оленьей упряжки Санты однажды упадет к ней под елку. Почему же он, Денис, не такой? Он смотрит в темноту и видит только лишь темноту. Он не верит в то, что Алису и маму можно вернуть. Он не считает нужным варить сосиски на ужин, потому что ему есть не хочется. Его вообще бесят эти двое, прописавшиеся в маленьком его мире, укравшие тихую гавань, разворотившие все в его душе. Он закрылся в туалете, пока Марина протирала следы обуви в коридоре, а Илья зажигал газ.

Из ванной доносился только шум льющейся воды, но Илье не нужно было проникать сквозь стену, чтобы понять, что его товарищ плачет. Ладно, пусть поплачет. Глупости, когда говорят, что мужчины не плачут. Если бы он однажды имел такую возможность, то и не было бы в его жизни двадцать первого века с сосисками в съедобной упаковке.

– Денис! – заорала внезапно Марина так, что тот вылетел из ванной, забыв спрятать лицо в полотенце, как собирался. – Смотри.

Отправитель: «anonymmmmm2345432@mail.ru»

Получатель: «den781@inbox.ru»

Тема: знаю, где ее искать.

Привет, Денис!

Я тот, кто поможет тебе. Сразу говорю: не показывай письмо полиции и не связывайся с ними. Айпи адрес ящика вычислить не получится, а зацепку потеряешь. Верь, я – доброжелатель, и хочу, чтобы твоя девушка была с тобой, Если сделаешь, как я говорю, то она вернется. Езжай мимо горы, где похоронены животные, в сторону частных домов. Когда доедешь до озера, напиши мне, я скажу, куда двигаться дальше.

Никакой полиции».

– Звоню в полицию, – заявила Марина, направляясь к своей сумочке.

– Нет. Не вздумай! Если это правда, то у нас есть шанс спасти Алиску. Китаец не звонит уже сутки, ничего не тре-

бует. Время утекает, понимаешь?

– Сейчас скажу избитую фразу. Если это ловушка? И нас просто убьют?

– Значит, умрем. Пойми, маленький, но шанс есть, что это письмо нам поможет. Это лучше, чем бездействовать! Надо ехать.

Денис беспорядочно заметался по квартире, отмахнувшись от Ильи с кастрюлей, полной «венских». Он понял, что нужно действовать. То, что дремало долгие годы, успокоенное бесконечным просмотром смартфона, вырвалось наружу, и захотело командовать. Марина выскочила из квартиры и побежала к машине. Перед глазами стояла Алиса, висящая где-то у потолка. Она не даст ей умереть!

– Куда собралась ты? – прыгнул в машину Денис.

– В полицию. Терпеть не могу гусарство! Вы, мужчины, любите рисковать, только сейчас речь не о твоей жизни! – закричала Марина.

– Кажется, ты забыла, что моя мама тоже исчезла. Так что теперь дело вдвойне касается меня, – тихо ответил Денис.

– Слушать ничего не хочу, никакой поездки к кладбищу! – заорала Марина.

Она уже нажала кнопку вызова, когда начало твориться невероятное. Не вмешивающийся в спор Ильи взмахнул кепкой, и она начала расти. Заполняя собой пространство, она все давала и давала росту, вот уже все заднее сиденье занято ею. Рот отказывался открываться, Марину придавило

к окну, она не могла пошевелиться. Оставалось только закрыть глаза, слыша жуткий свист разбухающей кепки. Оставалось только одно – погибать, и она приготовилась к этому. Последней мыслью было – так Серега в «Особенностях» в сарайчик заскочил... И следом она почувствовала руку на плече.

– Мадам, ваш капуччино. Устраивайтесь с комфортом, путь предстоит неблизкий, не менее часа. Если хотите, заедем на рынок, купим колечко колбасы, покормим, приголубим.

Денис гнал машину на полной скорости, благо, еще помнил, как сдавал на права три года назад. Спасибо тебе, боже, что подослал Илюху, говорил он себе, какой ловкий фокус Марине показал! Пока она очухивалась от глюка, он успел проехать половину пути. Справа по железной дороге тащился пассажирский. В окошках виднелись плацкартные измученные дорогой пассажиры. Хэй, дорогие, вам ли жаловаться? Вы точно доберетесь до цели, вам за то переживать не надо.

Он не вслушивался в спор на заднем сиденье и включил погромче Уильямса. Кажется, ему стоит благодарить провидение за такого посланца. Отец чуть не сошел с ума, когда Денис рассказал ему, в чем дело. Теперь, помимо Алисы, китаец удерживает его мать. Но почему он не звонит? Мог бы сказать. Он ведь, судя по всему, большой мастер по истязанию людей. Объехав медленно ползущую девятку, Денис

увидел жирные девятиэтажки, окольцовывающие край города. Дорога повернула в гору. Он проехал ту самую, где не меньше тысячи маленьких ямок принадлежали разнообразной живности: хомячкам, мышам, кроликам, котам. Даже, говорят, рыбки где-то с краю лежат. Сам Денис еще никого не хоронил, но был там с Венькой, когда у того умерла шиншилла. Сильно его потряс памятник в человеческий рост, на котором красовалась гордая, блестящая колли. Надпись гласила: «Спи с миром, дорогая Бамси! Мы будем помнить твой поступок, ты всегда будешь в наших сердцах. И однажды, в ином измерении, ты снова станешь нашим ангелом-хранителем». Про этот памятник ходили легенды, будто бы собака эта спасла сына хозяев от колес поезда ценою своей жизни, но где она, правда? В машине остро пахло потом, и он понял, что его футболка промокла до самой мантлии. Если встретаться с китайцем, не оскорбит ли его это?

– Давайте потише там! – рявкнул он на споривших Мари-ну с Ильей.

Она по-прежнему не могла простить Илье, что тот встал на сторону Дениса, не защитил ее. Ох, эти девчонки! Только почувют слабинку, сразу начинают крутить хвостом. Он открыл почту и начал набирать сообщение, не обращая внимания на обиженные взгляды сзади. От недосыпа и стресса сильно разболелась голова, бегали мушки. Не было даже сил переживать за маму. А за нее-то как раз переживать хотелось сильнее всего.

Отправитель: «anonimmmmm2345432@mail.ru»

Получатель: «den781@inbox.ru»

Тема: re:re:знаю, где ее искать.

Езжай направо от озера в третий ряд, поднимайся в гору. Остановись у красного коттеджа и жди дальнейших инструкций».

– Товарищ мой, у нас девица выйти хочет, выпусти остановись, – позвал его Илья. – Заодно поройся в багажнике, может, найдешь там себе одежонку попримечнее, а то пахнет, как у тракториста под сиденьем.

Остановившись, он вышел из машины. Марина осталась на своем месте, но отодвинулась максимально далеко от Ильи, разыскивая что-то в сумочке. А ведь она даже и не заплакала ни разу, держалась молодцом все это время. Денис внезапно пожалел ее. Сунувшись в окно машины, он сказал:

– Марина, пожалуйста, потерпи немножко. Скоро все кончится, я обещаю. Мы вытащим наших девчонок из беды.

Он изо всех сил старался не обращать внимания на Илью, который круговыми движениями растирал свои кудряшки, сведя глаза к носу. Вид у него был откровенно клоунский, но его, похоже, это не смущало. Он тер быстрее и быстрее, сильнее и сильнее. Виски Дениса неожиданным образом перестало сжимать. Вдохнулось легко, а назойливые мухи растворились. Издалека доносился собачий лай, тут и там горели окна в домиках, но больше себя никто не обнаруживал.

– Ты бы переоделся, а то смердишь на всю машину. – Илья

небрежно кивнул в сторону багажника.

Уже ничему не удивляясь, Денис поплелся к багажнику, Илья, видно, снова заглянул в бутик. Он быстро переоделся в свете фар, разобрав теплое короткое пальто из кашемира, джинсы, свитерок с горлом и, конечно, шарф. Настроение сразу улучшилось, словно со старой одеждой он снял с себя и слой старого, наносного. Да и что греха таить, вещи, выбранные Ильей, были куда как теплее того, что носил он. Может, стоит сменить стиль? Уже почти весело скользя в машину, он крикнул: «Готов!» И рванул в гору.

Марина, несмотря на строжившегося Дениса, продолжала болтать с Ильей. Клонило в сон, как это бывало всегда, если ее настигал большой всплеск, и она старательно отгоняла его. Похоронив родителей, она рухнула в кровать и четыре дня спала, не открывая глаз даже на пути в туалет. Русский богатырь тоже на печи тридцать лет просидел перед рывком....

Гора от озера была в двух километрах, и через пять минут они уже парковали машину. Илья испарился, а двое оставшихся разговаривать не могли. Одна закусила губы до крови, а второй беспрестанно проверял оповещения на телефоне.

– Есть контакт! – вскрикнул он.

Марина вцепилась в свою сумочку так, что побелели костяшки пальцев. Брошь-цветок, приколотая к краю ручки, расстегнулась и пребольно колола, но она не замечала этого. Денис молчал, а в голове Марины тысячи невидимых па-

лачей отбивали ритм, троекратно усиливавшийся чувством голода.

– Он говорит, что доволен нами, – упавшим голосом сказал Денис. – Мы прошли проверку на вшивость. Через сутки нужно приехать на «Перья». Якобы он привезет Алису туда, и мы ее увидим. Алису. Почему только Алису?

– Значит, здесь ее нет. Все было зря, как я и говорила, – очень спокойно проговорила Марина. Даже как-то радостно.

– Погоди. Еще звонок. Кажется, это он. Алло. Да.

Марина видела лицо Дениса в зеркале. Ни один мускул не дрогнул, только глаза стали стеклянные. Губы шевелились механически, как мерзлые. Он провел рукой по лбу, словно смахивая пот. Но смахивал он, похоже, усталость.

– Вы не ставили мне условия никуда не обращаться. Вы поставили меня в ситуацию, при которой я должен был куда-то обратиться. Сейчас у вас моя мать и Алиса, куда дальше еще ждать? Чтобы вы вырезали всю мою семью и знакомых? Чего? Что значит «я не трогал твою маму». Где она тогда? Послушайте, я уже все сказал в обращении, если хотите отомстить, выходите один на один, я готов умереть. Только отпустите их. Послушайте. Ну послушайте же!

– Он отключился.

Марина подалась вперед и совсем по-матерински обняла Дениса. Как там писал журналист в утренней новости про подброшенного ребенка в контейнер? «Мы уже потеряли связь с природой, но еще не доросли до людей». Так оно

и есть.

Из дневника И.Б.

Все, что у меня осталось – наш последний разговор в городском саду. Мы прогуливались по главной аллее, где в честь праздника первая была многолюдно. Продавали мороженое, кричали дети, и шли мы рука в руке, блаженно улыбаясь. Нам было тепло от одной мысли, что и в нашей квартире на тот год закричит малой. Меня обещали повысить в банке, а комиссариат хлопотал о предоставлении мне комнат на постоянной основе. Что могло быть лучше? Небо не выдавало ни одного облачка, любимая моя надела платье с лютиками, а у самого меня перехватывало горло от счастья.

– Иногда я начинаю верить, что счастье может длиться вечно, – задумчиво произнесла Зина, перекинув косу на плечо с моей стороны.

Меня охватило умиление. Научные работники сплошь мечтатели! Все они думают дальше, чем есть, все воображают. И на всем у них легкий оттенок грусти.

– Оставь эти глупости, Зина. Прекрасный день, – я попытался отвлечь ее от неведомых мыслей.

Мы свернули к китайской беседке, возле которой во фривольных позах фотографировались офицеры. Они были совсем юные, моложе даже нас с Зиной и, верно, совсем недавно вступили в военные ряды. Обогнув их, мы прошли внутрь беседки, расположившись в прохладе на новой, только вы-

струганной лавке, пахнувшей смолой. Жену мою обмануть сложно, если она вошла в настроение, и она продолжила:

– Посмотри на этих мальчишек. Что заставило их надеть мундиры, взять в руки сабли и биться против бывших своих товарищей? Почему было не обняться братски и не пойти вместе в светлое будущее? Человек волен делать выбор, и почему-то выбирает он не мирную сторону. Эти мальчишки смотрят в завтрашний день с радостью, представляя себе, как выведут Россию на путь светлого будущего, а потом пошагают сами по этому пути к самой своей старости. Но что будет с ними уже через час? Встретят они врага да живьем упадут в братскую могилу? И за что? За убеждения? А что такое «убеждения»?

Я почувствовал холодок в желудке. Откуда она могла знать о вчерашней акции? Кажется, ее не афишировали. Да и закопали-то так, ублюдков, царских прихвостней.

– Зина, коса моя золотая, оставь мысли черные, что за напасть на тебя? Может, хочешь мороженого? – сглотнув соленый ком, припустил я в голос веселья, – или сырость беседки пакостей тебе навеяла? Пойдем отсюда!

Она посмотрела на меня, словно вернулась из далекого путешествия, и не очнулась еще толком.

– Находит иногда, Илюша, на меня сомненье. А сейчас и вовсе бояться стану. Все-таки под сердцем ноша... Но ты не слушай, не слушай меня. Счастье вечно, только если ты пожелаешь, если в него поверишь. Это я вчера Островского

начиталась...

Глава 11

В этот раз сознание вернулось почти сразу. Она лежала на заднем сиденье машины, руки и ноги затекли окончательно. Сколько прошло дней, как она здесь? Два, три? Месяц? В голове стоял молочный туман, видимо, от лекарств, что в нее вливали. Приходил в темноте один невысокий, ставил шприц, и она переставала соображать. Она даже не всегда понимала, что он приходит, не успевала очухиваться. За ним, кажется, приходила женщина, мыла ее, переодевала, надевала памперс, и снова темнота, в которую она проваливалась. Приподняв голову, она увидела, темную перегородку. Переднего сиденья видно не было. Кричать смысла нет, видеть ее не хотят. Стекла тоже были черными, интересно, как они обошли новый закон о тонировке? Волосы лезли в рот, и она несколько раз тряхнула головой. Сиделка хорошо выполняла свою работу – голова пахла арбузным шампунем. Двигались они быстро, это ощущалось по сильной тряске, но вообще у машины был мягкий ход. Страстно хотелось пить и еще было щекотно в носу. Ну и в глупой же она ситуации! Алиса рассмеялась.

Это был их с Мариной старый способ прогнать страх – громко-громко рассмеяться. Где – то через год после смерти родителей к ним пришли партнеры хозяев того клуба и предложили большие деньги за молчание. Им предлагали за-

быть о том, что родители умерли, предлагали забыть, почему. Марина их тогда выставила из дома. «Сегодня я смолчу, а завтра вы откроете еще один такой клуб. Достаточно смертей!» Был там у них один такой, у него глаз все время к носу тянулся, отчего выглядел он шакалом, так вот он Марине подмигнул этим глазом, мол, будут тебе еще смерти, если не заткнешься. Алису холод пробрал, она уже кивнуть была готова, согласиться. Но Марина схватила веник и крикнула: «а мы, баб яга, тебя не боимся! Мы сами кого хочешь испугаем!». И рассмеялась громко-громко. Головорезы ошалели, и этот, интеллигентик в тоненьких очках тоже оторопел. Они и подозревать не могли, что яркая красотка с внешностью молодой Джоли неожиданно русский фольклор декламировать начнет. Да, сестра у нее смелая. Она бы вряд ли в такую передрагу вляпалась, а уж если бы вляпалась, то нашла бы выход...

Машина замедлила ход. Алиса насторожилась. Внутренности, обожженные лекарствами, все-таки еще впускали страх, и теперь она перебирала варианты. Очнувшись первый раз от наркотического сна, она со всей пылкостью своих девятнадцати лет и сотни прочитанных романов, вообразила, что ею заинтересовался прекрасный принц. Мягкость кровати, запах чистых простынь, нетуго связанные узлы – все навевало сладкую истому. Она позволила себе немножечко помечтать о том, что сейчас в комнату войдет он. Скинет капюшон, повесит черную мантию на спинку кровати и

нежно прикоснется к ней. Она видела за зашторенными окнами синий океан, у которого плещутся белоснежные паруса, полные ящиков мартини и теплые ананасы. Но по прошествии одурманенных дней рассчитывать на очаровательного принца не было смысла. Кому и зачем она понадобилась? Парней у нее не было, Савинкин не в счет, это еще на выпускном в школе было. Родные их с Маринкой не жаловали, обиделись, что все наследство к ним, девчонкам, перешло. Если только сестру кто вздумал попутать. Встречалась она с типом одним, рюкзак у него еще был бело – кожаный, он все Алису потом умолял, чтоб она поговорила с Мариной, вернула ее. Нет, у него бы ума не хватило. Деньги? Может, по работе кому дорогу перешла? Бухгалтер – опасная профессия.

Алиса повернулась на другой бок и уткнулась в пахнущее миндалем сиденье, но в этот момент машина остановилась. Дверь открылась, и ее вытащили наружу. В крошечной темноте виднелись кроны деревьев, а больше она ничего не успела увидеть. Глаза ей закрыли повязкой. Затем у ее уха слышался горячий шепот:

– Никуда отсюда не уходи, заблудишься к чертям. Тебя заберут. Сиди и жди.

И исчез. Что-то странное почудилось Алисе в его голосе, фальшивое что-то, но ускользнуло от понимания, исчезло вместе со звуком отъехавшего автомобиля, растворилось в безумной тишине места и в пронизывающем, настоящем

холоде. Учитывая, что на ней была легкая куртка, алиэкспрессные кроссовки и легкий шарф, она сразу начала мерзнуть. Со всех сторон пробегал легкий ветер, будто место, куда ее привезли, дышало. Крики о помощи дали ей убедиться, что она в лесу. Только тайга с таким удовольствием съедает все звуки. Однажды Алисе довелось поехать с отцом в Казахстан к его родителям. Летними вечерами они катали на лошадях по степи, и Алиса задорно свистела, почти видя, как по воздуху разлетается звук. Его доносит до самого края степи, возвращает обратно и снова доносит. Тайга же не болтлива. Все, что ты скажешь, внемлет, пережует и... Оставит себе. Вот почему большинство из тех, кто терялся в лесу, там и остался. Тайга любит собеседника.

В глубине послышался шорох, и Алиса почувствовала, что за страхом в душу заполз ужас. Она задергала запястьями, и, о чудо! Веревка распалась, словно и не была стянута иностранным узлом. Она быстро стянула повязку с глаз и поняла, что сбывлись худшие ее предположения. Тьма была настолько густой, что и черную дыру могла переплюнуть. Страх снова вполз, и снова она начала действовать. Ищи, Алиса, ищи! Вот оно! Германова последний раз зажигалку у нее оставила, когда за деканшей рванула. Щелкнув ею, она увидела левее себя давно развалившееся дерево, возле которого валялось несколько веток. Снега в лесу, конечно же, еще было по колено, но пяточок вокруг Алисы был удивительно чист и, что главное, сух, судя по всему. Она присела

на ствол, как на лавочку, и шумно вздохнула.

«Включи зажигалку у палок».

Алисе показалось, что она услышала эту фразу среди невообразимо громкой тишины, но она тут же себя одернула. В лесу с ума сойти – первое, что можно сделать. И она, пригорюнившись, села дальше. О том, чтобы куда-то двинуться по снегу, и речи не было. Оставалось ждать, когда рассветет. Эх, хоть одни бы часы сейчас! Права была Манька, когда хвасталась наручными часами. А она все упиралась, дура, прошлый век, прошлый век, на смартфоне есть часы. И где он, твой смартфон? Алиса обхватила себя руками и решила ни о чем не думать. То похитители, то голоса мерещатся. А холод не спрашивает. Он иголками колет ноги, он ползет по шее, перетягивает пустой желудок и убаюкивает. Уснуть и замерзнуть. Замерзнуть и уснуть. Надо что-то делать! Чем она рискует, если попробует? Разве что темень скажет, что у нее человек сошел с ума, больше пялиться некому. Решившись, она поднесла зажигалку к одной из палок, той, что ближе к ней, и она вдруг вспыхнула ярким огнем. За ней другая, третья, и вот уже перед Алисой весело разгорался небольшой костерок.

– Если ты чудище какое, все равно спасибо тебе за помощь, – крикнула она в спину отступающей темноте. И уже себе потихоньку. – Я точно двинулась от этой наркоты.

Теперь хотя бы смерть от холода ей не грозит. Пережить ночь, а утром она найдет выход отсюда. Интересно, какое се-

годня число? Шестого у Васи премьера, они с Маринкой самыми первыми билеты от него получили. Расстроится. Они никогда не пропускали его спектакли. Плотнее запахнув куртку, Алиса втянула носом запах костра. Они не только не собирались догорать, а разгорались еще ярче, еще сильнее, отпугивая одиноких зверей, уже учуявших жертву. Это было настоящее чудо, но маленькой девочке, выросшей среди сказок, не было удивительным то, что в такую минуту кто-то пришел ей на помощь. Должна же быть справедливость? Она придвинулась ближе к огню и тихонько запела, пытаясь не задремать.

«Утром темным, днем холодным тихо пойду,
Отведу лучом покорным от тебя беду,
Друг мой сердечный.
Ты поверь мне, я не стану солнцем для других,
На твоём плече оставлю свет своей руки –
Свет всей вселенной..».²³

Шэнь уже час сидел за обеденным столом и бессмысленно разглядывал блюда. Девчонке удалось сбежать. Из его дома. Проскочить мимо охраны. Невероятно!

Сзади обливался слюной голодный Иван. Им с Романом пришлось задержаться после уроков на подготовку песни для девчонок к восьмому марта, и поесть он не успел. Стол

²³ Несмотря на литературную подкованность, Алиса является обычной девушкой и в музыке предпочитает то, что ближе к сердцу. А именно –Ани Лорак.

же, как назло, был заставлен его любимыми блюдами. Блестело гордо мапо тофу со свининой. Аж в трех тарелках по разным углам распластались разноцветные шашлычки из говядины, сердец, ягненка и даже скорпиона. Баклажаны в кисло-сладком соусе томились от соседства с чили, желтел приправой карри цыпленок, свернулись несколько видов лавашей. Наверное, и суп из ласточкиного гнезда будет. Судя по всему, у хозяина важный день, раз он позволяет себе столько еды, обычно он обходится одним – двумя горячими. Однако по нему не было заметно, что он собирается праздновать. Напротив, выглядел он совсем разбитым, да и немудрено. Резинка, всегда туго стягивавшая хвостик, свалилась, и волосы жидко расползлись по плечам. Синяки под глазами отчетливо набрякли, а губы кривило, как от зубной боли. Палочками он размазывал лапшу по бульону, спрятав правую руку под стол. Он не произносил ни слова, и не ответил Ивану, будто пропал из этой реальности. Он даже не заметил, что Роман демонстративно прошлепал в комнату с пиццей в руках, не обернувшись. Шэнь впервые за долгое время чувствовал бессилие. И это сегодня, в день, когда они с Демингом открыли магазин платьев в Японии! Огромный, на сто квадратов магазин на Роппонги! Перед ним склонился новый, совсем неизведанный Восток, самурайский, элитный. Он, Шэнь, должен был встретить день этот победителем, а он раздавлен и абсолютно одинок. Надо было сразу отпускать эту девчонку или решать с ней вопрос, нечего было разду-

мывать. Проклятый мальчишка, испортил все планы!

Шэнь понемногу распалялся. Давно забытый, но знакомый гнев охватывал спину, заставляя выпрямляться, возвращал лицу высокомерие. Он почувствовал, что хочет переодеться, снять одежду, что застала его бессилие. Ничего, Мэтр уже перетряхивает дом в поисках змеи. Без помощника девчонка не выбралась бы, вопрос кто? Иван и Юля отпадают. Оба давно служат и у обоих есть причины оставаться рядом. Охранники могли догадаться по записям с камер, что у него есть комната, но на момент перевоза девчонки ремонтировали столбы с электричеством. Мэтр? Ну, это смешно. Нет, нет, все не то.

– Я, кажется, сказал поставить на стол бутылку sake, а не пиво! – Внезапно закричал он так, что чуть придремавший Иван попятился назад и наступил на кусок парчовой шторы.

– С..с... сейчас п-п-прикажу, – заторопился Иван. От волнения он всегда заикался.

– Не надо, – пробурчал Шэнь, довольный тем, что напугал помощника. – Мэтр звонит. Я слушаю.

Молча он принял информацию и, не сказав ни слова, повесил трубку. Больше всего на свете Ивану захотелось сейчас оказаться у Ромки в комнате, чтобы не видеть заострившегося от едва сдерживаемых эмоций лица, не слышать слишком спокойных вдохов, не чувствовать волны нарастающего недовольства. Он прикрыл глаза и глубже отступил в темноту комнаты, куда не доставал свет легкого красного фонари-

ка, повешенного над столом в честь важного дня. Мэтр принес хозяину неутешительные вести. Девочку не нашли, где она – непонятно. Кто смог вломиться в дом, кто утащил ее? Хозяин откинулся на стуле, сложив губами какое-то слово. А потом позвонил Демингу.

Из дневника И.Б.

Вчера ночевал в тюрьме. Не думал, что до такого упаду, но как есть. Уже второй месяц брожу, почти забросив дела. Правое дело меня больше не интересует, особенно, после того, как Кобылкин, который подменял меня, повесился. У него в деревне перевешали родню, раскулачили, и его клеймили за компанию, а он не выдержал. Честно сказать, я равнодушен. Сначала было пожалел его, а как узнал, что он от позора себя повешал, так и охлынул. Тупой, собака, совсем не понимает, что нас пользуют, как хотят.

Дело мое закрыли, никому оно не нужно, поставили на нем – «за неимением улик и доказательств...». Я рукой махнул. В банке подал в отставку. Антон меня привел в венерологию медбратом помогать. Я не против был, все одно, дома волком вить охота.

Оттуда и получилось оно. Дежурил поздно вечером, кому воды, кому поставить куда что, уже наловчился даже. Кто говорит, противно на них смотреть, а по мне, рожи как рожи, разве что честнее. Хоть сознаются, что не за советскую власть. В общем, к ночи пришли наши. Мол, у девки одной из этих, брат листовки разносит по заводу. Пришли уже к ночи, когда спать, в сапожищах, девки визжат, раздетые. Я им говорю – одеться дайте хоть, а они ржут, мол, таким в голые ходить привычно.

Когда пришел к ним первый раз, тоже к горлу подступило. Грязные, оборванки. Лица у всех пьяные, все издеваются, пальцем маняют. Дуры. Им шанс дали покоптить небо, а они ржут все про временный отдых. Я Антону сразу говорил, хорошо, что им снова тюрьмы введут, нечего на казенный счет койки пролеживать. Потом одну колот ночью, разрыдалась. Вот, говорит, лежу, а у меня мамка в деревне помирает. Разговорились. Оказалось, жениха у нее свинья загрызла, полез в недобрый час к ней, а жениться больше никто не стал. Приехала в город, устроилась в магазин кассиршей, недостача случилась. «Он мне и сказал. Или отработай, или иди сразу к исправнику, А потом уж все одно – к девчонками и пошла....». Меня пробило как-то, потом и про другую узнал. Что та и исправнику прислуживала, а у третьей – ребенок больной, на лекарства.

Нет светлого будущего. И власти нет никакой. И Бога нет, раз допускает такое. Веры у меня ни во что не осталось. Пришли, в общем, а я против встал. Там еще с ними Ванюшкин был, мы раньше комиссарили вместе, раскулачивали, он мне крикнул что-то вроде «совсем ополоумел», а я встал посреди двери и не впускаю, значит. Прикладом огребли, в угол сложили и пошли к бабам. Наутро меня выпустили, конечно, вспомнили былую фамилию. Ванюшкин только подошел, мол, за тобой следить теперь буду. Ты, гад, от власти новой отскребаешься, мы, товарищи твои, не стерпим. Еще и за желтыми бабами ходить взялся. Я в него плюнуть хотел, но

удержался. Завтра снова на смену....

Глава 12

– Я не понимаю, как ты мог допустить, чтобы такое произошло? Из-за тебя, из-за твоей глупости и бахвальства пострадали две женщины. И еще неизвестно сколько пострадает! – Отец ходил из угла в угол, благо комната-пенал позволяла. Уже пятнадцать минут он выплескивал страх, накопившийся за часы ожидания, и святая троица не останавливала его.

Когда пришло сообщение, руки опустились. Целые сутки. Как дождаться? Стоит ли? Денис включил радио и заунывно подпевал «show must go on». Илья потихоньку достал смартфон и врубил NFS, которые успел освоить. Марина поняла, что они ее раздражают и решила разгрести почту. Она включил ноутбук и через пару минут воскликнула:

– С ума сойти, – В голосе отразилась смесь восхищения, удивления и ужаса. – Мы такую кашу заварили, просто посмотрите!

На почте Дениса скопились письма с ссылками на группы поисковиков. Три, четыре, пятнадцать... Фейсбук, контакт, телеграм, твиттер и прочие соцсети были завалены сообщениями, уведомления приходили каждую секунду. Это напоминало бурный поток, льющийся сверху на голову.

«Я из коломны, но если чем помочь, то пишите. Есть ай-пи-камера и много техники для шпионов».

«Че за разводы? Сто по сто решили бабла срубить, вот и воду мутите!»

«Я мама троих детей, и видеть такое страшно! Мой ребенок может оказаться на ее месте, почему всегда беспредел?»

– «Дети имеют привычку убежать из дома и выдумывать красивые истории. Лучше сначала в семье поискать причину. У нас уже давно никого не похищают». Одноклассники такие одноклассники, – прокомментировал Денис, включив смарт и просматривая параллельно пришедшие уведомления.

– Денис, посмотри, – нахмурилась Марина, красивые брови образовали дугу, – здесь кто-то открыл счет, собирают деньги на поиск Алисы якобы в соседнем регионе.

– Токсичная благотворительность в деле, – сквозь зубы прошипел Денис. – Надо написать отдельно, что денег нам не надо.

Люди, наконец забыв о тоннах информационного мусора, вдруг сосредоточились на чьей-то жизни. Заботливо укрытое видеороликами с ютуба сознание, пробудилось. Даже инстаграм, казалось, забыл на время о бесконечных похуданиях, NL, сиськах звезд и мамских заботах. Рекомендации выдавали фото Алисы, обращение Дениса и даже Марину периодически. В ожидании новостей блогеры рассуждали о том, насколько серьезно слово может повлиять на жизнь человека. В самих новостях проскальзывали заметки о том, что пока тихо.

– Заметь, все самое интересное происходит в соцсетях. Вон даже чувак из Стамбула пишет, что готов помогать. А новостные порталы молчат, – сказала Марина.

– Они не могут писать без повода, а мы пока этот повод не предоставили. Только слова. Но все равно, китаец, наверное, в шоке от резонанса, – усмехнулся Денис.

– Для тебя в этом ничего хорошего, товарищ, – на лице Марины появилась ехидная улыбка, сделавшая ее похожей на Гурченко. Впрочем, она быстро опомнилась и потушила ее, превратившись в деловую леди.

– Я не шучу, Денис. Мы можем его спугнуть. У нас впереди еще сутки. А народ бушует. Здесь пишут, – она показала на строчку вконтактвской группе «Спасем Алису!», – уже в вечернем эфире Первого могут протолкнуть сюжет.

– Разве это плохо? – Непонимающе посмотрел на галлюцинацию Денис. – Может, и до самого новост дойдет, уж он явно поможет.

Шумно вздохнув, Илья покачал головой. Он снова успел переодеться, и на этот раз на нем красовались китайская коричневая куртка-дутьш и русская ушанка.

– Коломес²⁴ ты, конечно, знатный. Пока мы меры будем принимать, он их вздернет, как псин, и таво.

Денис снова просмотрел почту. Еще два отряда волонтеров предлагали свои услуги, какой-то «частный детектив» пишет, что «напал на след», поговорив с редактором.

²⁴ Илья называет его придурком.

«redporn35» просит перезвонить, якобы видел Алису разгуливающей по Владивостоку.

– Че делать-то? – растерянно спросил он. Ему и в голову не приходило, что огласка может навредить. Сознание услужливо рисовало другие картины, говорило: выложи пост, а там образуется. Но хваленая сила соцсетей пока работала только языком, а не делом.

– Пиши пост. Мол, трауляля, траляля, едем сейчас в одну деревню, видели ее, всем расслабиться. И про деньги не забудь, а то кто-то сегодня насобирает себе куль денег, – покровительственно продиктовал Илья, не забывая при этом покачивать головой в такт песни LOC Doga

Послушно кивнув, Денис застрочил по клавишам.

– Включи новости, послушать хоть о чем-то другом, – попросила Марина. От экрана заболели глаза и она, забыв о макияже, натерла себе тушью синяков под глазами. Илья хмыкнул и округлил пальцы, показав свиные глаза. «Клоун, ни дать, ни взять», – подумал Денис.

«Древнянские завершили карьеру за сборную России, по футболу. Мощные снегопады вызвали сбои в работе аэропортов Канады. На должность худрука Моссовета хотят назначить Сергея Шнурова и, наконец, частный трамвай «Пупсик» в Ростове обстреляли помидорами в первый же день. Это был краткий дайджест новостей за сегодня, седьмое марта...»

– Седьмое марта? Вот черт! – воскликнула Марина.

Денис, углубившийся в написание поста о мошенниках, подскочил и ударился головой об крышу машины, а Илья врезал свой черноглазый джип в бетонную стену, провалив уровень. Они уставились на Марину, а та лихорадочно ковырялась в сумочке.

– Где они? Да, да, сегодня. Ребята. Надо поехать. Срочно.

О том, что у их мамы есть еще один сын, они узнали незадолго до трагедии. Марина вернулась из института, и обнаружила, что дома пахнет праздником. Мама накрыла стол ярко-красной скатертью с золотистой бахромой, в духовке томилась утка, а холодильник с завистью поглядывал на блестящий торт. Папа сидел за столом, незаметно от мамы ухватив край скатерти и нервно обдирая бахрому, и, что удивительно, его пиджак с плечиками был отютужен. Мама не любила гладить, а отец не умел, поэтому отсутствие складок на ткани еще пугало. Волосы мамы были уложены в сложную прическу, и сейчас она спешно затирала жирное пятно с черного платья с длинными рукавами, самого скромного из концертных. Алиса же, судя по звукам из ванной, отмывалась от чернил, которыми вечно была перепачкана. Все было пропитано ожиданием, но таким нервным о, что даже разбилась пара бокалов.

– Что происходит? – шепнула она Алисе, взяв в руки мыло. Та безуспешно оттирала следы ручки с правой щеки.

Алиса пожалала плечами.

– Сама не знаю. Пришла домой, папа в душе, мама рыдает

над пятном на платье. В жизни не страдала из-за одежды, и на тебе. Ничего не говорят, вот, умываться отослали.

Едва увидев девочек в комнате, мама раздраженно указала на диван. Вопросы задать смелости у них не хватило. Отец кивнул в сторону телевизора, и они включили «Гараж», любимый семейный фильм. Наконец через час, когда Ахеджакову уже обвинили в покупке мужа, раздался звонок в домофон.

– Кто? – неожиданно шепотом спросила мама.

– Василий.

Густой, звонкий, поставленный голос ответил кратко, и мама сжалась, но ткнула кнопку. Марина увидела, как она открыла дверь и вышла на коврик, дрожа всем телом. Лифт ехал медленно, и напряжение в комнате достигло предела. Папа беспрестанно откашливался и все дальше пятился от двери. Но всему наступает завершение, и двери лифта открылись. В коридор ступил высокий женоподобный парень лет двадцати пяти. Черные волосы, отдающие холодной сталью, острижены и зачесаны набок, глаза чистые, широкие, настороженно перебегают с одного на другого и сам он, всем существом своим походил на обиженного. Алиса заметила, как удивительно похож его рот на мамин. Такой же узкий, тонкий и с большой ямочкой наверху.

– Здравствуйте. Василий, – представился он, едва склонив голову. Манера держаться выдавала в нем человека творческого, театрального.

Алиса и Марина не сводили глаз со странного гостя, перед которым мама так лебезит. Она повесила его куртку на плечики, посадила на диван, слева от себя и застыла, пожирая глазами, вспоминая что-то. Ей, певице, уставшей от внимания иных, так несвойственен был взгляд растерзанной вороны! Папа сидел как оплеванный. Он почти ненавидел мальчика, так некстати разбудившего старое.

– Девочки, Влад, знакомьтесь: мой сын, – собравшись с духом, сказала мама.

Вот так, в торжественно-напряженной обстановке, они узнали, что у их мамы был другой папа. И другой ребенок. И обоих она очень любила, но другой папа полюбил другую. И отобрал у нее сына, решив, что певичке воспитание он не доверит. Вася о существовании мамы узнал в ссоре с мачехой, когда та обозвала его «ублюдком певичкиным».

Папа смотрел на то, как краснели щеки, скулы, подбородок у мамы, как невидяще ее глаза уставились на изящные короткие пальцы мальчика, и сгорал от ревности. Он не мог вспоминать без боли ее слезы в подушку и тихое «я, наверное, всегда буду только его любить». Ему хотелось заткнуть уши и не слушать о том, как Вася метался, ссорился с отцом, уезжал на гастроли и думал о знакомстве с мамой. Он не хотел, чтобы она вспоминала. А Вася, судя по его жадным глазам, устремленным на нее, страдал. И желал, чтобы она вспомнила.

«Знаешь, он мне показался двуличным», – сказал он Ма-

рине, едва за гостем закрылась дверь. Марине же он понравился. Ей показалось, что Василию, в своем богатом отцовском доме, не хватило семьи. И по юношеской открытости готова была уже к объединению, но слова отца заставили ее поколебаться. Алиса для подобных размышлений не в том возрасте, у нее уже появились первые страдания и прыщи. И Марина старалась не думать о таинственном брате, тем более, мама больше его в гости не звала, а переписывалась и перезванивалась. «Видишь, у них уже свои секреты! – сказал ей как-то папа, кивнув в сторону кухни, где мама негромко болтала с Васей по телефону. И, скорее всего, расшевелилось бы черное и мерзкое на душе, но случилась беда. И в беду откликнулся он.

Утренним рейсом успел из Сицилии, где у них уже четыре месяца шли гастроли (папа, вот поэтому и не приходил!), одним звонком организовал похороны. Он же обратился к отцу, когда их пытались заставить замолчать, организовал охрану. И с тех пор редко, но появлялся. «Брат у тебя есть, даже если он не рядом», – повторял он Марине на поминках, взяв за руки и глядя в глаза. Смотрелось это немного театрально, да и сам жест попахивал спектаклем, но взгляд его был серьезен, а читалось в нем бесконечное одиночество. Он давно уже купил квартиру в Москве, звал их переехать, но пока не решались. Регулярно звонил, с гастролей присылал открытки, привозил подарки. Алиске даже как-то в Греции шубу купил на восемнадцатилетие. Не

женился, правда, до сих пор, но им, театралам, надо ли это? И сегодня, седьмого марта, его театр прилетел с гастрольями из Москвы, премьерный спектакль, где он – режиссер.

– Понимаешь, как это важно? – спросила Марина.

– Да-да, очень важно, приехать, обрадовать человека тем, что у него сестра пропала. Если он сам не услышал уже, – сказал Денис. – И, что самое. Мы, вроде как, с волонтерами по лесу едем, и тут на тебе, в театре на премьерке. Увидят?

Марина дернула плечом. Хорошенькие женщины не привыкли, чтоб им отказывали, а уж когда они раздражены, отказ этот может привести к взрыву.

Илья оторвался от очередной миссии и, вздохнув, сказал:

– Как вы мне уже оба надоели, святой Георгий. Езжай, придумаем что-нибудь. Только к брательнику своему не ходи до спектакля, потом покажешься. У нас один раз в бараче парень юбку нацепил, чтобы, значит, к девке забраться в окно. Ночь темная, все спят. Только одного петуха бессонница колыхала, из конфискованных, видать, страдал по хозяевам. Ну увидел он юбку ту, врать не буду, что понравилось, а как клюнет его в ногу! Взорал он, так и раскрыли его. Ржали все, конечно.

– Очень смешно, да, – хмыкнула Марина.

– Ты сама подумай, кто надевает юбку в ночь? Ну кто там же видит, юбка или штаны? А уж если заметят, то улепетывать в штанах быстрее! – захохотал Илья и оборвал себя, глянув на Дениса.

Тот вспомнил про отца, и черные мысли потянули в болото, ничем не отвлечься. Зачем китаец соврал про маму? Может, он действительно не при чем? Но тогда где она может быть? А что, если....

– Сначала заедем к отцу, – решительно сказал он и завел машину, – читайте пока новости, может, кто дельное напишет.

– За это не волнуйся, я Рафаэлю поручил следить, че да как. Ему все веселее, чем со стены просто пялиться, – обрадовал его Илья.

Марина решительно завела двигатель.

Добравшись до пятиэтажки, на нижнем этаже которой ныне обитал магазин, целиком состоящий из зеленых вывесок, они зашли в подъезд. Открыв дверь своим ключом, Денис обнаружил в прихожей отца. Лицо его, покрасневшее от бессонницы, на мгновение вспыхнуло надеждой и тут же угасло.

– Ты и несчастную девушку с собой притащил... А это кто? Собака, что ли? У нас коты...

– Это моя. Она котов сама боится, – успокоила его Марина.

Сколь ни страдала бы она, в сравнении с болью этого мужчины, она была ничто. Видно было, что почва под ногами у этого человека выбита. Они прошли в небольшую комнату. Распахнутый настежь балкон выстудил комнату, и коты крепко жались друг другу у батареи. Рыжий поднял голову, и шерсть его встала дыбом. Пес у ног Марины негромко тьяк-

нул, и второй, серебристый, коротко мявкнув, повернулся на другой бок. С котами было решено. По телевизору сально шутили комики из комеди. У подлокотника огромного дивана темной масти стоял журнальный столик, на котором было навалено бог знает чего: пять грязных кружек, допитых и едва начатых, тарелка с супом, в котором размякли макарошки, жвачка, блистеры от лекарств, тонометр, раскрытая на «Л» записная книжка, журналы «Караван историй», мамина шкатулка с драгоценностями, зарядка для сотового. И отдельно, на самом краю, телефонная трубка и старенький alcatel. У Дениса сжалось сердце. Отец ведь сам и ужин приготовить не может. Последний раз они поругались из-за того, что он насыпал порошка в посудомойку и поставил на режим, от которого стерлись звездочки на маминой любимой тарелке. С тех пор он к мытью посуды не прикасался. И лекарства она всегда ему подкладывала, сам он и не помнил. Мамина подруга Лека даже как-то пошутила, что его отравить проще простого – сам рот открывает. Теперь вот компас его пропал, и одному Богу известно, чем закончится эта история...

Помолчали. Марина, не зная, куда себя девать, решила прибраться на журнальном столике. Прошла во вторую комнату, служившую спальней и, слегка робея, открыла шкаф. Там лежали чистые футболки и штаны. Открыла секцию плечиков и увидела идеально выглаженные халаты и платья прямого кроя. В самой комнате было чисто и как-то светло, несмот-

ря на вечер. Ощущение это создавали желтые, как песок у моря, обои и кремовые занавески из тюли. Видно было, что дом этот любим. На кровати лежал небрежно брошенный ноутбук, наверное, отец Дениса перед сном читал новости.

«Залезай в почту», – шепнула голова Ильи, нависшая у ее плеча.

Через несколько минут она вернулась в комнату и робко протянула Владимиру Кирилловичу чистые вещи. Тяжело поднявшись, словно он успел врасти в диван, он исчез в коридоре. И уж оттуда вернулся с речью. Его, растерявшегося, потерянного, прорвало плотиной, и смыло все, что было. Они слушали, понимая, что только выплеснутое поможет выплыть. Только вот Денису было не очень приятно услышать вновь, что его профессия – это баловство, и это баловство привело его к трагедии

«Залезай в почту», – снова гавкнул Илья Марине, прикусив ее за палец.

Денис заметил, что Марина снова отправилась в спальню. Небось надоело слушать чужие вопли. Черт, папа мог бы и посдержаннее себя вести, в конце концов, он тоже переживает. Большой он любитель переложить обязанности и ответственность, вот и сейчас сидит и ждет преспокойненько, когда история закончится. Кто-нибудь решит.

«Скинь фсбшникам, пусть посмотрят», – тем временем командовал Илья.

У Марины немножко щекотало в носу, потому что сей-

час он более всего походил на кота Бегемота, вечно появляющегося из ниоткуда. Руки тряслись, как у мелкого воришки. Она беспрестанно оглядывалась на узкий проем двери, но звук не менялся. Владимир Кириллович разошелся не на шутку.

– Не торопи, – весело огрызнулась она.

Хотя, конечно, если бы не Илья, еще бы долго не вскрылось это письмо. Видимо, отец Дениса был не силен в Интернет-пространстве, иначе уже обнаружил бы на почте странные письма. Маме Дениса угрожали расправой над близкими, предупреждали об опасности. Последнее письмо датировалось вчерашним утром. В нем было написано: «Что, сучка, слыхала про Алису? Хочешь, будет также».

– Марина, я надеюсь, вы там что, уснули? – услышала она раздраженный голос.

– Папа, прекрати!

– Я, Владимир Кириллович, на шкаф смотрю. У нас такой же. Вы его собираете неправильно! – откликнулась она.

Из зала послышался тот звук, которым обычно провожают себя остатки воды в раковине. Марина вышла из комнаты и сказала с нажимом:

– Денис, нам пора. Всплыли кое-какие подробности.

Ошалевший от отца Денис потряс головой, снимая с себя энергию, и, пошатываясь, встал. Илья подмигнул кошкам, и они направились к выходу. Хорошо, что они навестили отца, чувствовал Денис, теперь ему будет легче, но Марина отче-

го-то хмурилась. Что-то она сделала не так, но пока никак не могла осознать.

– Что делать-то собираешься? – спросил отец, прислонившись к косяку.

– Уж точно не складировать пиво за диван в бесконечном ожидании, – не удержав горечи, сказал Денис. Любить отца нужно любим, но и от него иногда ждешь невозможного.

– Что, товарищи, в гранды-опера поедете?

Илья уже стоял у машины, распахнув дверцу Марине. Увидев из окна, как дверь машины сама собой открылась, Владимир Кириллыч решил все же выпить снотворного. А то мерещится...

Уже по сложившейся традиции, Илья снабдил их одеждой. Вкус у него был отменный, казалось невозможным, что он при жизни был разбитным шалопаем. А кем он был, интересно, думала Марина, натягивая красное короткое платье с пышными руками. Образ довершали черные туфли и нитка жемчуга, макияж наводила по дороге, оставив Денису вести автомобиль. И Илья, и Денис напялили черное. У Ильи – столярный любившаяся ему тройка с жилетом, Денису достался приталенный пиджак, в котором его можно было смело принять за местного мажорчика.

Было уже семь, когда они добрались до театра. Белокаменное здание, сиявшее огромными стеклами, виднелось еще с моста, но проехать к нему оказалось ой, как непросто. Между ним и главной гостиницей города чиновники умудрились

втиснуть еще один отель, вставший сорокаградусным углом, а на оставшемся пяточке выстроили амфитеатр, снабдив его Макдоналдсом. Поэтому полоса, оставленная машинам, была настолько узкой, что проще было бросить машину, не пытаясь ее припарковать. Они прошли через высокогордых билетерш, обогнули ростовую куклу предстоящей спартакиады, миновали туалеты и прошли в зал.

– Че это не первый у нас? – удивился Илья.

– Тебя тут вообще нет, – с широкой нервной улыбкой пропел Денис и спросил. – Как ты вообще прикрывать нас собираешься, если мы на виду у толпы? Удивительно, что к нам еще никто не подошел.

– Не ссы, Маруся, а то я забоюся, – усмехнулся Илья и сел в кресло справа от Марины.

Их места оказались в восьмом ряду, а перед ними было значительное пространство, на которое можно было вытянуть ноги. Марина объяснила, первые места видят недостатки, оглушаются шумом оркестра и вообще увидеть картинку можно, только если отойдешь подальше. Она ощущала на себе взгляды людей, и, несмотря на нервозность, все поправляла улитку, сделанную наспех в машине. Вася появился с верхних рядов и громко крикнул:

– Явились! Думал, совсем забыли о премьерке в своих делах!

Он сильно загорел с последней их встречи, еще больше похудел и вытянулся. На нем была бирюзовая рубашка со

стоячим воротом, подчеркивавшая длинную аристократичную шею и узкие джинсы. Над губой он отрастил жидкие усы, что делало его сильно похожим на маму почему-то. Марина почувствовала, как она соскучилась по этому хрупкому и сильному мужчине, который заменил ей родителей.

– Как всегда хороша, прелестна, богиня! Вся в мать, в мать! – приговаривал он, прижимая ее к своей твердой груди. – А Алиска! Алиска, боже мой, так вытянулась, как ваш отец, чесслово! – и неожиданно сгреб Илью в кучу. – Алис, у тебя одеколон новый? Как мужской, люблю такие. Твой прошлый мне совсем не нравился, вокзалом отдавало, такими Высоковский душитя.

Денис вытаращился на Василия, который с ласковой улыбкой осматривал Илью. Марина покраснела и начала кашлять, не забывая при этом оглядываться и толкать в бок Дениса. Удивительно, но несмотря на то, что Вася был известным режиссером и довольно выразительным внешне, на них не смотрели. Совсем. Мимо прошкандыбала жена кладбищенского бизнесмена, помахивая попой в такт качанию своих мохнатых серег, и скользнула по ним равнодушно. Марину она знала и ненавидела за то, что та помнила, что популярная ныне фитнес-тренер-мать-трэвел-блогер начинала свою карьеру в стриптиз-клубе, где ее и встретил муж. Элена там звездой была, Марину за человека-то не считала, подумаешь, официантка в том же баре. А потом встретилась с ней спустя пару лент на рауте в честь новой «Тойоты» и ис-

пугалась, что репутация ее будет в опасности. Потому, завидев каждый раз взвизгивала от души, как лучшую подругу встретила, и целовала крепко, как мужа не целовала. Но сейчас посмотрела на них, как на пустое место. На пустое место....

– Сестренки, увидимся после спектакля. Я приеду, ладно? Отметим, часок посидим. Соскучился я сильно, – сказал Вася, чуть повернув голову. Он уже слышал, что оркестр, распеваясь, фальшивит и собирался пойти дать скрипке нагоняй.

– Как я? – довольно спросил Илья. – Представление перед спектаклем. И Илюшка – Алиска, и Маринка – невидимка.

Марина вспыхнула, поняв, что он отгадал ее кривляния, но ничего не сказала. Народ все наплывал. Шли представительные дамы, с маленькими сумочками и в обтягивающих телеса платьях. Школьники и студенты разыскали в гардеробах по белой вещи и совмещали кто с джинсами, кто с брюками, кто с короткой юбкой и кроссовками. Одна в полупрозрачном, со стрингами платье, принесла ребенка с соской. Рядом с ними на ряду сели двое молодых. Он в спортивной куртке, она – источала миазмы духов с запахом малины, явно забивающие табак.

– Таким свинотам место в кабаке, – проворчал Илья.

– Это актеры, не задействованные сегодня, – объяснила Марина.

Свет погас, и спектакль начался. Это была обычная пьес-

ка, в которую принято в последнее время вкладывать больше смысла, чем оно есть. Молодой парень с лопатной бородой изображал страдания в своей комнате, пока любимая, среди сине-фиолетовых декораций забавлялась с другим. Он молил о прощении на трех языках, насылал на нее Зевса и других известных богов, рассчитывал отомстить ей и в конце должен был умереть, сделав себе харакири, чтобы честь его осталась с ним.

Уже через пять минут Денису стало скучно, и, повернувшись к Марине боком, он полез в смартфон. Ни на секунду каленое железо вины не переставало прижигать его внутренности, и ничто не могло его занять надолго, кроме мысли о том, обманет или нет его голос. Тайком каждую секунду этого вечера он проверял уведомления, он не выпускал его из руки, надеясь, что не пропустит новости. Мама, мамочка, Алиса... Как вы? Где вы?

Количество сообщений в группах подбиралось к пятистам тысячам, а группы в месседжерах множились словно грибы. Почту его, конечно, рассекретили, и теперь она больше напоминала поле боя для таргетистов. Всевозможные шпионские приборы вроде очков ночного видения и жучков к телефону, услуги детективов, психологов, астрологов, даже домработниц – весьма неполный список спама. По делу не было ничего, но Денису отчего-то стало немножко легче. Он открыл одну из групп и почитал комментарии.

«Мутная херня конечно. МЫ сидим, чуть ли не как за

свою переживаем, я даже не поехал на остров гулять, а они хрен пойми куда с хрен пойми кем типа уехали. Развод что ли»

«Пусть у вас все получится! Уверена, все будет хорошо, и Алиса найдется!»

«МДЖАВЬМПЖДАИВЬЛПЬИЛДИ, вот что я думаю об этой истории»

«Интересно, Дэн собирается на ней жениться после этого?»

«Мне было явление, что они сейчас на чудо-озере вдвоем, смеются над ними и нашими волнениями».

«Хлеб наш насущный дашь нам днесь! Повтори триста раз, и Алиса найдется».

Несмотря на то, что было много едких комментов, Денис почувствовал прилив сил. Люди есть люди, сочувствуют и сопереживают, как могут, и он был им благодарен за то, что они выражают свое сочувствие всеми доступными способами. Муть в душе немного рассеялась, когда он почувствовал, что не один. Где-то там, по краям, она еще оставалась, нашептывая свои дурные предчувствия, но теперь он знал, как ей противостоять.

– Я должна сказать Васе. Удивительно, как он не слышал об Алисе сам, – шепнула Марина, наблюдая, как неверная стрижет свою толстую косу, проливая слезы о погибшем в бою любовнике.

Пьеса навеяла на нее воспоминания о матери. Она мечта-

ла о театральной сцене, но, увы, не имела образования. Ей, ресторанной певичке, доступ к серьезному искусству был закрыт. Вася смог. Он осуществил ее мечту, пошел дальше. Он не просто играл в спектакле, он им управлял. Мама могла бы гордиться им. Актрисе, что играла главную роль, было примерно столько же, сколько и маме, Василия увезли в Москву. Как пережила она это? Еще одно крушение надежд. Случись бы чуть позже, наверное, она бы не отдала ребенка, выкрала бы, отвоевала, как отвоевывала все, что хотела в последующие годы, но тогда было рано. Рано.

– Денис! Я все поняла, я тупая курица, – сказала она громко, получив шиканье от соседней спереди.

Но Дениса рядом не было. Илья мирно сопел, откинув голову назад.

Закрытые окна ответили духотой в салоне, но никто не открывал окна. Они сбежали, не попрощавшись, и Марину мучили угрызения совести. Ни разу она не оставляла Васю в день его премьеры и знала, что он расстроится. От сигареты Ильи струился легкий аромат лаванды (когда он успел начать курить?), Марина же, набросив на плечи мантию Дениса, поела бутерброд с семгой, любезно захваченный тем же Ильей из буфета. Еще минут пять назад она вихрем ворвалась в машину, где устало дремал Денис:

– Тупица, тупица, слышишь, я тупица! Только сейчас поняла, что первое сообщение с угрозой пришло на день раньше, чем Алиску похитили. Понимаешь? Значит, это не отно-

сится к Алиске! Значит, незнакомец не врет, и он не забирал твою маму!

Илья слушал с равнодушно-деланным видом, перед выходом он хотел свиснуть пару программок, а Марина запретила, и он не отошел от обиды. Тем не менее, он кивнул, разрешив продолжить.

– Я думаю, надо просить, чтобы пробрили айпи отправителя. Мне кажется, здесь нечто другое.

– И что нам это даст? – сбросил сигарету в пепельницу Илья, растирая пальцы. – Честно говоря, мне уже все обрыдло.

Не обращая внимания на раздражение друга, Марина сказала:

– Пока не знаю. Но мне почему-то кажется, что это может не иметь отношения к Денису. Может, нам смогут по айклубу пробить маячок?

– По айклубу, по айпи, по жэпу, еще как? Вы по-человечески разговаривать совсем разучились. И общаться тоже. Я устал слушать эти бесконечные слова, сидеть в машине, шляться, убивая время. В этом и состоит будущее? Да нахрен бы оно мне такое сдалось! – вспыхнул Илья. – Вы же слышать друг друга толком не можете! Денис еще когда сказал, что мама звонила насчет угроз, а ты только сейчас сообщила. Я тебе сколько раз сказал скинуть все в ФСБ, и ты только сейчас об этом догадалась!

– Интересно, – ледяным тоном сказала Марина. – Что это

за истерики такие? Устал, говоришь, бедненький? Ах, ну да, тебя же нас охранять приставили, притомился переодеваться да программки таскать. Это же у тебя пропали родные, это ты потерял работу, тебе перемывает кости все интернет-сообщество! Конечно же, давайте все пожалеем несчастного Илью! – рывкнула она.

Денис не вмешался в их перепалку. Переваривая информацию, он думал, что и сам мог бы сложить два и два. Ведь мама пришла к нему до того, как заварилась каша, значит, эти события не связаны между собой. Но что? Что могло произойти? Почему она ушла, не оставив даже записки? Наличие другого мужчины исключается, маме достаточно и отца тетешкать. Значит, случилась беда... Одно к одному, и никакого просвета.

– Извини, – тем временем сказал Илья, уставившись на свои колени. – Наверное, я ожидал немного другого. Я помню, как мечтал о будущем. Умные, начитанные, богатые. Нет умирающих в нищете, нет болезней, сиротства, унижения. Представлял себе большие города, где у всех есть работа, дом и семья. Где никого не убивают, нет войны. Но я ошибся. Ничего не исчезло, оно только спряталось под шелухой благовоспитанности. У вас чистенькие манеры, вежливость и отчужденность. Вы все погрузились с головой в прекрасный мир, и перестали замечать то, что творится у вас под носом. Ваши алкаши, сдыхают возле мусорок, никому не нужные. Бездомные собаки и прочая скотина лежит отравленны-

ми трупами, причем, травите ее вы же, не стесняясь. А пожилые? Бабули, которые возле подъездов сидят со смертью в глазах? Вы все бесконечно одиноки, вы не нужны друг другу! Я чувствую себя, как в коконе. Я не понимаю, зачем вы живете. Вы стремитесь высвободить побольше времени, чтоб потратить его на компьютеры. Вы тратите время на компьютеры, но вам все равно кажется, что его мало. У вас есть все, а вам не хватает, вы смотрите на других и снова бежите искать это «все». Вы придумываете себе дела, пытаетесь стать лучше, вырасти над собой, и все равно несчастливы. А знаешь, почему? Вы не живете. Вы – доживаете. У вас нет веры, нет сказок, нет надежды. Вы пробороzдили океаны, исследовали космос, заглянули в недра Земли, и вам не о чем мечтать. Да вы и не хотите, стремясь прожить поспокойнее, прикрывшись тем, что вы делаете что-то полезное. Вы не мечтаете о бессмертии, зная, что его нет. Вы опoшлили бессмертие, заменив его на здесь и сейчас. И вы все, как один, несчастливы. Я так не хочу. Слышишь! Не хочу! Пусть я прожил всего двадцать, но я помню, как билось мое сердце, как болело и радовалось оно. Ему не требовалось ездить по нарисованной дороге, чтобы чувствовать....

Илья говорил негромко, но быстро и сбивчиво. Кудри его разметались и тряслись при каждом слове. Над верхней губой блестел пот, а глаза приобрели щенячье-потерянное выражение. Марине хотелось закрыть уши, спрятаться от тяжелых слов, что падали железными звеньями на душу, но не

слушать не могла. Она смотрела, широко раскрыв глаза, и чувствовала, как в ней зажигается странный свет. Будто все это она уже знала, чувствовала, и забыла однажды, уснув. Он вернул ей себя. Прав он, тысячу раз прав! Помогала ли она бы Денису, не коснись ее похищение? Конечно, нет, если и узнала бы, то только у Интернета бы сидела, наблюдала бы по ту сторону экрана. Вся ее жизнь – по ту сторону экрана.

– Едем? – спросил Денис, заведя мотор.

Из дневника И.Б.

Пришли белые. Пришел Колчак в Омск, и все изменилось. Ввели военный коммунизм. Мы теперь непонятно в какой власти, а я окончательно лишился всех прав. Комиссариата больше нет, а мне и не надо. Моих среди тех не осталось. Если бы не возраст, пошел бы учиться в фельдшеры, но не уверен, что потяну. Стала иногда снится мне в своем платье, плачет, что не постирал его, когда клал. Я уже и не знаю, чему верить, может, и вправду тот свет есть.

Близко сошелся с нашим врачом. Петром К. Он открыто не распространяется, но он как раз из тех, кто Колчаку рад. У нас-то большинство еще за красных, да и слух прошел, что партизан вчера расстреляли показательно, так сочувствующих много. Семья у него на пароме погибла, за льдину зацепило. Двадцать человек как языком корова слизнула. Так что ему по ночам дежурства тже нравятся.

Мы сначала в шахматы играли, он меня все побеждал, а потом и спрашивать осторожно друг друга стали. Так и рассказал я ему однажды о своем тяжелом сердце. А он так усмехнулся нехорошо, блеснул из-под узких серебряных бровей глазами. «Ты, значит, кровопийцей был. А не скажешь...»

Слушаю я его, про то, как врачей прижимают, про писателей, значит, что уехали массово. Мол, вся интеллигенция

покинула Россию, из чего будем дальше строить страну. А сегодня пришел и сказал мне, еле-еле слышно: «Церкви уничтожать будут. Не нужны они большевикам, смущать умы крестьянские». Честно сказать, я смутился. Сам я в Бога не сильно-то веровал, над бабкой больше смеялся с ее иконами, но знаю, как помогает в беду людям. Проститутки вон наши, из-под мужика вылезут – и туда же, молиться. Уничтожить! «Вера должна быть одна – в победу большевизма», – зачитывал мне Петр. И вот сижу сейчас, пишу и вспоминаю себя год назад. Спроси меня, кто я – отвечу, что большевик по крови, верящий в светлое, построенное вместе. А сейчас? Где правда-то?

Уже, кажется, и не знаю.

Глава 13

В номере царили советские времена. Серые, в крапинку от плевков стены, узкая кровать – одиночка, перестеленная свежими простынями и тумбочка со скрипучей дверкой, на которой было вырезано «квн-2002». От штор несло порошком, перебивающим свежий ветерок с гор. Видно было, что горничные изо всех сил старались поддерживать здесь презентабельный вид, но здание требовало основательного ремонта. Таким заинтересуешь разве что группу ностальгирующих бывших одноклассников, да безденежных. Они тут и квартировались. В коридоре, сдвинув столы, шумела компания студентов, репетировавших номер, но Денис не раздражался. Он лежал, уставившись в лампу на потолке.

«Китаец! Обращаюсь к тебе я, Денис. Ситуация затянулась, и затянула в себя огромное количество людей. У нас обоих нет выхода, есть тупик, в котором мы застряли. Я не верю тебе больше, и не верю, что завтра ты вернешь Алису.

Если ты не трус, давай встретимся один на один. Я готов отправиться в любое место и ответить за свои слова. Жду твоего звонка».

Совсем немного времени прошло с того момента, как он вышел в «Яр» за сигаретами и, поймав такси, исчез. Водитель, если и узнал его, виду не подал. Устало молчал, погромче включив радио.

«Основная новость на сегодня – похищение девушки Алисы. Нам удалось переговорить с начальником РОВД, Антоном Васильевым. Вот что он сказал».

Послышался неуверенный молодой голос. Антон явно стеснялся выступления. Или стеснялся того, что он говорит.

«Мы пока не можем огласить никакую информацию, в связи с тем, что следы девушки однозначно теряются в институте. Телефон также отследить не удалось. Сейчас у нас появилась зацепка, но говорить об этом в эфире я бы не хотел. Спасибо». Ведущая продолжила: «Ни с Денисом, ни с родственницей Алисы нам связаться не удалось, однако по сообщениям из соцсетей понятно, что поиски продолжаются. В последние часы появилось сообщение, что Алису видели в истринском районе с каким-то парнем. Официальное подтверждение отсутствует».

В этот момент Денис, нервно теребивший пиджак, вырвал пуговку. Она, конечно, сразу закатилась под сиденье, куда он не стал соваться.

«Робби Уильямс отменил все концерты в России...»

Заплатив водителю требуемую сумму, он кинул на чай за молчание и вдохнул полной грудью. Как он любил это место! Еще в городе, но уже за его пределами, прямо у подножия сетки гор. Здесь, в стареньких корпусах, служивших пристанищем теперь для веселых компаний, прошло его лагерное юношество. Здесь была и первая сигаретка, и первое пиво, и жамканья по номерам. Он вырос и, несмотря на то, что че-

рез ручеек, в пятнадцати минутах отсюда выстроили четырехзвездные таунхаусы с деревянной крутой лестницей и соляной комнатой, он приезжал хотя бы раз в год на пару дней сюда. Теперь он приехал сюда не за спокойствием, а за спасением.

Пошел третий час, как он гипнотизировал телефон. Звонка не было. Сообщение в сети вызвало очередной взрыв от пользователей, ни к чему упоминать истерику Марины, хвала Богам, с ней Илья. Голова стала удивительно ясной, мыслей было совсем немного. Денис выстраивал речь, продумывал, что варианты встречи. Его не занимал запах макарон с сыром из одного номера и доширака с флешем из другого. Он не читал скабрзных комментариев вроде «Задолбали скрываться. Попахивает пиаром или сериалом». «Кажется, нас надувают! То в лес едут, то он драться собрался. Сказочник!».

Денис был предельно собран и мысленно повторял раз за разом: «Илья! Не приходи! Не являйся!». Ему не хотелось тягивать Марину в разборки, да и, он чувствовал, она будет мешать в переговорах. Если они будут, конечно. Она хорошая, но он устал от команд, устал от объяснений, от женского давления. Нужно поступить так, как подсказывает сердце, даже если риск больше жизни. А, чтобы услышать это самое сердце, нужно остаться одному.

Так и шло время медленно— медленно, словно в песочные часы попал камешек. Он вспоминал день, когда пост вышел

в эфир. Как все было по-другому! Жизнь текла мирным ручейком, в котором сейчас он видел скуку, разбавленную Интернетом. Каждый день ходил одними и теми же тропами, садился в трамвай и шел в «Тре», пил кофе и смотрел «Тетрадь смерти». Слушал мамины наставления, смеялся над папиной неумелостью и злился, что так уныло живет. И вот сейчас он в водовороте событий, его бросило в самую середину реки. И что же? Оказалось, что достаточно было изменить привычные маршруты жизни, чтобы увидеть, как прекрасно все то, чем он обладал ранее. Он чувствовал теперь себя совершенно другим – и повзрослевшим, и неуверенным, как никогда до этого дня.

А тысячи и тысячи людей по всей стране, что поддерживают их? Часто, слушая новости о Москве или Питере, Денис думал, что маленький город – его наказание, что рождение в этом городе тормозит его жизнь. Оказалось, что тормозит он сам себя, Ограниченным мышлением в неограниченном информационном пространстве! Теперь город представлялся ему широкой дорогой, уютной колыбелью. Целый город был его домом, каждый готов помочь! Вот и на рецепшне с него не взяли денег, администраторша сердито оттолкнула карту и отправила в номер. Конечно, разболтала сразу же, и уже трижды горничные предлагали то поесть, то одеяло, но как же это приятно – ощущать заботу. И как же, черт возьми, все просто – чтобы стать чем-то и кем-то – необязательно ехать далеко. Не место наводит порядок в твоей голове...

Денис не включал в комнате свет, но от месяца, глядевшего полным боком в окно, в комнате было светло. Когда он совсем отчаялся в своей затее, завибрировал телефон.

– Через два часа в десяти минутах от корпусов. Там, где большой дуб.

Денис впустил воздух в легкие. Началось.

«Не забудь надеть штаны потеплее, ночь не теплая», – сказал ему Рафаэль, покачиваясь на луне.

В этот момент, в одной из новостроек центра города, Марина смотрела в глаза одному из своих бывших коллег. Полуоткрытые губы, чтобы чуть блеснули белые зубы, ресницы, намазанные по-девичьи густо и брючки, чуть утянувшие попу.

– Знаю, что у тебя есть возможность распечатать для меня список сотрудников отделения. Я не хочу вмешивать полицию в свои подозрения, а они пока подозрения. Может, тебе самому не нравится кто-то из тех, кто работает сейчас там?

На широком лбу проступили капельки пота. Коромыслов или, как его называли весьма точно, Крысов, был откровенным трусом с легкой любовью к флирту. Он ушел из их компании, когда начальницей отдела стала леди Алла. Это место прочили ему, и по годам, и по выслуге лет, но Алла столь решительно убедила директора своим резюме, что тот сдался без боя. В конце концов, незамысленный глаз еще никогда не вредил производству, сказал он коллегам, не глядя на Крысова. Увидев ее впервые в коридоре, с округлым задом

и в узких очках, он уже представлял, как будет звать ее в свой кабинет с докладом. И доклад этот, может, быть, пройдет прямо на его коленях... Мужское уязвленное не снесло смены ролей и после первого же вызова на ковер он уволился. Марина, не раз ловившая на себе липкий взгляд Крысова, с удовольствием выбросила его стул и стерла все файлы. А пригодился.

– Я... Я даже и не знаю... Наверное, могу, но, сама понимаешь, и не могу тоже....

В большой комнате, скудно обставленной самым необходимым, хотя и дорогим: домашним кинотеатром, кожаным диваном, стеклянным двухъярусным столиком, не чувствовалось вкуса. Здесь было едва ли уютнее, чем в дорогой гостинице. Ни единого пятнышка на ламинате, ни пылинки на выкрашенных в персик стенах. Работа Крысова в больнице наложила на него определенный отпечаток, видимо. Марине очень хотелось отодвинуться подальше от этих беспорядочно шарящих в поисках переключателя рук, но отступить было нельзя. Крысов и боялся, и сознавал свою власть над этой красивой женщиной, впервые смотревшей на него, а не вбок, как она делала раньше. Он уже прикидывал, что можно будет позвонить начальнику и выйти завтра попозже, а сегодня вдоволь... В ягодицы впилось острое, и он вскрикнул. Сладострастное выражение лица сменилось гримасой боли, и кривые два зуба справа блеснули в раскрывшейся пасти. Марина чуть не прыснула. Она-то видела, как все это время

гримасничавший Илья сунул ему ножницы, которые притащил из кухни.

– Что-то случилось? – участливо спросила она, взяв его за колено.

Он держал в руках маникюрные ножницы, не покидавшие верхнего ящика в кухонной мебели, и с нескрываемым удивлением их рассматривал. Толстые пальцы с белоснежными ногтями дрожали.

– Нет, ничего. Я сейчас, только список распечатаю. Буду премного благодарен, – и он широко улыбнулся, вновь обнажив два кривых, растущих отвернувшись друг от друга зуба, – если Вы приготовите чай.

Кухня была справа от спальни, где, по-видимому, у него стоял компьютер. Славировав между посудомойкой и стиральной машиной, Марина добралась до плиты и зажгла газ. В шкафчике нашлось невиданное количество чаев: с малиной, чабрецом, бергамотовый, китайские пуэры, индийский слон и еще что-то с японскими иероглифами зеленого цвета.

– Маття, – понюхав, вслух сказала Марина.

– Что? – гулко крикнул из спальни Крысов.

– Любит товарищ мочи хлебнуть, заметно, – прокомментировал Илья.

– Ничего – ничего, занимайтесь. Люблю поболтать сама с собой, – сделав злые глаза Илье, промурлыкала Марина.

Бросив в заварник бергамота и немного Melissa, Марина залила травы кипятком. Хоть и сволочь, а в чае толк по-

нимает. Нашла печенье, нарезала колечко «черкизовской» и немного «пошехонского», сложила на поднос с нарисованными синим графином и, покуда хозяин не подавал жизни, тихонько спросила:

– Илья, так и не скажешь, где он?

Ответа не последовало и, одернув узкую блузку, она отправилась обратно в комнату. Оказалось, что Крысов уже расположился на диване. Оттого, что он откинулся на спинку, беременное пузо под рубашкой выкатилось наружу, а второй подбородок явно обнажился, напоминая мешок у цапли. Осторожно поставив поднос на столик так, чтобы согнуться посильнее, она снова присела на диван, прижавшись коленкой к его ноге.

Если айтишники не соврали, то сообщения отправлялись с компа, что стоит в регистратуре. Значит, сделать это мог тот, кто работает там. Вряд ли хрыч знает о том, что на самом деле происходит между сотрудниками, такое ему никто не откроет, но список сотрудников и время поступления на работу, а уж тем более, зарплаты, могут сказать о многом. Крысов подал ей список, и уже взял ее за свободную руку, приговаривая:

– Не выдавайте меня, дорогая, не выдавайте. Это обойдется мне очень дорого, я итак пожертвовал для вас своей репутацией. И я очень рассчитываю на то, что вы понимаете, как сложно мне было поступиться своими принципами, дорогая... Я считаю, что.. – он понизил голос и приблизил лицо

к ней, обдав ароматом клубничной жевательной резинки, – что плата должна быть равна услуге. Но в нашем случае это даже не плата, а взаимное удовольствие... – Он совсем тихо что-то зашипел, пристраивая руку на ее бедре.

Марина внутренне сжалась и закрыла глаза. Как же это противно! Рука заползла под блузку и уверенно двинулась вверх, но через секунду шепот прекратился вместе с движением. Он вскочил с дивана и заорал:

– Черт ты их разбери!

По стенам, по благородно выровненным стенам, выкрашенным краской, стоимость одной банки которой превышала десять тысяч рублей, текли потоки горячей воды. Она хлынула водопадом, словно наверху три инженера Щукина открыли во всю мощь три своих душа и оказались за дверью. Забыв об амурных делах, босой и разъяренный, Крысов вылетел к соседям, оставив Марину собирать рассыпавшиеся по дивану листы. Не дожидаясь аварийки, она покинула дом и уже в машине дала волю смеху.

– Неужели ты думала, что такой беспелюха²⁵ тебя щупать будет безнаказанно? – довольным тоном спросил Илья.

– Я знала, что ты чего-нибудь подстроишь, злой дух, но чтоб соседям трубу пробить – это, конечно мощно! – давилась от смеха Марина.

– Пусть делом займется, а не баб осматривает. Ладно, – посерьезнел Илья. – Торопиться нужно. Мне к Денису надо,

²⁵ Беспелюха – так Илья называет уродов, лапающих девушек.

чую, надо прям. Если что, к бате езжай Денисову, там встретимся. И это. Береги себя.

В тишине еще не заведенного мотора Марина слушала свое сердце. Почему-то оно билось быстрее, чем стоило бы. И совсем не от страха.

Из дневника И. Б.

Виделся с партизанами. Передавал еду, уходят на восток, ближе к Зыкинской деревне. Спросил у них, во что верят. В светлое будущее.

Это меня по старой памяти попросили. Колчаковцы буют сейчас, у большевистских провизия закончилась, прислали нескольких. На тебя, мол, никто не подумает, ты давно сам по себе. Ирония, конечно, что под самым носом у бывшей службы спрятались – в подzemке у хореографии, рядом с либмановским домом. Сзади там арочка есть, в нее шухнулся, и в подвальчик попал. Танцулечки об этом знать не знают, так что бояться было некого.

Они меня встретили безрадостно, у одного даже револьвер был. Волки и волки. Глаза светятся подозрением, бороды как у стариков и рванина на них страшная. Я им сверх принес еще оставшегося от дежурства супа вчерашнего, что девки не подъели, так они даже поссорились, кому больше достанется. То ли я себе представлял, когда повстречался с Зиной?

«Сказывают, ты от партии оторвался?» – спросил меня один, с рваным ухом. – «Кажется, думаешь еще, на какую сторону выгодно податься?»

Тут я почувствовал, что они думают еще, не пристрелить ли меня. Не покончить ли с этим прямо сейчас, мелькнуло.

Потом решил – буду честным. И рассказал им про тот вечер, после которого изменилось. Как искал я правды и не нашел. Разве может человек с раной в груди воевать? Он уже отжитый материал. Что и последнее отбирают у народа – веру в Бога. Некому верить, то белым, то красным, каждый ищет себя, а правду никому не ищет. Я горячился все больше и больше. Накопленное дало наконец выплеск, и я забыл об осторожности. Мне уже все равно было – пристрелят или не пристрелят.

Да только неожиданно получилось. Этот, с рваным ухом, вперед выступил и руку мне протянул. «Недолго ты, паря, проживешь с таким сердцем. Но, если что, знаешь, где нас искать».

Нет мне места нигде. Хоть к полякам иди, в орган дуй.

Глава 14

Ночь грела уже по-весеннему, сонно источая тепло сквозь последний загородный снег. Денис вышагивал по сугробам, не ощущая, что вычурные ботиночки запустили внутрь воду. Холода он тоже не чувствовал, только застегнул пуговицы на все две пуговицы. Телефон остался в номере, студентки уснули, набушевавшись, а дежурная горничная тихо спала под «Танцы». Никем не видимый, никем не замеченный, незнакомый в темноте никому из случайных куривших пьяненьких. «Как Илья прямо», – усмехнулся он. Дорожка вывернула в сторону от корпусов, к горам. Он не видел, куда ступал, иной раз проваливаясь по колено. Иногда слышался хруст снега, иногда далеко-далеко, как из другой жизни, раздавался хохот толпы, луна пропадала, в надежде что хоть сегодня ночью не придется маячить, но затем вновь выныривала из-за рваных облаков. В голове не было мыслей, только боязно было не выйти на верную тропу. Жалко будет умереть, плутая по горам. Но душа была спокойна, присутствие Ильи темяшилось позади, и он шел, подталкиваемый на верную дорогу.

У подножия горы, там, где тайга начинала робко властвовать редкими деревьями, меж толстых стволов прыгали огоньки. Прибавив шагу, Денис отправился туда. Наконец стал ощущаться холод, кончики пальцев подморозило. Он

пустился бежать в надежде, что движение согреет промокшее тело. Тело приближалось к костру.

Костер развели помощники, сидевшие неподалеку в машине. Он взял с собой троих, на всякий, если придется исчезать. Но мальчишка пришел один, как и обещал. Бежал в дурацком, летнем костюме. Шэнь не признавал европейских пиджаков, столь ненужных в этом климате. Сам он надел шапку потеплее и расписные валенки с бисером, вышитые женой Деминга. Он не пошевелился, когда Денис пропустил рысью, только ладошки от костра стали горячими.

Почти вплотную приблизившись к костру, Денис увидел мужчину лет тридцати пяти. Огонь высвечивал чуть сощуренные глаза, придавая им вид матерого волка. Руки он держал низко над огнем, почти соприкасаясь, но, казалось, не испытывал при этом дискомфорта. Валенки блестели синими и пурпурными цветами, отражаясь в искрах пламени. Весь он был собранный, подтянутый, статный. А он-то себе представлял жирного обрусевшего китайца!

Денис встал напротив Шэня и без боязни посмотрел ему в глаза.

– Здравствуй.

– Хитрость жизни состоит в том, чтобы умереть молодым как можно позже. Ты, похоже, совсем наивен, Денис, – Шэнь чуть приподнял брови и, не разжимая губ, улыбнулся. Затем, не поворачиваясь, вполголоса отдал приказание. – Дайте ему что-нибудь накинуть, а то он еще до начала разговора рухнет.

– Я не замерз! – гордо сказал Денис, почувствовав, что волосы превратились в сосульки.

«Почему ты не имеешь привычки заткнуться вовремя?», – спросил Илья. Он превратился в свою миниатюрную копию и уселся на правом плече. – «Тебе не надо, так хоть я погреюсь!»

Шэнь рассматривал его, так и не встав, и Денису стало неудобно. Он надел валенки и куртку явно с чьего-то плеча, в которой руки утонули. Но стало действительно теплее, и он перестал дрожать.

– Так зачем позвал ты меня, Денис?

Вдох. Выдох. Будь серьезным. Без книжных речей.

– Ты посчитал, что твоя честь запятнана. Я пришел, чтобы драться. Если захочешь, умереть. Я считаю, ты не прав, что вмешиваешь женщин в мужские дела. Мы должны сами разобраться.

Шэню стало смешно. Какой смелый этот мальчишка. Пришел в лес, ночью, один, совершенно не зная, что его ждет. И драться!

– И на чем ты предпочитаешь драться? Мечи? Пистолеты? Ножи? Может, кулачные бои?

– На чем скажешь. Но у меня условие – я хочу, чтобы с Алисой все было в порядке, – твердо сказал Денис и добавил, – а если ты знаешь, что с моей мамой, то и с ней пусть все будет в порядке.

– Как же я тебе дам гарантии, если ты умрешь? А? Не

подскажешь?

Шэнь двинулся с места и пошел вокруг костра, приближаясь к Денису.

– На что ты рассчитывал, придя сюда? Что я смилостивлюсь, отдам девчонку, и все пойдет по-старому? Или, может, что мы устроим здесь бои на клинках, подобно самураям. И я дам тебе проткнуть себя, после чего последним моим приказанием будет отпустить девчонку и дать тебе много золота? Мальчишка, глупый мальчишка, ты не видел жизни, не знал ее и не нюхал, оттого так смело и спешил сюда. Во что ты верил? Несчастье входит в ту дверь, которую ему открыли, и ты открыл ее самостоятельно. Ты не задумывался о последствиях, и они настигли тебя. Как думаешь, сколько потребуется времени твоим подписчикам, чтобы забыть об этой истории? Сколько времени они будут разыскивать бесследно пропавшего Дениса, обнаружившего видео, где его девушка отдыхает с другим на море? Я, пожалуй, подпишусь на несколько групп, чтобы наслаждаться тем, как изменится настроение толпы, для которой ваша любовь станет чушью. И я с наслаждением буду подогрывать тех, кто зальет вас ушатам грязи. В рот входят болезни, изо рта – катастрофы. И ты сам – катастрофа, Денис.

– Правда? Ты так думаешь? А если наоборот? Ты заражен болезнью. Болезнью тщеславия, которая принимает на себя все, что есть в этом мире. Что тебе мешало пролистать эту картинку также, как ты пролистываешь миллион новостей в

день? Что мешало тебе улыбнуться или просто закрыть фото, равнодушно запив его стаканом воды? Не знаешь, а? Я отвечаю. Твоя гордыня, твое тщеславие, твое высокомерие. Ты, человек в валенках, вдруг ощутил в себе желание обидеться за весь Китай, ответить за каждого, вспомнить о религиозном розжиге. И, может, глупая, но все же, шутка, превратилась в бомбу для твоей скучающей гордыни. Ты развел костер и бросил в него канистру с бензином. Ты, а не я.

Шэнь дернул щекой, но промолчал. Губы сжались в плотную нить, он придвинулся вплотную к огню. Денис, распаленный, говорил все громче, и ноздри его вздувались, подобно быку на корриде. Он сел напротив, вскинув руки к огню.

– Знаешь, ты мог бы признать, что неправ. Хотя бы сейчас, пока мы вдвоем, признай это. За мной, – Денис невольно оглянулся, – армия. Они готовы разорвать тебя за то, что ты похитил невинную девочку в угоду своей обиде. Та армия, за которую борешься ты, даже не подозревает о нашем конфликте. Зачем тебе, зачем это? Глупец ты, а не я!

Шэня передернуло, несмотря на теплую одежду, кожа вспухла от морозных иголок. Блеск в глазах мальчика заставил его съежиться, он хотел, но не смог заставить себя перебить его. В этом мальчишке он вдруг разглядел себя. Себя, того сына, что объявил матери о свободе. Того Шэня, что смог взбунтоваться против старших, отстаивать себя. Но теперь бунтует не он, время делает круг.

– Ты хотя бы осознаешь, насколько ты в невыгодном по-

ложении? Мне стоит только махнуть рукой, и тебя разорвут на части. Твоя армия не успеет и на клавишу нажать, – насмешливо сказал он и сам почувствовал, как фальшиво это прозвучало. Все рушилось. Стена, которую он возвел, уже пробита.

Денис смахнул с лица снежинки, тысячами летящие с неба. Он знал, что было глупым приходить сюда одному. И все-таки он верил в чудо, в себя, в то, что сможет преодолеть то, что происходит.

«Решил поиграть в героя?» – спросил откуда-то голос Ильи.

Глаза Шэня непроизвольно расширились. Волк увидел добычу, что собирается съесть его самого. Денис обернулся и ошалел. На равнине, что секунду назад еще замерзала от неожиданной вьюги, стояло, по меньшей мере, человек пятьсот. Офицеры, в штатском, да просто мужики. Все они были вооружены: кто саблями, кто ружьем, а кто просто палкой. Одеты они были в летнее, парочка мужиков босиком, а глаза светились неземной жадой. Они стояли тихо, явившись с того света, чтобы найти правду. Над ними возвышался всадник на коне, в котором Денис узнал Илью. Сейчас он выглядел взрослее, на нем было пальто не по плечу, и шапка с красной звездой. Строгое лицо и сомкнутые брови. Он готов.

Карман Дениса оттянуло что-то тяжелое, опустил руку и нащупал пистолет. Пистолет! В секунду он наставил его на

Шэня, который тут же превратился из волка в шакала, загнанного в угол. Из машины выскочили трое.

– Свистать державных наверх, – непонятно скомандовал Илья, и армия устрашающе-молча двинулась на головурезов, преградив им путь. «Смотри, смотри, у них вместо глаз пустота», – прошептал пискляво один из помощников Шэня.

Сам Шэнь уже оправился, и всикинулся на Дениса, несмотря на то, что тот крепко держал револьвер.

– Давай, пристрели меня. И никогда не узнаешь, где девочка.

– Я думаю наоборот, – сказал Денис и нажал на курок.

Шэнь зажмурился.

– Старинная русская игра, в которую ты выиграл в этот раз, – Денис почти не думал, что говорит и делает. Все происходило слишком быстро.

Он только краешком сознания цеплял, как Илья спустился с лошади и кричал на пленных дружков Шэня, пока армия безмолвно окружила их, не страшась усиливающегося снега.

– Второй раз может и не повезти. Предлагаю сдаться.

Шэнь закрыл глаза. В нем шла тяжелая работа. Он боролся с собой. Слишком велико унижение. Он почти потерял сознание от напряжения, но услышал голос парня.

– Телефон. Ответь, – потребовал Денис.

Медленно, глядя прямо в глаза врагу, достал Шэнь из кармана смарт. На экране светилось лицо сына.

– Да, Роман.

Сын затараторил, как делал всегда, провинившись.

– Папа. Отец. Не наказывай Ивана, это я, все я придумал! Пожалуйста, папа! Мне стало жалко Дениса, и я забрал ее, выкинул в «Перьях»! Ваня просто подчинялся моему приказу, не надо, не наказывай его семью, пожалуйста! Она не знает, кто ты и что было, она не выдаст. И Иван не выдаст, папа!

– Роман, мы поговорим об этом дома. Сейчас я не могу разговаривать, – не сводя глаз с револьвера, который заворачивал беспощадностью, сказал Шэнь.

– погоди, погоди, пап! Тут тебя этот ждет, ну из Китая, который. Пока в кабинете сидит, бумаги читает.

– Я приеду, и мы обо всем поговорим. Если что, я люблю тебя, сын, – собрав в кулак остатки самообладания, сказал Шэнь.

Денис стоял, не дрогнув ни мускулом. Лицо его преобразилось, черты лица стали острыми, глаза выдавали ненависть и презрение.

– Ты слышал? Алисы у меня нет. Сын постарался. В меня растет, решительный, – криво улыбнулся Шэнь. Вся фигура его выглядела жалкой, такую только добивать.

– Мама. Где мама?

– Да оставь ты меня в покое, у меня только девчонка была, и с той проблем оказалось больше, чем надо! – Шэнь сорвался на крик.

Палец дернулся, и Денис нажал на курок. Щелчок.

– Видишь, я не вру. Я сказал правду, нет ее у меня, – уже тихо сказал Шэнь, и Денис ему поверил.

Опустив револьвер, он встал на одно колено. Вьюга бушевала уже по-настоящему, и костер потух, утомленный безудержным ветром. Денис склонил голову и сказал:

– Я прошу у тебя прощения, неизвестный мне человек. Прости меня, если причинил тебе боль. Я не хотел и то вышло случайно. Прости меня, от всего сердца.

– Уходи. Уходи и не возвращайся. Уходи! – страшно закричал Шэнь, перекрывая отчаянный вой ветра, рассыпавший войско Ильи.

Шэнь пятился назад, лицо его исказилось жуткой мукой, словно Денис плеснул соляной кислотой. Шапка слетела с него, и волосы рассыпались, закрывая лицо, налипая на глаза. Он не мог испытать большего унижения, чем в эту минуту, когда победивший его парень вдруг просит прощения. Перед глазами вставали призраки, и призраки эти были страшнее молчаливой армии. Призраки разбитых надежд, призраки тех, кого он однажды разрушил. Он отступал все дальше в темноту, в надежде, что клеймо униженного перестанет жечь остальные чувства в душе, но ощущал лишь боль, бездну боли. Сын, его сын встал на сторону мальчишки! Шэнь взвыл, тревожа сон голодных волков, вцепившись себе в волосы. Все кончено. Он проиграл.

Из дневника И.Б.

Проснулся утром, голова болит, мутно. Ничего не помню, что было, а и было, вспоминать не хочу.

Нет, Зина, я не пьянствую. Просто деньги надоело складывать, вот и пил неделю. Сейчас только не знаю, идти на дежурство или дождаться, когда ухо подживет. Я этого запомнил, воткну ему саблю, куда следует. Вся наволочка в крови и земле. Славно помутузили, конечно.

Петр ругаться будет, неделю уже не появлялся, с самой полочки. Ну и хрен с ними, все надоело.

Глава 15

– И ты думаешь, это не связано с денискиным китайцем? – недоверчиво спросил Владимир.

Марина позвонила ему полчаса назад, вытащив из давно остывшей ванной, где он коротал время. Наскоро одевшись, он спустился к красной машине, где его ожидала девушка. Из ее быстрого, сбивающегося на междометия рассказа, он сумел понять, что с женой все более-менее в порядке. Марина спросила адрес Леки и, судя по маршруту через дальний мост, они ехали к ней. Вообще Владимир не любил причал и бывал там однажды – когда Леку прооперировали. Затерянное среди старых заводов место, где насадились пятиэтажки и частные дома, было прочно освоено гражданами из ближнего зарубежья. Все, что находилось по ту сторону от знаменитого на весь город рынка с китайцами, принадлежало им. Многие коллеги Владимира родились и выросли у ворот завода, где кучей до неба лежали стружки. Сам мост он любил – свободный, широкий, без потока энергичных машин, стремящихся в центр на работу. Этим мостом ехали дальнобойщики, неспешные дачники и жители дальних районов, устроенных из высоких домов и высоких домов. Туда они и направлялись.

Марина не отрывала глаз от дороги. Уже перевалило за полночь, но усталости и голода она не ощущала. Ее гнали

вперед надежды и догадки. Дорога была напряженной – широка дорога, лес и редки дома, затерянные среди деревьев. Темень. Развязка. Скоро все закончится. Не думать о Денисе. Все хорошо, Алиса. Илья. Илья.

– Понимаете, Владимир. Все очень странно. Угрозы вашей жене были отправлены с компьютера в отделении. Это однозначно не мог быть недруг Дениса, ему это не нужно. Посудите сами, зачем целую неделю отправлять письма, когда можно просто похитить, как мою сестру? Я получила список всех сотрудников отделения, – в этом месте Марина слегка покраснела, вспомнив Крысова, – и выяснила, что у них недавно появилось трое новых сотрудников. Два интерна и девочка – санитарка. Так вот, мне кажется, что дело с ними нечисто. В отделение я не сунулась, побоявшись их спугнуть, полиции пока тоже не стоит говорить.

Она умолкла, слушая gps, подсказывавший правильные повороты в ряду краснокирпичных домов-гигантов, похожих друг на друга сильнее близнецов, позади которых запрятались пятиэтажки.

Лека только что уснула, когда противный сигнал домофона оповестил, что кто-то из мерзотных соседей опять потерял ключи. Абсолютно раздражающее свойство многоквартирного дома. Она каждый раз клялась себе завтра же его отключить и каждое утро забывала. Клялась себе переехать на дачу, но работа, работа... Ей, уставшей от ночных дежурств, днем хотелось просто придремать на стареньком ди-

ване, укрывшись толстой книжкой, но со всех стороны слышались крики младенцев, собак и прочих чудесных соседей. Домофон не умолкал и, прошлепав босиком по холодному линолеуму, она ткнула кнопку.

– Лека, это Володя, есть разговор. Открывай.

Началось. Она ожидала этого, но, честно говоря, думала, первыми придет полиция.

Наскоро набросив домашнее платье, она глянула в зеркало. Полновата, конечно, но зато с худыми щиколотками. От круассанов по вечера немного отвисли щеки, зеленые глаза потускнели от тяжелых смен. Но волосы, волосы еще могут потягаться с какой-нибудь Брижит Бардо! Лека красоткой себя не считала, но гордилась происхождением из интеллигентной семьи, ставила это выше внешних данных, поэтому и мужчину искала себе такого же статуса. Правда, в этом районе их что-то не наблюдалось.

Вовка пришел не один, а с женщиной. Лет тридцать, на глаз определила Лека. Они вошли в коридор на свет, и она тут же ее узнала. Это та, у которой пропала сестра, девушка Дениса. Уже спелись. Занятно... Чтобы скрыть дрожь, она ушла в кухню, предоставив гостям сами искать место для курток на ее крохотной вешалке.

Володя и Марина молчали, присев на кургузые табуретки, доставшиеся Леке от бабушки. Налив чай в разномастные кружки, Лека спросила:

– Что привело вас ко мне в такое время? Я все сказала по-

лиции. Мы созванивались с Ирусей накануне, но утром она на смену не пришла. Я об этом и не знала, ушла пораньше, давление шарахнуло, уж не девочка. – Она поставила на стол плетенку с крекерами и рассыпала несколько.

– Понимаешь, тут такое дело... – Вова мялся, как всегда, не умея прямо сказать нужного. – Мы думаем... Подозреваем...

– Мы подозреваем, что мама Дениса пропала не потому, что пропала Алиса. И мы думаем, что Вы можете поделиться с нами некоторыми подробностями.

Марина перехватила инициативу и говорила деловито, словно давала начальнику отчет, не сводя при этом красивых глаз с Леки. Ее с самого начала поразила обреченность, с которым женщина открыла им дверь среди ночи. Она ждала визита, и, судя по всему, именно отца Дениса. Нежелание начинать разговор бросалось в глаза и эти суетливые движение у шкафчиков... Она явно знает, что случилось, но как ее разговорить?

– Я знаю, что в вашем отделении большие перемены. И почему-то мне кажется, что они могут быть связаны с исчезновением Ирины.

Лека рассматривала тарелку с надписью «Ялта», на которой, обдуваемый ветрами, неся вдаль желтый кораблик.

– Угрозы, которые ей поступили, отправлены с компьютера, который стоит в регистратуре. – Марина сделала еще одну попытку.

– Лека, если ты что-то знаешь, скажи. Я с ума сошел просто. С Дениской такая беда, еще и ты, – умоляюще сказал Вовка.

– Черт с вами, – решила Лека. – Повезло тебе, Вовка, конечно, что мать Дениске показала письмо. Ты сам-то не раскопал бы.

– В компьютере у нее остались письма. Рано или поздно полиция добралась бы до ее почты, и быстрее, чем мы сложила два и два, – спокойно ответила Марина.

Лека хлопнула себя по лбу, оставив красный увесистый след и звучно расхохоталась, вызвав плач младенца за стеной:

– Вот курица! Конспираторша хренова! Ладно, слушайте. Чуть больше месяца назад заведующий на планерке объявил, что планирует двух интернов. В этом не было ничего необычного, интернов присылали ежегодно, но на сей раз ребята были не из простых – отец одного был известным анестезиологом, а второй имел в прокуратуре старшего брата. Поэтому держались они важно, а на медсестер и санитарок покрикивали. Одновременно с ними на полставки устроилась работать санитаркой девчушка из медколледжа. Вполне естественно, близкие по возрасту ребята сдружились и образовали компанию. В ночные дежурства они садились меж стеллажей в приемном покое и негромко хихикали.

– Знаете, всем на них пофиг было, ну молодые, обтешутся работы. Тем более, что Кристина не отлынивала, мыла как

надо. А за врачей мы ответ не несем. Но потом Ирка пришла ко мне и говорит, мол, на Варгина из 315 магnezия не действует. Как орал, так и орет от боли. Мы ему вкололи, что было, успокоился. Потом еще такой случай. Дала вечером от давления бабкам лекарства, а у одной еще выше подскочило. Мы за отделению ничего не говорили еще, думаем, всякое бывает.

Но Ирина свою работу любила и по тихой снесла в лабораторию остальные таблетки из банки и ампулы с магnezией. В них оказались пилюли от кашля и вода с сахаром.

– Мы поняли, что кто-то подменил лекарство. Я предложила сказать заведующему, но Ира решила поиграть в сыщика. В ночные не спускала глаз с новичков, днем все возле лекарств была. В общем, оказалось, что Кристина, заручившись дружбой парней, ворует. То ли продает, то ли сама. Ира ее поймала, ампулы из кармана вытащила. Сказала, если не прекратится, то она Борису Владимировичу расскажет, и головы полетят. Ну и начались эти угрозы. Жена твоя, – усмехнулась Лека, – иногда не от мира сего. – Сначала не верила, что они что-то сделать могут. А потом Борька ее вызвал и отчитал, что она капельницу перепутала и не тому поставила. Травить начали, короче.

Тут Лека замолчала, пытаясь решить: сказать или соврать? Стоит ли выдавать чужую тайну?

– И что она сделала? – поторопила ее Марина. Она уже чувствовала, что эта история кончается, и в животе прыгало.

Недовольно смерив ее взглядом, Лека повернулась к Во-
ве. Тот низко согнулся над столом, выслушивая эту историю.
Его скрутило от чувства вины. Он, проживший с ней без ма-
лого тридцать лет, не слышал и не понимал, что происходит.
Видел ее по утрам с черными синяками под глазами, с круж-
кой кофе вместо сна и списывал на усталость. Слышал, как
она, закрывшись в ванной, что-то обсуждает с Лекой и поду-
мать не мог, как для нее это важно и как опасно!

– Она ее сдала Борьке. Кристину поперли. А Ирка пись-
мо получила, где написано было ну, вы знаете. И в магазине
в тот же день к ней подошел какой-то хмырь невзрачный и
сказал, что очень легко устроить падение с высоты или по-
жар. Только это не ей будет. Мол, сын у тебя один. Она ис-
пугалась сильно.

Владимир сглотнул соленый комок.

– И?

– Решила исчезнуть.

Марина почувствовала, как задрожали ноги.

– Вы имеете ввиду...

– Что ты, что ты, – замахала на нее руками Лека. – Не по-
настоящему, конечно. Затаиться.

– Вы знаете, где она? Вы ей помогли исчезнуть?

Лека коротко кивнула. На удивление, холодная красotka
оказалась сообразительной и схватывала все на лету. Ей бы
такую невестку...

Марина прислонилась к стене и устало закрыла глаза, но-

ющие от трехслойной туши и тяжелых теней. Сквозь сумрачную полудрему она слышала всхлипы отца Дениса, дозволившегося жене. Лека топала в коридоре, что-то вытряхивая, возможно. Илья витал где-то рядом, источая аромат лаванды. Как там они? Эта мысль сверлила ее насквозь. Илья приказал ждать, и она покорно (она ли это?) ждала.

«Скоро все закончится, мой дорогой товарищ».

Из дневника И.Б.

Не приходи в мой сон, не тревожь то, что осталось. Если приходишь, хотя бы скажи, зачем. Разве ты лучше меня не знаешь ответ, кто убийца?

Зина. Не оставляй меня, я не знаю, куда идти.

Глава 16

Денис несся в корпус, игнорируя обожженные холодом легкие. Вьюга потихоньку вползла в тело, пуская корни, разрастаясь болезнью, но пока было невозможно – замереть, заболеть, задуматься. Оставив позади Шэня, Илью, боевые армии, он чувствовал, что и себя старого он оставил в тайге. Тот Денис, что боялся разрушить свое комфортное существование, сам был разрушен. Никогда еще мир не казался таким реальным, несмотря на виртуальность происходящего.

Он влетел в корпус, напугав своей заснеженностью только что проснувшихся студентиков.

– Ребята, дайте сухие ботинки, дело жизни и смерти, – взмолился он.

Одна из девчонок, с розовыми концами белых волос, ойкнула.

– Ты Денис, да? Который Алису – мечту разыскивает?

Компания переполошилась, и уже через пару минут он был облачен в черные теплые кроссы и пару штанов. Кто-то отвалил ему шапку, с меховыми ушами. Такси, конечно, среди ночи в лагерь ехать не собиралось, но каким-то невероятным образом слух о том, кто ночует здесь, сдиффузировал, и в соседнем корпусе нашелся трезвый водитель. Им оказался весьма бородатый кавказец лет за сорок, назвавшийся Ахме-

дом.

– Не волнуйся, не выпивал, – успокоил Дениса Ахмед, заводя мотор.

Черный джип взревел, предупреждая темноту о своей скорости. Позади остался лагерь и люди, с восхищением смотревшие на того, кто не теряет надежды. В машине молчали. Денис равнодушно смотрел на темноту, сжимая в руках телефон. Он пока был не готов вернуться к миру. В памяти вспыхивали секунды борьбы с Шэнем, его глаза, наполненные высокомерной ненавистью к нему, где его просьбе о прощении. Навязчиво играла мелодия из «Сейлор Мун», хотелось горячих бутербродов с сыром и открыть окно. Буря забылась предрассветным сном, оставив воздуху непереносимую влажность и остро пахнущую тоску по зимней чистоте. Вновь все было покрыто ослепительным снегом.

– Меня не пустят дальше. С тобой пойти? – водитель смотрел на него с едва скрываемой жалостью, очень уж вымотанным казался мальчишка с мокрыми ресницами.

Машина стояла у ворот заповедника. В такой час еще не пришли даже самые ранние любители, только сторож мирно спал на входе в своей будке, досматривая спокойные сны. Денис покачал головой и выбрался из машины. Пройдя несколько шагов, он сунул руку в карман и, вспомнив о чем-то, вернулся. Сунув голову в окно машины, он сказал, глядя во внимательные глаза водилы:

– Спасибо. Напиши там, что все закончилось.

– Что – все? – тревожно спросил кавказец.

Странный блеск в глазах мальчика пугал. Не натворил бы чего с собой. Денис улыбнулся реке, расстилавшейся за частными домами.

– История наша закончилась. Новую начнем.

Он вошел в тайгу, не поклонившись. Слова молитв ему были незнакомы, но что-то нашептывал себе под нос. Не открыл GPS, а просто пошел по тропе, которую до него исходили уставшие души. Позади осталась работа, мечты о PROBA AWARDS, события ушедшей ночи. Он шел, вслушиваясь в себя, впервые за долгое время слушая то, что происходит внутри. Он скучал по Илье, с которым сроднился. Где-то в уголках души прыгали на его стареньком диване дети Аноры и курил одну за одной Ветров. Мама с папой на даче кормили очередную оценившуюся собаку. Он снова у себя, в тре, пьет кофе, улыбаясь белощекой Эни. И это все будет, сбудется после. Сейчас нужно идти.

Солнце еще и не думало подниматься над деревьями, но уже посветлело так, что виднелись голые макушки деревьев. Заповедник подрагивал от твердых шагов Дениса, не упрямо шедшего по тропе. Все замерло, и ни единого звука он не мог различить, кроме хруста кроссовок. Он пытался рассуждать, но мозг уже не работал. Он только ныл. Если сын Шэня не солгал, и они оставили Алису здесь, то ее нашли бы, будь она на главных тропах. Тогда где? Как найти ее среди до небес высоких деревьев, хоть еще и не совсем одетых? Он отклю-

чился, оставив сознанию неясные импульсы души, которая все тянула его дальше и дальше от спасительной будки сто-рожа.

Мозг снова вспыхнул: «Пропадешь!» И Денис устал. На-конец устал от безумной круговерти дней, от отсутствия сна и еды, от миллиона чувств, распиравших душу. Ноги, слу-жившие верно в схватке с Шэнем, подкосились, и, всхлип-нув, он рухнул на снег. Он никогда не надевал перчаток, но сейчас не отказался бы от них, и, чтобы согреться хоть немного сунул руки в карман, вновь наткнувшись на смарт-фон. Он достал его сразу, как страждущий, нашедший ис-точник. Только чудом теплилась в нем жизнь – на последние два процента. Лихорадочно пропуская миллион ненужных комментариев, пропущенных звонков, ваццапов и писем, он увидел смс Марины. «Я нашла твою маму, все ок». Он смот-рел на экран до тех пор, пока телефон не погас. Усталый, дождавшийся звездного часа и исполнивший миссию, он на-конец вырубился, замерзнув сибирским холодком.

– Какая ты умница! – сказал Денис шепотом, обращаясь непонятно к кому.

Теперь он знал, что делать.

Алиса очнулась от того, что не чувствовала больше тепла. Тело уместилось на упавшем дереве, а ноги отмокали в сне-гу. Ей снился Вьетнам и тот большой номер на сто квадратов, который достался им с Мариной по дешевке. Они укладыва-лись в кровать для молодоженов, крепко обнявшись, и засы-

пали, стараясь не смотреть на ящериц, свисающих с потолка. Их утро проходило в ласковом море, щекотавшем не знавших такого счастья, ножек. Сейчас ее ножки были в снегу, а костра как и не бывало. Вскрикнув, Алиса бросилась к тому месту, где еще вечером горел спасительный огонь, но выюга не постеснялась забросать его высоко, остервенело растоптать человеческое вторжение в дикое место.

Почувствовав себя Козеттой, которую госпожа Тенардьё отправила за водой в далекое путешествие, Алиса снова плюхнулась на бревно. Голова немного кружилась, голод пожирал внутренности, но голова пока была ясной. Если ее так поспешно выбросили в лесу, то варианта два. Либо ждут, что она замерзнет насмерть, тогда завезли ее далеко, не выбраться. Или выбросили, чтоб ее нашли. Тогда где-то здесь есть тропа и стоит ее поискать. Солнце всегда, кажется, на севере? Алиса не разбиралась ни в чем, кроме литературы. На всех уроках обычно прятала под партой «Будденброков» или «Сагу о Форсайтах». А сейчас бы пригодилась обыкновенная биология или география, или где там ориентирование проходят....Алиса еще немножко полежала на дереве, пытается натянуть поглубже кургузую куртешку, но спина замерзла так, что не ощущалась до самых коленей. Пожалуй, принц не придет, пора самой что-то делать.

– Черт с вами, медведями, пойду Машенькой, куда глаза глядят! – громко сказала она, успокаивая себя.

Идти по сугробам, перемежающимся кислой кашей из

земли и льда, было трудно. Но еще тяжелее было не унывать. Пустой желудок все сильнее тянул ноги к земле, а отчаяние окутывало и без того замерзшие плечи. И, если бы не мысли о Марине, она рухнула бы в ближайший сугроб. Глаза слипались и, чтобы не выключиться, Алиса начала потихоньку напевать «Катюшу». Среди холода так сладко думать о яблоках и грушах... Походка стала бодрее, и, подгоняемая песней, она быстрее двинулась вперед. Ей удалось допеть «пууусть он землюю бережееет роднуу...», когда она весьма сильно споткнулась, перелетев через голову и рухнув на землю. Ощупывая, цело ли ухо, поцеловавшее лед, она оглянулась и непроизвольно завизжала. Препятствие на пути оказалось телом, вмерзшим наполовину в снег. Из того, что можно было разглядеть, она заметила только кудрявый волос из-под шапки и кирзовый, выше колена сапог. Мигом вскочив на ноги, Алиса бросилась, не разбирая дороги, полуслепая от бившего в глаза солнца. Уносились далеко от чужой беды, от судьбы, которую могла разделить. И, когда силы уже должны были покинуть ее, а ноги уронить, ее поймали сильные руки. Забившись в силках пойманной птичкой, она снова завизжала, еще не понимая, что силки эти отдают теплым, живым телом, табаком и радостью.

– Алиса. Алиса! Алиса, да Алиса же, постой, прекрати, свои. Ну боже ты мой, я это, Денис, – рявкнул голос, и в голове вспыхнул свет.

Денис держал в руках ослабевшую девушку, от усталости

еле нашедшую сил, чтобы улыбнуться, и чувствовал, что скоро сам упадет от усталости. Он осматривал ее на предмет истязаний, но, похоже, она лишь получила переохлаждение. Напугана, не без того, твердит про труп, но и неудивительно. Он оглянулся на сторожа, который потихоньку зевал в сторону, поглаживая пса, но увидев вопросительный взгляд, встрепенулся. Потрепал по холке высоченного кавказца с белым пятном у носа и тихонько ему что-то приказал. Пес тут же ринулся в сторону леса. Алиса почти ничего не различала, разве что тепло рук Дениса, поддерживавшего ее объятиями и черную ушанку у сторожа, но услышала, как последний негромко сказал Денису:

– Верно, тайга ее покружить решила или голод мозг затуманил. Уран никого не унюхал, а он у меня за три километра запахи чует. Мертвеца не пропустил бы, да и не теряли, кажется, никого последнее время.

Закинув Алису на плечо, как охотник добычу, Денис сказал:

– Ведите обратно, нас дома ждут.

Благословенен тот, кого тайга отпустила из объятий.

Шэнь встретил рассвет в гостиной. Вернувшись с битвы, он разулся у входа и сел на диван, сложив руки под подбородок. Он смотрел на огонь в камине, а в глазах светилось то шакалье унижение, что пришлось ему пережить. Ламинат с подогревом не чувствовался, ступни оставались ледяными, волосы бродили по плечам. Шэнь покачивал головой и что-

то по-китайски перебирал губами. Прислуга боялась показаться, больно темные лица были у вернувшихся из ночной вьюги путников.

– Папа.

Шэнь заставил себя не вздрогнуть, услышав голос Романа. В этих днях, когда сын игнорировал его, Шэнь боялся представлять, как начнется их разговор. С чего. И вот Роман сам обратился к нему, и в голосе его звучит и робость, и признание вины и даже... Любовь? Он оглянулся, и Рома, стоявший совсем близко, за диваном, увидел вместо идеальной статуи обыкновенного мужчину. С удивлением и гулкой теплотой он заметил, что странная ночь добавила синяков глазам, что прическа его растрепана, что также, как он сам, отец, волнуясь, сцепил мизинцы. И еще он заметил в глазах отца смятение. И страх. Приготовив целую речь, Роман почувствовал, что не это сейчас нужно отцу. Перед ЭТИМ отцом не нужно пафосных слов. Рома осторожно сдвинулся с места и увидел, как в глазах напротив забила тревога. Он рванулся, забыв о прошедшем, и жадно вцепился в родные плечи. Шэнь не одобрял резких движений, но сейчас, отдавшись теплу, исходящему от сына, схватился за него, как за весло, поданное утопающему. И, среди треска дров в камине, Рома негромко прошептал.

– Я не мог допустить, чтобы ты превратился в преступника, папа.

Камин уже основательно остыл, и сонный Иван разгребал

угли, когда Шэнь очнулся от сна и велел подавать обед.

– Иван. Что там? – спокойно, стремясь не показать заинтересованности, спросил он, однако руки выдавали, сминая ни в чем не повинную салфетку из бархата.

Иван отвернулся к камину, борясь с искушением заглянуть в глаза хозяину. На нем красовалась толстовка, подаренная Романом. «Half life ждет!» было криво наклеено во всю грудь. Шэнь не одобрял такую одежду, но сейчас не попенял, как обычно. Невозможно заставить человека, если это ему не нужно. Невозможно заручиться поддержкой того, кого не поддерживаешь ты. Невозможно всю жизнь провести среди персонажей, нужно учиться жить среди людей. Сын, его маленький сын, всего восьми лет, преподал ему урок. Малышу восьми лет, подчинились все слуги в доме, скрыв от него правду, которая могла бы дорого им обойтись. Ему, маленькому Роману, помогли вывезти в лес и оставить там девушку, не открыв ей тайны, где она была. И мог бы всех до единого наказать Шэнь за неповиновение, за предательство. Но все перечеркнуло светлое детское побуждение. «Ты не убийца, папа, я знаю. Тебя переключило. А я не хотел всего этого. Мой отец самый крутой, но он не убивает», – горячо шептал ему на ухо Рома. – «Я тебя люблю больше всех, папа. Уедем отсюда, давай?». Шэнь смял еще одну салфетку.

«СТОП поиск! АЛИСА НАЙДЕНА! Подтвержденная информация! По данным полиции, девушка найдена в одном из секторов «перьев». Очевидцы утверждают, что девушка

была без сознания. Возможно, переохлаждение или потеря сознания. К сожалению, пока ни от кого из участников истории не удалось получить подробный комментарий, они не выходят на связь. Мы будем держать вас в курсе событий».

Иван зачитал и молча, с едва заметным холодком, ждал реакции Шэня. Но Шэнь, вопреки всему, почувствовал, как нем поднимается волна покоя. Того внутреннего покоя, что ускользал длинные годы, заставляя желать больших наслаждений, больших побед, брать серьезные препятствия. Ощущение разлившегося внутри океана потушило пожар, вызванный столкновением с Денисом, и Шэнь увидел ситуацию глазами Романа. Отвращение взорвалось в желудке, перемежаясь с желудочной кислотой и поднялось к горлу. Теперь он понимал, как гадко и низко было то, что он пытался доказать, как ненужно и мелко – наказывать человека за мнение. Шэнь взял со стола пустой стакан и обнял пальцами начищенное до прозрачности стекло. За окном горело солнце, не вспоминая о прошедшей буре. Оно слушало первых дроздов, вернувшихся из тепла раньше обычного.

– Набери мне Деминга.

Через два месяца они покинули город. Там, в большом городе Востока, их ожидал небольшой дом, в котором Иван уже командовал дизайнерами, обустроивающими сад для медитаций. Там, среди тех же гор, что и в этом сибирском городке Шэнь надеялся найти новую жизнь. И там, на его новую фабрику уже устраивалась кареглазая бразильянка с зо-

лотым зубом, у которой позади осталась неудачная любовь. Иногда Денис будет всплывать в памяти грозовой тучей, из которой струями пролился очищающий дождь. Иногда это будет благодарная тучка, которая раскрыла Романа, показала ему смелого, самостоятельного сына, сумевшего принять решение и воплотить его. Они часто теперь проводили вечера за шумной стрельбой у двух компьютеров. Иван спел жениться до отъезда, и со спокойной душой поселился в комнате у кухни со своей Настей. Иногда тучка будет смешная, от вспоминания, сколько сил он потратил, разыгрывая безудержного мафиози в ночной машине с головорезами. И совсем изредка в глазах вспыхнет молния от тучки страшной. Но это лишь с тоски по родине, на которую он так никогда и не вернулся.

Из дневника И. Б.

Я в него выстрелил. Зина, будь покойна теперь. И я покоен.

Глава 17. История первая

Третьи сутки Денис боролся с последствиями героизма и отчаянно кашлял сквозь сон. Спал он тоже отчаянно, узнав, каково это – отсыпаться с чистой совестью, на бамбуковых подушках и под тремя одеялами. Иногда он ощущал мамины руки, вечно пахнущие нашатырем и лаком для ногтей, бродившие по жаркому лбу. В каком-то из сновидений чудился голос папы, бурчавший: «а все ты, тоже мне, нашлась – борец с коррупцией и воровством». Сны были обрывочны и совсем не безмятежны: он видел себя на коне с саблей, или в рыцарских доспехах, а то и самым настоящим Рэмбо. Было нестрашно – верный Илья сопровождал всегда, не давая оступить или дрогнуть рукой при выстреле. Денис счастливо улыбался, зная теперь, что без поддержки он не спасется и зная, что Илья – лучший из всех поддержек. Только вот кашель все донимал, отвлекая от спасения мира.

Илья подал руку, помогая спускаться с лошади. В этом сне они шли по зыбкой, вязкой последождивой грязи, в которой лошадь увязала. Перед ними расстился лес, огромный, широкий, до самого горизонта, но тоскливый, скучающий по чередке гор. Спустившись по тропке, они пошли рядом, и Денис, уже привыкнув к смене декораций, с интересом рассматривал Илью, который сачком пытался ухватить куропатку, что металась вокруг них. Отменно загорелый, в

коротких оборванных парусиновых шортах и расстегнутой желтой рубашке, он напоминал теперь легкомысленного художника. Кудри вспотели и прилипли к голове, обнаруживая неправильную, шишковидную форму черепа. Задумавшись о том, не сменить ли ему самому прическу, Денис наткнулся на Илью, который резко остановился.

Перед ними по-прежнему рядом стояли деревья, но воздух вокруг неуловимо изменился. В него вливались звуки, еще малоразличимые, но уже назойливые. Кажется, куры. Да-да, куры. Илья, на минуту остановившийся, отбросив сачок, рванулся вперед. Денису, не успевавшему за ним, были видны только развевающиеся полы рубашки. Звуки стали громче, к ним уже примешивались запахи коровьего навоза и тушащегося, кажется, на огне, мяса. Схватив по дороге веточку пихты, Денис пошел спокойным шагом, ибо разглядел впереди наконец затерянное от всеобщих глаз поместье. Издали оно больше напоминало здание провинциального театра, только скотина да брань, наверное, слуг, выдавали истинное назначение здания. Было оно невысокое, в два этажа высотой. От главного широкого, квадратного дома вправо и влево отходили два крыла пониже. По переднему краю тянулась огромная терраса, но Денис не мог разглядеть еще, что там, потому что подходил он ко всему этому благолепию сбоку, а напротив террас тоскливо стоял Илья. Наконец добравшись до него, Денис увидел, что тот стоит, опустив подбородок и внимательно вслушивается в какофонию звуков,

ожидаая чего-то.

– Пойдем? – Денис потянул его за полу рубашки.

Он чувствовал, что стал смелее за последние дни, но не последнюю роль в его решительности играло и осознание того, что это сон. Илья не отозвался. Он жадно всматривался блестящими глазами в террасу, чего-то выжидая. Махнув рукой, Денис подошел поближе. На крыле, что было к ним ближе, растянулся длинным стол, покрытый ажурной кремовой скатертью. Если бы Денис подался в богачи, он явно выбрал бы именно такой завтрак: яркими пятнами разбросаны были несколько розеток с вареньем, густо-красным, зеленым, черным. В деревянной масленке таял камень желтого сливочного масла. Самовар, стиснутый с двух сторон блюдцами и чашками из расписного фарфора с позолотой, уже начал пыть от нетерпения. Блины, оладушки, миска с белоснежной густой сметаной – здесь себе не отказывали в удовольствии. Послышался шум встряхиваемой газеты, и Денис вздрогнул. Только теперь он разглядел за самоваром невысокого мужчину. Он сидел боком к Денису и Илье, но из-за желтой бумаги в руках был почти незаметен. На нем был темно-синий потрепанный халат с блеклыми узорами, по которому можно было легко догадаться, что это – глава семейства. По виду – лет пятьдесят, не меньше. Черные волосы и того же цвета усы, молодецки скрученные вверх.

– Ариша! Душа моя! Блины тоже срок имеют! Где дети? Где сама? – отбросив газету, закричал он неожиданно визг-

ЛИВЫМ ГОЛОСОМ.

На крыльцо тут же, словно пряталась за дверью, выскочила женщина с копной серых волос, заколотых высоко на затылке. Сквозь наглухо застегнутое шелковое платье пробивался ряд жемчужинок на шее. К низу расширяющееся, оно явно мешало быстро передвигаться, и в целом не вязалось с простотой завтрака, но мужчина, опустив газету, окинул ее одобрительным взглядом. Женщина расправила плечи и с облегчением унеслась в переднюю. Послышался нежный, но уже усталый голосок:

– Марья! Андрюшка! Сережа! Васька! Аннушка! Катрин! Зина! Быстро к столу, отец не любит ждать!

Тотчас же на крыльцо с криками высыпала веселая компания разномастных детишек разного возраста. Все они были темноволосы, отличались загорелым цветом кожи и увесистыми щеками. Денис вспомнил своих – анориных детишек и подумал, что обязательно сводит их на второго Ральфа, как обещал. С непрекращающимся спором дети расселись по местам. «Васька, тут я сижу», – стаскивала девчушка в чепчике с носом-кнопочкой своего братца со стула рядом с отцом.

– Тише, дети. Вы мешаете папа читать газету!

Вслед за строгим, как звонок на урок, голосом, появилась его обладательница. Совсем простое черное платье с поясом, сидело на ней, как на китайской принцессе, и то, талия принцессы явно проигрывала этой. Только черная шляпка не шла

лицу, совсем юному и необыкновенно персиковому. Глаза смотрели с укором, но в уголках мелькала искорка того же озорства, что еще горела огнем в малышах. Под мышкой она несла толстый учебник и, несмотря на попытку сесть аккуратно, шлепнулась на стул, покачнув его. Денис заметил, что отец глянул на нее с неодобрением и непонятым разочарованием.

Илья весь подался вперед, обогнав Дениса. Было видно, что девушка ему не чужая.

– Зина, ты опять занималась, вместо того, чтобы спать? – послышался голос главы семейства. Столь явное недовольство заставило Дениса поежиться.

– Папа, если я не буду заниматься, то не смогу поступить в университет.

– И зачем тебе университет? Рожать да хозяйством водиться – тут университетов кончать не надо, у вас, женщин, это по крови передается. Или ты вознамерилась против царя выступать своими знаниями?

– Я хочу другой жизни для крестьян, папа, – дернув плечом, ответила девушка.

Малыши за столом притихли, даже Васька перестал складывать блины в четвертку, чтобы уложить в свой жадный рот. Слышалось лишь ворчание самовара да курицы ругались, как обычно. Мужчина сложил руки на столе и спросил, сведя брови:

– Другой жизни девица захотела? Так пойди и хлеб почи-

сти, корову подои, нежели шашкой математической махать. Еще не знаешь жизни, чтобы свою мысль иметь о другой. А коли тебе делать нечего, так я работу найду, хватает.

– Владимир! – запыхавшись, снова выбежала на террасу уже виденная Денисом женщина. Волосы ее растрепались и теперь оттягивали плечи, блестя серебром, но она не замечала этого, явно напуганная. – Там пришли какие-то... Требууют принять сейчас же, говорят, распоряжение!

Забыв об уже остывших блинах, глава семьи пошел к дверям. По дороге он остановился около старшей дочери и негромко сказал:

– Вот она, твоя другая жизнь. Что не бежишь ее встречать?

Но слова его, казалось, нисколько не задела девушку. Она все также прямо сидела, глядя зелеными ведьмовскими глазами на муху, выющуюся у малинового варенья.

– Сейчас она пойдет за папенькой и подслушает их разговор. Они будут предлагать вступить в ряды красных или дать денег красным, чтобы, значит, власть переменялась. И вообще против царя. Они разругаются, и ввечеру она вещи соберет. К товарищам.

Он не отрывал взгляда от профиля девушки, и кишела в нем жуткая смесь из нежности и огромной боли, которая передавалась Денису.

– Вот смотрю я на нее. Чего надо было? Всего вдосталь. И братья, и сестры, и еды хоть отвались, а поди ж ты, все броси-

ла ради революции. Я, ладно, дурень банковский, поверил в сказки, она-то у меня ученая была, зачем доли такой захотела? – Он зашмыгал носом, но быстро справился с эмоциями.

– Видишь, какая была, а я и не знал. Дом свой. Блины с утра, богатая семья. И меня, дурака, полюбила. Ее когда домой принесли, с головой-то в крови, она и то просила. Илюша, мол, всегда ласково звала, Илюша, ты мне косы заплети, смой кровь, не хочу растрепухой быть. Вдруг соврали нам, что нету ничего за смертью, а я простоволосая. И померла, понимаешь, с такой улыбкой. Как будто поняла все! Сгубило меня. Что мне советская власть, если Зину свои угробили? Никому и дела не было, что за платье убили, за дурацкое платье. Ну любила она по-модному одеться, учительница же! И в тот вечер пошла, тоже надела, волнами, синее. А большевикам все одно – убивать буржуев да побольше. Так и лишился я Зины. Да и сам....

Он неслышно двинулся по траве, направляясь на задворки дома. Время во сне пролетело, и уже затихло, потемнело поместье, уложив уставших крестьян и вымотанных скукой господ, уклало Ваську, мающегося животом поле горы блинов и остальных его братьев. Не спала лишь Зина, выбравшаяся со стороны коровника с небольшим узелком. На ней было все те же платье и шляпка. Она быстро удалялась от двора и, уже забравшись к густому лесу, обернулась и, не сдержавшись, по старорусской привычке перекрестилась и покрестила дом. Забылась на мгновение тоской по всему, что остави-

ла прежде и тому, что случится и малодушно шагнула назад. Замычала корова, и, испугавшись, исчезла Зина в чаще.

– Наказала мне, – продолжил Илья, увлажнившимися глазами проводив ее след, – разыщи Ваську, он обо мне память сохранит из всех, он один все знал, куда я из дому сбежала, хоть и малек был. Сбереги его, как сможешь, наставь на путь, как своего бы сына наставил. – Он замолчал, восстанавливая дыхание, Денис молчал в ответ, понимая, как трудно ему переживать заново те дни. – А я... Пьяный пошел по площади и давай на приставов гонять волну. Все у них дознавал, почему убийц не ловят, что мою Зину... Они меня и... – сглотнул Илья.

– Как это? За что? – не понял Денис.

Илья посмотрел на него с едкой усмешкой.

– Ну как? За агрессию к властям. Сказали, что лошадей пытался изнахрратить, что орал. По делу – просто зарубили и все, в канаву бросили, дело по темну было же. Никто и разбирать не стал, я перед этим сильно... Куролесил. Только не говори, – он предупредительно вскинул руки, – что в твоём мире этого нет. Нравы всегда одинаковые, только время разное, везде несправедливостей хватает, как и справедливостей поровну. Наверху подсчет верный ведется.

Только сейчас Денис заметил, что сон их снова изменился. Теперь они сидели в стеклянном кабинете, в потолок которого заглядывали сине-фиолетовые звезды. Илью уже не было видно за плащом, лицо укрыл капюшон, и голос его

стал тверже. Денис увидел себя в железном кресле, против друга.

– Что теперь? Что дальше? – спросил Денис и подивился тому, как громко прозвучал вопрос в этой комнате.

– Все-таки, товарищ мой, нерасторопный ты. Медленно хватаешь. Но, – слышно было, как заулыбался Илья, но разглядеть его под капюшоном возможности не было, как ни силился Денис, – если ухватишь, размотаешь весь клубок. Пришел я счет закрыть, без которого мне с Зиной свидеться было трудно. Помочь пришел васькиному роду путь найти.

– Васькиному? Погоди. Так ты. . .

В мозгу вспыхнула догадка. Бабушка говорила, что отец был из богатой семьи, и они жили у Смоленска, но перед революцией перебрались в Сибирь, где спокойнее, подальше от всех событий. Она еще тогда показывала фотокарточку, на обороте которой были имя и фамилия деда, но он, дурак пятнадцатилетний, разве интересовался тогда историей семьи? Его тогда больше смерть Джексона занимала.

– Мне пора, – сказал Илья. – Меня ждут.

– Погоди, – попросил Денис, – Мне еще о многом нужно узнать! Спросить, кто они, эти партизаны в лесу. Почему ты не дал убить Шэня? Как Алиса очутилась в лесу? И вообще, не оставляй меня. Как я без тебя?

– Я все сказал, и больше меня не задержат. Ты повзрослел, и помощь тебе уже вряд ли понадобится. Если только опять не влипнешь. Прощай, товарищ Денис и знай, – серьезный

тон, который Илья выдерживал все это время и так ему не шел, он сменил на шуточный, – мне очень понравились ваши Гуччи и сливочное масло под колбасой.

Полы плаща зашуршали, и Денис ощутил крепкие объятия Ильи. Дворе парней в бесконечной Вселенной, которым суждено еще не раз пересечься в иных ипостасях, в очередной раз прощаются навсегда...

– Я буду помнить тебя всегда, друг, – прошептал Денис в пустоту плаща и в следующую секунду понял, что обнимает одеяло.

Рука на голове, которую он обхватил с надеждой, оказалась маминой. Встревоженно расспрашивая сына о забытье, в котором он все звал Илью, Зину, пресловутую Алису, она беспокоилась о его легких. Выдержат ли воспаление? Не придется ли укладывать в стационар? Все остальное не стоит ее переживаний, не стоит эмоций.

Мама уже не помнила последние дни, прошедшие в криминальном бреде, где она была главной героиней. Спрашивала себя, глядя на седую щетину мужа, стоила ли ее щепетильность ужаса, что пережили они? Стоили несколько дней на даче Леки ослабевшего сердца Володи? Почему сразу не пришла к заведующей и не сложила на его голову, даже если воровать лекарства не перестали бы. Нужно пересмотреть свои взгляды, и отказаться от старшей медсестры. Вот и Дениска попал в жуткую ситуацию, а она не знала об этом, занятая своими переживаниями. Хватит брать на себя то, что

не вытащить. Все теперь изменится. И она мурлыкала колыбельную своему совсем взрослому сыну, затихшему в сладкой дреме.

Глава 17. История вторая

Марина эти дни тоже не отходила от постели. Алиску поначалу отправили в больницу, но к ночи отпустили. Ни лекарства, которыми ее пичкали, ни ночь в лесу не отразились на ее здоровье. Она сказала, что у нее костер сам собой разгорелся и грел, но чего только не привидится после наркотиков...

Дома их ждал Васька, который, несмотря на ее надежды, все-таки узнал. Да и чего говорить – все соцсети завалены их фотографиями, уже и личную жизнь разбирают, маринкин благоверный продал информацию.

Вася без лишних слов усадил их за стол. На лице было написано неодобрение, но, понимая состояние девчонок, он молча разлил по тарелкам густой суп. Ощувив запах солянки, которую брат готовил почти также, как мама, разве что лимон добавляя в самом конце, Марина поняла, что вернулась в реальный мир. Алиса сидела рядом, низко наклонив голову к тарелке. Она еще не подозревала, что стала звездой. Пока ей хотелось снова очутиться в своей продавленной постели с кофейным пятном у подушки. Нежное девичье сердце вновь и вновь трепетало, вспоминая, как крепко держал ее Денис, как пахло от него потом и почему-то корицей. Вспомнив о чем-то, она не донесла ложку до рта.

– А долго меня не было?

Вася усмехнулся и, глядя на Марину, сказал:

– Больше недели, сестренка. На премьеру мою не успела.

– Черт, курсак не сдам вовремя, схвачу пересдачу, – огорчилась Алиса.

– Вы носом клюете обе, идите-ка спать. Утром поговорим, – сказал Вася.

Залив в себя стакан холодного молока, Марина шмыгнула под одеяло. Она надеялась, что сон придет на зов успокоившейся души, но нет. В голове роился миллион мыслей. Что теперь будет? Как воспримут ее на работе, ведь она толком и не объяснила свое исчезновение. Телевизионщики и прочие страждущие, без которых, может, и не испугался бы этот сумасшедший, как им всем объяснить? Вася на кухне мыл посуду, слушал негромко радио, без которого он и не спал, кажется, громко выдавливал последние капли из закончившегося «Фэйри». Оказывается, жизнь не замерла. Оказывается, все идет как и шло, только они выпали со своей безумной историей. Хлопнул холодильник, Вася ставил кастрюлю с супом. Васька... Бросил гастроли, чтобы к ним приехать. И это в нем тоже от мамы – в нужный момент оказаться рядом, несмотря на страсть к любимому делу. Как рассказать ему про Илью? Она грустно улыбнулась темноте, в которой мог бы появиться он. Кудрявый сказочный товарищ, галлюцинация их с Денисом, ее верный друг. Весь день она вздрагивала от малейшего движения в воздухе, искала глазами у высоких больничных ламп, оглядывалась без дела на заднее

сиденье, высматривала на своем потолке. Увы. Его не было. Не было его и с Денисом, так она чувствовала, она знала.

Утром проснулась от собственного стога, убежав из мира теней, в которых Шэнь ловил ее в «Перьях», расставив капканы повсюду, где только падал взгляд. Она оставила под одеялом Алису, укутав ее посильнее, вытащила у Васи, уложившегося в не по росту ему кровати сестры, книгу и вышла в комнату, включив ноутбук. Пока на плите шипела гейзерная кофеварка, не спеша умылась. Заметила новую морщинку у виска, собрала волосы, выпустив несколько прядей на свободу и нанесла легкий макияж. Пусть сегодня будут розовые щечки. В спальне зашевелилась Алиса, и она плотнее прикрыла дверь. Налила молока в кофе и, вздохнув, заставила себя сесть к компьютеру. Здравствуй, мир.

Несмотря на все ожидания, мир ошеломил ее. Почта выдала счетчик три тысячи четыреста пятьдесят два письма. Наугад открыла одно из последних.

«отправитель: spasilmirrrrra234@mail.ru.

Привет, красавица! Я рад, что все закончилось, но знаю, что у тебя все только начинается! Читал этого ублюдка, который считает, что ты много тратишь на свои волосы, нахрена он тебе? Если вдруг захочешь – пиши мне в телеграм или воццап (ниже черкнул номера), я считаю, что женщина имеет право на любые капризы, особенно такая, как ты! Меня зовут Олег, мне тридцать семь, и у меня сеть заправок. В общем, номера знаешь, пиши».

Коротко улыбнувшись «женщинкам», Марина нажала «удалить все». За мгновение корзина стала чиста, и ей стало легче. Инстаграм ее угнали, контакт посещать не хотелось по причине того, что там ее ожидало повторение почтового сумасшествия, и она решила сначала почистить фейсбук. Благодаря дурацкому мессенджеру лички, который нужно устанавливать отдельно, писем было относительно немного, и все довольно спокойного содержания со словами поддержки. Последнее пришло час назад, и начиналось оно с «Уважаемая Марина Александровна!».

Открыв его, она услышала шипение кофеварки, возвещавшее о второй утренней чашке кофе. Насыпав пару ложек сахара из старинной золотой сахарницы, которая досталась отцу по наследству от дяди -нотариуса и которая самой Марине навевала воспоминания о том, как по праздникам в ней таинственным образом появлялись конфеты, она вернулась за стол. За эти пару минут появилось еще одно сообщение от посетителя с именем «Сергей Белозеров».

«Уважаемая Марина Александровна!

Меня зовут Сергей, я ваш новый начальник. В связи с тем, что ваш телефон недоступен, я решил написать сюда. Мы уже знаем, что ваша сестра найдена, и надеемся, что вы наконец выйдете на связь, так как у вас остались некоторые списки, необходимые для отчетов. Мы ждем вас на работе в самое ближайшее время и, я надеюсь, мне не нужно писать вам о последствиях неявки».

И второе.

«Марина Александровна?»

«Какой нетерпеливый новый начальник», – улыбнулась Марина, вспоминая Аллу. Она пришла с огромным рвением, вложив все в эту работу. Вот и ее ушли, текучка кадров. Все одно и то же, жизнь продолжается.

Она еще немного почитала группы, заедая это найденным в холодильнике салатом с тунцом от Васи. Люди писали множество комментариев вроде «и где они, мы волновались!», но общее количество комментов пошло на убыль. Вновь поток ежедневных новостей стал закручивать в водовороте, и уже было некогда разбираться в причинах произошедшего. Люди только думают, что научились управлять информацией, тогда как информация полностью управляет ими. Споласкивая салатницу до прозрачности стекла, Марина думала о Владе Листьеве, смерть которого так потрясла страну. Картинка с убийством на всех каналах, прерванные телепередачи и убытки продюсеров. Не меньше года все полоскали несколько имен и неизменно с этого начинали вечера гости родителей.

Сейчас даже новость о маньяке-педофиле вызывает тупое равнодушие. Сколько их, этих смертей? Каждый день пачками умирают. Посчитав, что они побеждают смерть лекарствами и прогрессом, отдалившись от природы, люди еще никогда не были столь первобытными, принимая спокойно происходящее. Стоит ли обвинять в этом интернет? В тре-

тый раз поставив кофеварку на плиту для прошлепавшей в туалет Алисы, Марина ответила себе: нет. Мы сами сделали свой выбор – отупеть. Никто не виноват.

Алиса встала под душ, и Марина решила не дожидаться ее. Снова с нежностью посмотрела на спящего Васю и приоткрыла шкаф в поисках черного комбинезона. Рука во тьме растерянно шарила по вешалкам: джинсы, три юбки-карандаш, платье из органзы в гортензиях, летние шорты из хлопка в офис, платья-футляры для вечеринок, длинное платье для свадьбы Аллы. Слегка сжав его, она стиснула зубы, вспомнив что-то.

Алиса наливала кофе, капая туда лимон по любимой привычке. В кухне было тепло от конфорки, и она блаженно прикрыла глаза. После ночи в лесу по спине бегал легкий холодок по спине и еще там она поклялась, что на непременно купит себе кашемировое пальтишко с подкладом. Марина вышла из спальни, уже полностью одетая. На ней были штаны-дудочки из серого хлопка и длинный пиджак.

– Срочно вызвали на работу, не скучай, загляни в интернет, – быстро пробормотала она, натягивая ботинки.

Но Алиса успела заметить, что, закрывая за собой дверь, Марина вытерла слезы. Они еще не успели толком поговорить, и она лишь в общих чертах знала о случившемся. Что Денис стал причиной случившегося. Что они с Мариной вдвоем вели расследование. Что ее спасли. Но подробности... Есть не хотелось, и она захлопнула холодильник, су-

мрачно обозрев изобилие. Брат постарался. Приобрел штук шесть видов колбас, сыр, даже, кажется, французский, привез, кастрюля с солянкой и еще с пловом, салат из трав, рыба, икра кабачковая, три бутылки шампанского и «Альпен гольд» с кукурузными хлопьями. Голод все же пробился через толстую корку остальных эмоций, и она выхватила банку икры.

Припарковавшись перед офисным зданием, Марина привычно вздохнула. Она любила свою работу. Ей нравилась узкая улочка, вывернув из которой, ты попадаешь в шумный центр. Рядом прятался один из корпусов университета, и студенты курили на лавочках, выстраивая предположения о пересдачах. Здесь же стояло недорогое кафе, где в чайник можно было налить сколько угодно кипятка, и никто из официантов не стремился выгнать убыточных сидельцев. Она любила вид на железную дорогу из своего окна. Старые, проржавевшие вагоны с надписями вроде «КНП», «ЖЕЛДОР-ЛИН» и прочие скрипели на рельсах от тоски по высоким скоростям, а ей казалось, что они зовут ее в новое путешествие. Но здание, само здание, вызывало в ней уныние. Ну кому пришло в голову выстроить коробку из двадцати пяти этажей шириной в четыре многоэтажки? Синие стекла, в которых должно было отражаться ликующее небо, только раздражали глаз своей яркостью и всюду, куда бы ты ни повернулся, загораживали тебе солнце. И это не говоря уже о том, что аренда из-за места была непомерно высокой, от че-

го площадки пустовали. Самое же ужасное было в том, что в карму зданию каждый день плевали студенты еще одного университета, оставшегося позади этого здания. Полное отсутствие парковки и солнца заставляло молодежь поносить постройку каждый раз, как они проходили мимо.

Повернувшись к заднему сиденью за очками, Марина скользнула взглядом по пустоте. Пора возвращаться к реальности, в очередной раз сказала она себе и вошла в здание мимо прикорнувшего охранника. Лифт с безупречно чистым зеркалом поднял ее на четырнадцатый этаж. Не поздоровавшись с молодой секретаршей, она впорхнула в кабинет, энергично постучавшись. Начальник сидел за столом и что-то писал, но яркое солнце врывавшееся в открытое окно, не давали Марине его рассмотреть.

– Садитесь, – бархатным спокойным голосом приказал он.

Если бы не кресло под ней, наверное, пришлось бы с размаху плюхнуться на пол, чему Марина была бы не прочь, лишь бы не видеть этих карих глаз, смотревших с легкой усмешкой. Кудрей не было, но тот цвет волос она не спутала бы ни с чьим – медный, как у лесного ежика. И руки. Те же длинные, аристократичные, ненужные простому работяге пальцы. Перед нею сидела ожившая галлюцинация – Илья и не Илья. Под легким песочного цвета пиджаком угадывались более узкие плечи и явно наработанное в зале тело, но это был он!

– Что ж, наверное, я должен представиться. Сергей Вале-

рьевич. Ваш новый начальник. Алла Андреевна характеризовала вас как ответственного и очень грамотного работника, что я и подтвердил, просмотрев ваши отчеты. Что касается вашего исчезновения...

Он говорил строго, но справедливо. Глаза смотрели тепло, но не становились жадными, не обирали тело, и Марину пробирало все сильнее. В конце концов она крепко зажмурилась до мозаики перед глазами, выдохнула и сказала:

– Будем работать, товарищ!

И, пожимая ее руку, Сергей Валерьевич вдруг задорно подмигнул.

Глава 17. История третья

«Дорогой Денис!

Прошло уже больше недели, как я вернулась домой и, как говорит твоя мама, ты наконец пошел на поправку. Но я все равно не решаюсь позвонить. Наверное, я не такая смелая, как моя сестра, которая приехала к тебе сразу же, я бы не смогла! Может, поэтому я поступила на филфак, чтобы научиться выражать свои чувства на бумаге? Хотя тебе это неинтересно, думаю. В институте меня носят чуть ли не на руках и даже без потери стипендии разрешили сдать курсак позднее срока. Гильманова говорит, что это особый талант – вляпаться не в свою проблему, но я считаю, что такое может случиться с каждым. Марина все рассказала. Честно говоря, я была в шоке, ведь мы живем в двадцать первом веке, а это какое-то Средневековье. Да и не было в той шутке ничего оскорбительного, я ее видела в фанатских группах. Мои соц-сети сейчас завалены сообщениями, предложениями о знакомстве и даже работе. Одно издательство предложило нам с тобой написать книгу по мотивам истории, но я пока не могу определиться с планами на будущее. Больше всего переживаю сейчас за Марину. Мне кажется, она чего-то недоговаривает. Иногда во сне вздыхает, будто тоска разрывает душу. Правда, сейчас у нее новый начальник, и он задает ей много работы, так что сегодня она даже осталась там допоздна, и я

надеюсь, что это ее вывезет. Как говорит Маня, «срастется – заживется». Марина сказала, что ты стрелял в этого японца, это правда? Ты для меня просто сказочный принц. Может, глупо писать так прямолинейно, но зато я честная. Старомодно? Если бы не ты... В общем, перечитывать даже не хочу, будет явной глупостью. Если будет желание, напиши или позвони.

Алиса.»

Денис запаролил архив, отправив туда письмо. Когда-нибудь, возможно, он даст ей прочитать, и она вспомнит навивную себя, удивится своему искреннему отношению к почти незнакомому принцу. Он открыл почту и обнаружил, что уже больше часа его дожидается новый заказ. Конечно, работы полно, но, пока не нашел идеал, стоит ли отказываться от любого шанса? Он быстро пробежал глазами предложение и закусил губу. Китайская компания по пошиву одежды заходит на российский рынок, и ему предлагают поработать копирайтером. Ему удалось поработать на нескольких зарубежных заказчиков, но Китай... Он снова отвернулся от монитора и, прихлебывая кофе с молочной пенкой, уставился в окно. Четыре недели, как они с Алиской переехали, и теперь вместо шумной детской площадки перед ним стелилось небо. Вопреки ожиданиям, он не скучал, наслаждаясь бесконечными вариациями облаков и смешением красок дня. Завибрировал телефон.

«Вечером приедете? Восемь месяцев не дата, но крестник

тебя ждет. Алиске не могу дозвониться». Денис отложил телефон. Марина еще смеет спрашивать, приедут ли они! Маленького Илью он обожал, и муж у нее что надо. Сердце предательски заныло, в очередной раз зацепив старую занозу, но он подавил ее и набрал номер доставки шаров. Впереди еще длинная – длинная жизнь.